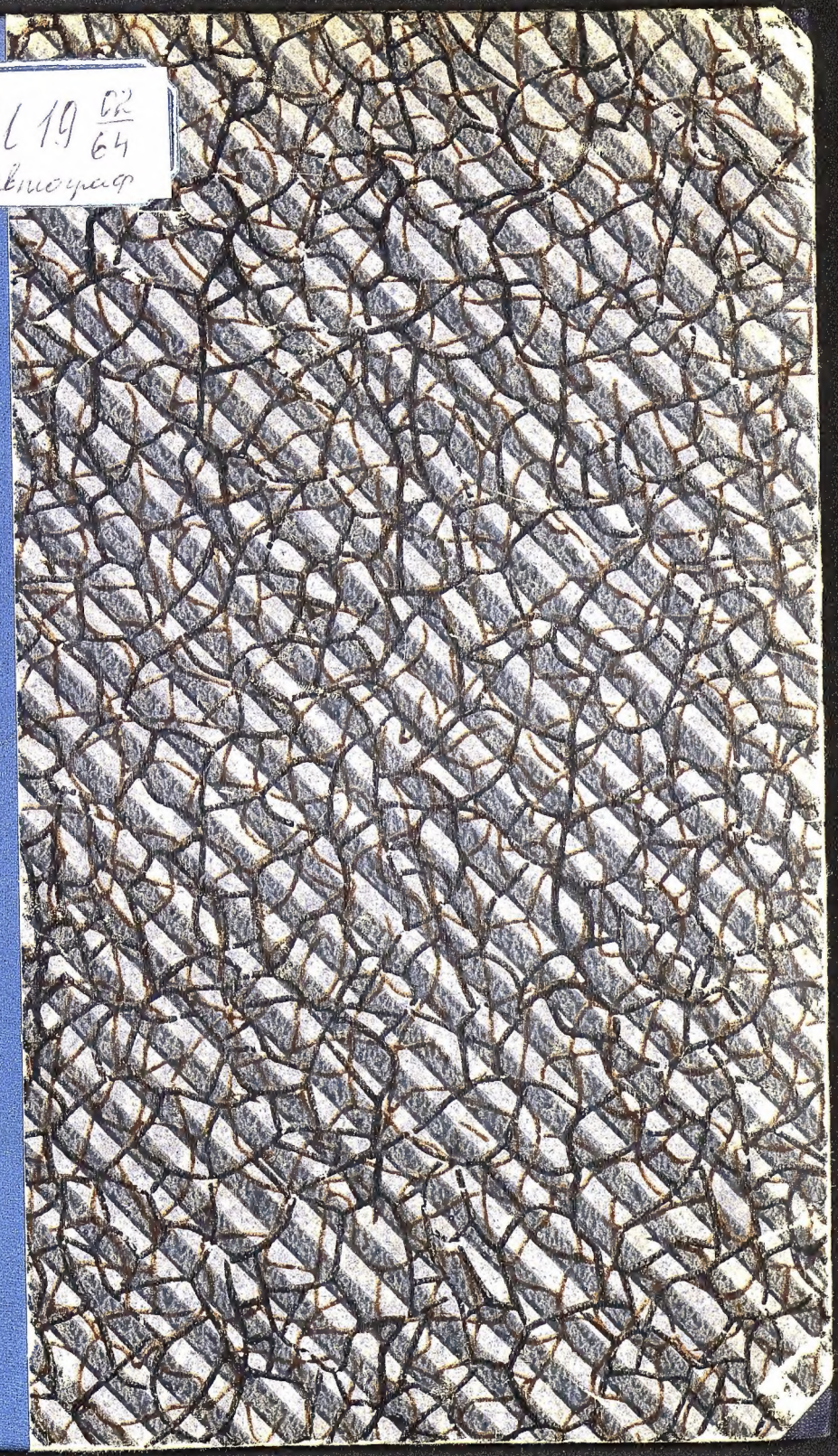
Ц 19 $\frac{02}{64}$
автограф



Дмитрию Викторовичу
Гарину
автор
8 Окт. 1915

В. В. Быховскій.

Нѣмецкія звѣрства.

Разсказы потерпѣвшихъ и очевидцевъ.

Россія, не забудь!

Цѣна 50 коп.

Изданіе **С. Ф. Гришина.**

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1914.

«Основное начало современнаго международнаго права— признаніе иностранца правовымъ субъектомъ, — субъектомъ основанныхъ на правѣ обязанностей и правъ. Въ безчисленномъ множествѣ международныхъ договоровъ признаніе это выражается во взаимномъ обѣщаніи „охраны личности иностранца и его правъ“. Но не на шаткомъ и неустойчивомъ фундаментѣ договорнаго права,—на общепризнанной международно-правовой нормѣ покоится обязанность государства охранять всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи „личность и права“ иностранца. Отъ этой обязанности освободила себя Германія. Она отдала русскихъ подданныхъ, мирныхъ и беззащитныхъ, на потокъ и разграбленіе черни, на произволъ своихъ правительственныхъ агентовъ. Тѣ безчисленныя насилія, оскорбленія и издѣвательства, которымъ подвергаются русскіе въ Германіи, являются несмываемымъ пятномъ на ея международной чести.

Война — суровое и жестокое дѣло; на войнѣ убиваютъ для того, чтобы не быть убитымъ. Исторія прощаетъ жестокости войнъ, вызываемыя желѣзнымъ закономъ военной необходимости. Пройдетъ время, и на поляхъ сраженія, упитанныхъ кровью героевъ, заколосится жатва. На братскихъ могилахъ вчерашніе враги протянутъ другъ другу руку примиренія. Но не забудетъ исторія ненужныхъ и безсмысленныхъ жестокостей, насилія и издѣвательствъ надъ слабыми и беззащитными, надъ стариками, надъ женщинами и дѣтьми. Годы мира не выравняютъ пропасти, отдѣляющей Германію отъ Россіи, — глубокой пропасти, вырытой высокомѣріемъ и яростью тевтонцевъ».

Проф. В. Гессенъ.

2119 02/64

В. В. Быховскій.

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА.

Разсказы потерпѣвшихъ и очевидцевъ.

Россія, не забудь!

89

Изданіе С. Ф. Гришина.

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1914.

10291.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 286522
„___" _____ 193 г.

Отъ издателя.

Настоящее изданіе продиктовано отнюдь не корыстными цѣлями: издатель едва-едва покроетъ издержки его печатанія даже въ томъ случаѣ, если все изданіе разойдется, а составитель безвозмездно отдалъ свой трудъ по собиранію и систематизированію матеріала, корректированію и т. п.

Но и издатель и составитель одинаково убѣждены, что каждый, кому дорога цивилизація, долженъ чѣмъ можетъ помогать въ борьбѣ культурной Европы противъ злодѣйскихъ иниціаторовъ кровавой драмы народовъ. Чѣмъ скорѣе будетъ развѣнчана, обезсилена и задавлена гнусная реакція и укрѣпленный ею милитаризмъ, тѣмъ легче вздохнетъ человѣчество. Чѣмъ ярче будетъ показано міру, до чего доводитъ развратъ, созданный не только у себя дома, но и во всемъ свѣтѣ, гнуснымъ режимомъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ, какую по истинѣ звѣриную злобу сѣетъ онъ въ вѣрныхъ ему душахъ, какъ превращаетъ онъ культурныхъ по виду людей въ разъяренныхъ дикарей, тѣмъ сильнѣе вспыхнетъ ненависть ко всему этому стану варваровъ, тѣмъ настоятельнѣе возникнетъ необходимость покончить съ этимъ разсадникомъ международнаго озлобленія, разоренія и одичанія.

И прежде всего Россія не должна забывать того зла, которое ей причинили Пруссія и Австрія, тѣхъ глубокихъ униженій, издѣвательствъ и оскорбленій, которымъ издавна подвергали нѣмцы даже у насъ дома, внутри Россіи, сыновъ нашей черезчуръ великодушной, добродушной, долготерпѣливой и снисходительной родины.

Неслыханныя нѣмецкія звѣрства послѣднихъ дней—только яркая вспышка этой постоянной ненависти нѣмцевъ къ славянству и къ Россіи въ частности.

Наше изданіе и стремится быть одной изъ памятокъ, долженствующихъ напоминать русскимъ людямъ о мученіяхъ, причи-

ненныхъ злобными тевтонами нашимъ ни въ чемъ неповиннымъ соотечественникамъ, въ томъ числѣ женщинамъ и дѣтямъ.

Есть свѣдѣнія, что такихъ изданій готовится нѣсколько и всѣ они, конечно, будутъ преслѣдовать одну великую цѣль — не дать Россіи забыть о варварской жестокости тѣхъ самыхъ нѣмцевъ, милліоны сородичей которыхъ селятся у насъ, въ Россіи, встрѣчая здѣсь самое гуманное, культурное, вполнѣ человѣческое отношеніе, устраиваясь такъ, какъ никогда бы они не устроились въ Германіи или Австріи, гдѣ кипитъ самая жестокая борьба за существованіе... и платя намъ за это отношеніе злобою, ненавистью и истинно-тевтонскимъ презрѣніемъ ко всему, что *не-нѣмецъ*.

Когда уже эта книга заканчивалась печатаніемъ, появилось извѣстіе, что правительство наше тоже озабочено точнымъ установленіемъ всѣхъ случаевъ нѣмецкаго звѣрства, проявленнаго въ эту войну, въ цѣляхъ международнаго активнаго протеста. Эту мѣру можно искренне привѣтствовать, хотя никогда не слѣдуетъ забывать, что Гогенцоллеры и ихъ вѣрные юнкеры и камарилья давно потеряли всякій страхъ передъ протестами, не поддерживаемыми бронированнымъ кулакомъ — единственнымъ аргументомъ, доступнымъ и обязательнымъ для этихъ одичавшихъ людей безъ чести и совѣсти.

Безусловно присоединяясь къ воззванію г. Семенова Тянъ-Шанскаго, мы помѣщаемъ его во главѣ нашей брошюры.

О варварахъ XX вѣка.

Какія бы мѣры ни предлагались для возмездія за нѣмецкія звѣрства послѣднихъ дней, я считаю совершенно необходимымъ точную и документированную свидѣтельскими показаніями регистрацію нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при содѣйствіи общественныхъ организацій всѣхъ случаевъ проявленія нашими врагами той безчеловѣчности, которой еще нѣсколько дней назадъ нельзя было допустить даже въ воображеніи въ средѣ цивилизованныхъ народовъ и о которой нельзя будетъ безъ глубокаго душевнаго возмущенія вспоминать ни намъ, ни нашимъ потомкамъ.

Да не будетъ же ложнаго стыда ни у кого изъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей при дачѣ ими правдивыхъ показаній о томъ, что на вѣкъ должно сдѣлаться достояніемъ всемірной исторіи!

Все зарегистрированное должно быть сведено въ официальный сборникъ, изданный нашимъ правительствомъ на нѣсколькихъ

европейскихъ языкахъ для широкаго его распространенія не только въ Россіи, но и вездѣ за границей.

Что же касается кары за содѣянное, то отвѣтственность за всѣ преступленія должна быть возложена не только на единичныя личности, но и на *всю породившую ихъ и поощрившую ихъ преступленія націю*, которая подъ личиной культуры оказалась на столь низкой, недопустимой въ Европѣ ступени моральнаго развитія.

А для этого мы должны одержать *и довести до конца* полную побѣду надъ этой націей. Побѣда наша должна быть не только физической, но и моральной, ради чего мы не можемъ позволить себѣ ни одного эксцеса по отношенію къ безоружнымъ врагамъ, какъ на территоріи Германіи и Австріи, такъ и на нашей. И тогда насъ можетъ разсудить всякій, въ комъ не угасла божеская искра человѣчности.

Андрей Семеновъ Тянъ-Шанскій.

(Новое Время 2 августа).

Предисловіе.

Кто имѣлъ дѣло съ нѣмцами, особенно съ пруссаками, кто хотя день одинъ провелъ въ Берлинѣ, тотъ и раньше зналъ, до чего искаженъ образъ былой прекрасной страны Гёте, Шиллера и Гейне проклятымъ прусско-германскимъ режимомъ, созданнымъ Гогенцоллернами, надѣвшими германскую императорскую корону, возложенную на ихъ истинно тевтонскія головы нашими же руками и укрѣпленную Бисмаркомъ и Мольтке—настоящими отцами давящаго весь міръ, проклинаемаго всѣми народами милитаризма.

Но до чего могутъ дойти современные нѣмцы и особенно пруссаки, какую дикую, по истинѣ варварскую злобу ко всему не-нѣмецкому и особенно къ русскому питаютъ они, это показали наши дни, когда весь міръ вознегодовалъ при разсказахъ о мученіяхъ и истязаніяхъ, которымъ подвергались русскіе въ Германіи.

Неужели мы, русскіе, простимъ нѣмцамъ по нашему чрезмѣрному миролюбію и добродушію и эти издѣвательства надъ нашими братьями, начиная съ Особъ Царской Семьи и кончая скромнѣйшими нашими согражданами, женщинами и дѣтьми?! Неужели, когда придетъ для пруссаковъ послѣ несомнѣннаго разгрома ихъ часъ расплаты, мы не заставимъ ихъ поплатиться за горе и слезы, пролитыя безвинными жертвами ихъ наглости, варварства и тевтонской злобы?

Эта книжка имѣетъ цѣлью собрать воедино нѣкоторые матеріалы, помѣщенные въ нашей періодической печати, о мученіяхъ, испытанныхъ русскими въ Германіи послѣ преступнаго объявленія коронованнымъ безумцемъ войны нашему отечеству. Чтобы собрать всѣ разсказы объ этихъ ужасахъ нѣмецкаго варварства, понадобился бы огромный томъ.

Если міръ забудетъ эту памятку, Россія не забудетъ ея.

Да отольются проклятымъ варварамъ горькія слезы нашихъ женщинъ и дѣтей!

Конечно, не мирные жители, женщины и дѣти Германіи и Австріи расплатятся передъ Россіей за безуміе, жестокость и корыстныя вожделѣнія Вильгельма II и его камарильи.

Великодушная Россія, ея Царь и славная армія сражаются только съ дѣйствительными врагами нашей родины—германскимъ и австрійскимъ правительствомъ и ихъ арміями, ихъ и *только ихъ* сокрушатъ они и *только государства* германское и австрійское заставитъ Россія расплатиться за невыносимое лежащее страшнымъ бременемъ на всемъ мірѣ иго непереноснаго милитаризма, международной злобы и паденія культуры, созданное новѣйшимъ Атиллою и его прусскими юнкерами, вкупѣ съ умирающимъ Габсбургомъ, попавшимъ въ руки безчестнѣйшей военной партіи.

* * *

Когда эта брошюра уже была готова къ печати, въ „Новомъ Времени“ появилась прекрасная статья г. Меньшикова, съ которою мы считаемъ полезнымъ познакомить читателей:

Должны побѣдить.

Если бы отъ меня зависѣло, я приказалъ бы отпечатать въ милліонѣ экземпляровъ краткое описаніе нѣмецкихъ звѣрствъ для распространенія въ арміи нашей и въ народѣ. Это будетъ не клевета, это голая правда, неожиданная и ужасная, которую чрезвычайно важно знать русскому народу. Надо же знать врага, съ которымъ воюешь, и на что онъ способенъ въ случаѣ побѣды. О нѣмцахъ народъ нашъ судитъ по тѣмъ нѣмецкимъ ремесленникамъ и купцамъ, которые издавна нашли въ гостепріимной Россіи вторую родину. Эти русскіе нѣмцы народъ сравнительно опрятный и честный, и за эти качества мы обыкновенно терпимъ нѣкоторую ихъ тупость, черствость и оттѣнокъ презрѣнія, которое они питаютъ къ намъ. Когда-то, въ стародавніе годы, когда нѣмецкое засилье въ Россіи было серьезнѣе, чѣмъ теперь, народъ нашъ почувствовалъ тяжкую руку этой расы: вспомните бироновщину на верхахъ русской жизни и страшное иго бурмистровъ надъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Какъ бы это ни звучало парадоксомъ,—волной жестокости въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка мы обязаны были по преимуществу нѣмцамъ. Прогонка сквозь строй, шпицрутены, какъ и ежедневная палочная муштра въ арміи—все это нѣмецкія изобрѣтенія. Особенно ревностно придерживался ихъ Фридрихъ Великій и его изступленные поклонники въ Россіи чисто нѣмецкой крови. Надо было сильно обрусѣть нѣмцамъ въ Россіи, чтобы эта жестокость постепенно смягчилась, пока совсѣмъ не была исключена изъ законодательства. Надо было коренной Германіи сильно цивилизоваться подъ вліяніемъ Франціи и Англіи, чтобы отстать отъ варварства хотя бы поверхностнымъ образомъ. Что это варварство еще очень крѣпко держится въ крови нѣмцевъ, доказываетъ многое въ ихъ жизни. Изъ всѣхъ армій великихъ и малыхъ державъ только въ нѣмецкой арміи жестокое обращеніе съ нижними чинами сдѣлалось притчей во языцѣхъ. Съ грубыми фельдфебелями соперничаютъ въ жестокости и офицеры, большинство которыхъ принадлежитъ въ Германіи къ дворянству. Склонность къ кулачному праву у нѣмцевъ сквозитъ въ сохранившихся тѣлесныхъ наказаніяхъ и затрещинахъ въ школахъ, а также въ кровавомъ обычаѣ дуэлей среди студентовъ даже бюргерскаго сословія. Репутаціей рукоприкладства пользуется и нѣмецкая

полиція. Гуманизмъ и государственная конституція, заимствованные нѣмцами отъ западныхъ сосѣдей, значительно связали нѣмецкую жестокость, почему она проявляется только тамъ, гдѣ законъ на нее смотритъ сквозь пальцы. Нижніе чины связаны дисциплиной — и стало быть тутъ-то и можно потѣшиться надъ человѣкомъ. Что такое нѣмецъ an und fur sich, — это ярко проявилось въ нѣмецкихъ колоніяхъ Африки. Надъ несчастными чернокожими „цивилизаторы“ ихъ продѣлываютъ иногда самыя кошмарныя жестокости. Тутъ дозволенъ не только грабежъ чужого имущества, но и изнасилованіе женщинъ и дѣтей, и ужасныя пытки и истязанія, и наконецъ мучительная смерть. Когда отъ времени до времени въ печать проникаютъ подобныя извѣстія изъ Африки, общественное мнѣніе негодуетъ, добивается разслѣдованія, но что-то не слышно ни объ одномъ суровомъ приговорѣ. Теперь вспыхнула война—и что же удивительнаго, что нѣмцы поспѣшили раскрыть всю прелесть своей души, истомившейся въ ограниченіяхъ культуры! Хотя Россія кромѣ великаго добра ничего не сдѣлала Германіи, хотя именно благодаря Россіи Германія существуетъ, многократно спасенная отъ гибели и поддержанныя при освобожденіи, тѣмъ не менѣе нѣмцы вдругъ обнаружили лютую злобу, очевидно, давно накопленную и до этого едва скрываемую.

Было бы еще простительно для нихъ, если бы мы объявили имъ войну, но въ данномъ случаѣ вѣдь они же начали воевать съ нами и они же проявляютъ теперь чисто звѣрскую свирѣпость. Все человѣческое, рыцарское, культурное, нажитое вѣками — съ нихъ какъ рукой сняло. Точно вѣтромъ сдуло прославленное нѣмецкое благочестіе, ихъ христіанскій протестантизмъ, учащій любви къ врагамъ. О любви къ врагамъ, конечно, странно говорить въ эпоху войны, объявленной не на жизнь а на смерть. Но благородные люди даже въ смертельной опасности не теряютъ человѣческаго образа, не превращаются въ звѣрей. Старое рыцарство запрещало подлые удары, запрещало обиду слабыхъ или неуваженіе къ женщинѣ. Вытащить изъ автомобиля графиню Потоцкую за волосы — это нѣмцамъ показалось чѣмъ-то въ родѣ маленькой побѣды, но отнынѣ Польша знаетъ, какъ поведутъ себя нѣмцы, если захватятъ Польшу. Избить прикладами ружей жену кавказскаго намѣстника, выбросить лежащаго въ параличѣ русскаго сенатора изъ больницы, отвести въ участокъ русскаго князя, женатаго на великой княжнѣ, и пр., и пр... во всемъ этомъ столько яркаго, столько махроваго хамства, что однимъ военнымъ раздраженіемъ тутъ ничего объяснить нельзя. А если прибавить къ этому хамству поспѣшный, жадный разстрѣлъ въ Калишѣ совсѣмъ неповинныхъ и маленькихъ людей, то невольно придешь къ заключенію, что нѣмцы демонстрируютъ теперь какъ бы нарочно передъ всѣмъ свѣтомъ, что они такое въ ихъ скрытой сущности. Они — тѣ же варвары, тѣ же Кимвры и Тевтоны, которые когда-то стадомъ хищныхъ звѣрей сваливались изъ-за Альпъ на культурный міръ Этруріи и Лаціума. На Западѣ говорятъ: поскребите русскаго, и вы въ немъ найдете татарина. Пословица невѣжественная, ибо русскій никогда татариномъ не былъ. Поскребите его—вы, можетъ быть, найдете въ немъ древняго славянина, мирнаго и добродушнаго, храбро отражавшаго сосѣдей, но очень рѣдко нападавшаго на нихъ. Варяги въ теченіе ста лѣтъ тщетно старались вымуштровать русскихъ славянъ и заставить ихъ взять Византію. Ничего изъ этого не вышло, ибо въ русской душѣ нѣтъ ни ненависти къ сосѣднимъ народамъ, ни инстинкта грабежа. Но вотъ, если поскрести нѣмца, то вы найдете въ немъ древняго тевтона, для котораго война была національнымъ ремесломъ. „Война и охота“, какъ свидѣтельствуетъ Тацитъ, и даже въ раю Валгалы нѣмцы ничего не могли придумать для себя блаженнѣе войны и охоты, т.-е. убійства и убійства. Англійскій антропологъ Тэйлоръ, авторъ „Происхожденія Арійцевъ“, доказываетъ, что германская раса значительно низшаго типа, чѣмъ кельто-славянская. Знаменитый Неандертальскій черепъ, столь типическій для сѣверныхъ тевтоновъ, наиболѣе звѣроподобенъ, приближаясь къ черепу гориллы. По мнѣнію названнаго серьезнаго ученаго, основанному на разборѣ обширной литературы по этому вопросу, германцы были аріизированы кельто-славянами и окультурены ими. Но, видимо, эта древняя наша выучка, какъ и позднѣйшая цивилизація, не пошли въ прокъ нѣмцамъ. Чуть что, и вся образованность съ нихъ сбѣгаетъ, какъ съ гуся вода. Передъ нами вооруженный штыкомъ и браунингомъ звѣрь, которому мало отнять у васъ кошелекъ, а доставляетъ удовольствіе влѣпить вамъ еще пулю въ лобъ. Ничѣмъ инымъ, какъ именно удоволь-

ствіемъ убить человѣка, хотя бы совершенно безоружнаго, нельзя объяснить чудовищный разстрѣлъ чиновниковъ, курьеровъ и простыхъ обывателей въ Калишѣ и такой же разстрѣлъ—даже дѣтей—во Франціи. Если освободившееся отъ цивилизаціи германское начальство думаетъ, что подобныя жестокости возбуждаютъ ужасъ, оно не совсѣмъ право. Кромѣ ужаса, побуждающаго рабски покоряться, эти жестокости возбуждаютъ и другой ужасъ, побуждающій бороться до послѣдняго вздоха, и кромѣ ужаса — глубокое презрѣніе къ подобному врагу. Ужъ если вы, господа нѣмцы, въ первые же дни войны начинаете съ жестокостей надъ беззащитными жителями, то это довольно плохое свидѣтельство вашей силы. Очевидно, надежда на штыки и пушки у васъ не крѣпкая, если вамъ приходится поднимать терроръ среди мирнаго населенія. Начиная пріемами, напоминающими разбойничество и мародерство, вы окончите тѣмъ, чѣмъ оканчиваютъ люди этихъ почетныхъ профессій.

Нѣмецкія звѣрства имѣютъ одно хорошее значеніе. Они раскрываютъ глаза всему свѣту и въ томъ числѣ нашему русскому добродушію. Кто склоненъ идиллически глядѣть на войну съ нѣмцами, можетъ теперь убѣдиться воочію, что она такое. Если мы не сумѣемъ побѣдить врага, то можемъ быть увѣрены, что, сдавшись ему, не найдемъ даже тѣни великодушія. Нѣтъ, въ случаѣ пораженія, мы должны готовиться къ жестокостямъ первобытнымъ. У насъ отнимутъ не только національное правительство и навяжутъ намъ свое. Отнимутъ и наши земли, и имущество, и капиталы, отнимутъ всякое право распоряжаться своей судьбой, и подъ дуломъ револьвера обратятъ насъ въ „подстилку“ для своей „высшей расы“, въ навозное для себя удобреніе. Когда Вестготы завоевали Италію, это выразилось, въ концѣ концовъ, вотъ въ чемъ. Каждое римское хозяйство сдѣлалось собственностью какого-нибудь нѣмца. Рослый, бѣлокурый, румяный Готъ отводилъ себѣ лучшую часть дома, а хозяевъ съ дѣтьми и слугами заставлялъ тѣсниться на задворкамъ. Лучшая часть скота, хлѣба и всякой провизіи полагалась ему, завоевателю. Хозяева работали отъ зари и до зари, а нѣмецъ, у нихъ внѣдрившійся, сладко спалъ, плотно ѣлъ, много пилъ вина, охотился и ровно ничего не дѣлалъ. Къ его услугамъ были сады и виноградники хозяевъ, ихъ лошади, ихъ красивыя женщины и винные погреба. При первой попыткѣ сопротивляться нѣмцамъ, слѣдовали истязанія и казни. Вотъ и вся система нѣмецкаго завоеванія. Черезъ нѣсколько столѣтій Вестготы потеряли свой языкъ и кровь, перемѣшавшись съ побѣжденными,—но каково было терпѣть это иго туземному населенію въ теченіе вѣковъ! Отобранныя у народа земли навсегда остались у феодаловъ, и до сихъ поръ еще аграрный вопросъ въ Италіи своими корнями упирается въ отдаленное порабощеніе нѣмцамъ. Вы скажете,—теперь не время Аллариха, мы живемъ въ XX вѣкѣ. Вѣрно, но этотъ фактъ ровно ничего не рѣшаетъ. Въ XX вѣкѣ нѣмцы вытѣсняютъ польскую народность въ Познани, какъ вы знаете, не слишкомъ мягкими средствами. Совершенно откровенно поставлена цѣль: Поляковъ выселить, а на мѣсто ихъ устроить нѣмцевъ. Польскихъ дѣтей розгами заставляютъ даже молиться по-нѣмецки.

Когда-то императоръ Вильгельмъ II нарисовалъ знаменитую картину о поднимающейся желтой опасности съ Востока. Надъ горизонтомъ, надъ христіанскими храмами, въ дыму и пламени поднимался идолъ Будды. Подъ картиной стояла подпись: „Народы Европы, приготовьтесь защищать ваши святыни и сокровища“. По ироніи судьбы роль идола Будды пришлось сыграть самому коронованному пророку. Если поднялась ужасающая міръ опасность, то не со стороны Китая, а со стороны Германіи. Не Китай объявилъ войну сразу европейскому Западу и Востоку, а сдѣлала это Германія. Пожары, опустошенія, потоки крови и грабежъ вноситъ въ Европу не желтый драконъ Небесной имперіи, а черный прусскій орелъ. Необходимо всѣмъ европейскимъ народамъ до глубинъ своихъ убѣдиться, что въ мирномъ кругу ихъ появился опасный хищникъ, и что если не укротить его общими силами, то онъ наложитъ на всѣхъ насъ самое тяжелое рабство. Къ великому счастью бѣшенное нападеніе Вильгельма II на Востокъ и Западъ было во время устережено, и оно повидимому встрѣтитъ достойный отпоръ. Но намъ нельзя обольщаться тѣмъ, что въ тылу нашихъ враговъ есть союзники, которые защитятъ насъ. Нѣтъ, они объ этомъ мало думаютъ, они защищаютъ только себя и свои интересы. Намъ необходимо использовать всѣ выгоды, которыя даетъ тройственное согласіе, но рѣшать нашъ жизненный вопросъ намъ при-

дется самимъ. Подождемъ еще немного, пока не соберемъ всѣ свои огромныя силы. Дадимъ Германіи время покрѣпче связаться съ Франціей и Англіей, и затѣмъ намъ слѣдуетъ начинать съ Богомъ свою задачу.

Въ чемъ задача великой войны—объ этомъ нужно постоянно твердить и повторять, чтобы не смалодушествовать при неудачахъ и чтобы при удачѣ не выронить изъ рукъ драгоцѣнные результаты войны. Предпринятая война, какъ всякая, можетъ выйти великой и ничтожной—смотря по замыслу и исполненію его. Постараемся же сдѣлать ее великой; для этого у насъ есть и цѣли, и средства. Цѣлью войны слѣдуетъ ставить общеевропейскій вопросъ, волнующій все человѣчество. Слишкомъ ясно обнаружилось, что Европа нуждается въ перестройкѣ, притомъ весьма существенной. Когда грянула ужасная революція 1789 г. и изъ пламени ея поднялся Наполеонъ, сразу всѣ почувствовали, что тогдашняя система Европы никуда не годится. Потребовался цѣлый вихрь войнъ, чтобы средневѣковую феодальную Европу привести въ теперешній національный видъ. Но и этотъ національный обликъ съ гегемоніей Германіи и хищнымъ засиліемъ Австріи среди славянъ нуждается въ коренной передѣлкѣ. Нельзя терпѣть несчастіе, утвердившееся, какъ право, а иначе, какъ безсовѣстнымъ и нечестивымъ, нельзя назвать австрійскій гнетъ, мѣшающій славянскимъ народамъ и нѣкоторымъ другимъ объединиться для своей независимости. Необходимо съ этимъ покончить. *Австрія должна быть сокрушена*: вотъ въ чемъ радикальное разрѣшеніе европейскаго вопроса. Германія въ этомъ случаѣ сама собой войдетъ въ естественные, довольно узкіе берега. Русская же часть общеевропейскаго вопроса, связаннаго съ Австріей, заключается лишь въ возвращеніи давно отторженной отъ насъ Червонной Руси съ ея угорскимъ и румынскимъ заливами.

Возвращеніе русской Галиціи не будетъ завоеваніе,—это будетъ *отвоеваніе* своей собственности, освобожденіе изъ плѣна своихъ кровныхъ братьевъ. Больше ни о чемъ Россія можетъ не думать, но забыть этотъ долгъ народной совѣсти было бы исторической измѣной. Мы вели длинный рядъ войнъ за освобожденіе двоюродныхъ и троюродныхъ, и даже совсѣмъ чужихъ племенъ. Пора же наконецъ вспомнить о своихъ родныхъ братьяхъ, томящихся въ неволѣ. Въ русской Червонной Руси числится до четырехъ милліоновъ русскихъ; на самомъ дѣлѣ ихъ больше, ибо очень многіе подъ двойнымъ гнетомъ Вѣны и Кракова не называютъ себя русскими. И по населенію, и по пространству Червонная Русь явится достойной наградой за вторую освободительную войну. Съ присоединеніемъ этой „отчизны и дѣдины“ дома св. Владиміра Россія дойдетъ до своего естественнаго предѣла, какой указалъ ей Богъ въ Европѣ. Россія дойдетъ до Карпатскаго хребта. Тамъ оканчивается наша этнографическая граница, тамъ мы и должны остановиться. Воюющая съ нами Венгрія должна быть наказана отобраніемъ у нея всѣхъ славянскихъ и румынскихъ областей, а Австрія—отобраніемъ отъ нея всего ей чужого. Раздавъ награбленное Габсбургами и Гогенцоллернами по принадлежности, Россія можетъ счесть свою роль въ великой войнѣ выполненной. Кому нужны дальнѣйшія завоеванія на счетъ австро-германскаго союза,—тѣ пусть ведутъ войну на свой страхъ и рискъ, у насъ же, мнѣ кажется, нѣтъ ни нужды, ни потребностей нарушать 8-ю заповѣдь. Сколько отъ насъ зависитъ, мы должны считать себя призванными установить на справедливыхъ началахъ долговременный, если не вѣчный миръ. Человѣчество въ немъ нуждается, чтобы выйти изъ бѣдственнаго состоянія, въ какомъ находятся широкія массы населенія. Если мы будемъ пребывать въ вѣчномъ страхѣ передъ Германіей, способной поднять всесвѣтную бойню, то никогда народы не дождутся счастья обезпеченнаго мира и свободнаго пользованія своимъ трудомъ. Кровожадный богъ войны вѣчно будетъ пожирать гроши бѣдняковъ, рабочихъ и кровь солдатъ.

(„Новое Время“ 31 іюля).

Первая жертва нѣмецкаго варварства.

Въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Берлина инженеръ Николаевъ, разсказывающій о первой жертвѣ германскихъ звѣрствъ. Это было въ тотъ день, когда въ Россіи была объявлена первая мобилизація. Группа русскихъ студентовъ-евреевъ расположилась за столикомъ въ кафе на Фридрихштрассе, какъ разъ противъ группы студентовъ корпорантовъ.

Корпоранты были порядочно на-веселѣ. Вдругъ одинъ изъ нихъ поднялся съ кружкой въ рукѣ и громко во все кафе провозгласилъ: „Долой русскихъ".

Этотъ возгласъ былъ встрѣченъ студентами шумными аплодисментами. Поднимается другой и, обратившись къ студентамъ-евреямъ, говоритъ. „Если славянская свинья осмѣлится поднять свое мерзкое рыло, то нѣмецкій сапогъ дастъ ей такого пинка, что онъ его во вѣкъ не забудетъ". На моментъ воцарилось молчаніе.

Одинъ изъ евреевъ-студентовъ, худощавый невысокій молодой человѣкъ, поднялся изъ-за своего стола и направился къ корпорантамъ. Товарищи стали его удерживать.

— Якобсонъ, бросьте,—кричали они,—охота связываться.

Но молодой человѣкъ, отмахнувшись, направился прямо къ обидчику.—Мы не славяне,—сказалъ онъ, обратившись къ высокому, толстому буршу.—Но мы изъ славянской страны—изъ Россіи и, оскорбляя нашихъ соотечественниковъ, вы оскорбляете въ то-же время и насъ. Не угодно-ли будетъ вамъ поэтому извиниться передъ нами.

Въ отвѣтъ на это нѣмецъ размахнулся и со страшной силой ударилъ еврея по головѣ огромной металлической кружкой. Молодой человѣкъ замертво свалился на полъ. Что произошло дальше, я не помню. Помню, что среди стоявшаго грохота и треска ломавшейся мебели я конвульсивно сжималъ чье-то горло. Кто-то билъ меня кулаками по лицу и я чувствовалъ, какъ кровь теплой струйкой стекала у меня по губѣ. Первой жертвой нѣмецкихъ звѣрствъ былъ студентъ берлинскаго университета, еврей Якобсонъ.

Я знаю навѣрно и оповѣщаю родныхъ и знакомыхъ несчастнаго молодого человѣка.

(„Моск. Курьеръ", 4 августа).

Переѣздъ черезъ границу.

(Изъ вчерашнихъ впечатлѣній).

„При переѣздѣ границы русскіе теперь испытываютъ великія страданія и боль отъ грубаго обращенія съ ними нѣмцевъ".

Эта фраза изъ телеграммы съ быстротою молніи облетѣла весь міръ, а вслѣдъ затѣмъ и въ иностранныхъ и русскихъ изданіяхъ появились описанія этой боли тѣми, кто перенесъ ее въ дѣйствительности. Ихъ описывалъ московскій городской голова Брянскій, проф. Плетневъ и др. Все то, что они говорили въ своихъ пространныхъ статьяхъ, касалось Эйдкунена и Вержболова. А вотъ, что я могу сообщить о переѣздѣ русскихъ черезъ Александрово...

Въ тотъ день и ночь, когда русскіе покидали предѣлы Германіи, всѣ города, а особенно небольшіе города и селенія, были настроены мирно, шумѣлъ же и галдѣлъ только Берлинъ въ лицѣ подонковъ, апашей, уличныхъ гаеровъ и наемниковъ. Мы промчались въ тотъ день по всей Германіи, и никто изъ насъ не встрѣтилъ въ населеніи en masse проявленій недружелюбія. Лишь подъѣзжая къ Берлину, мы начали замѣчать что-то необычное въ его пригородной жизни, а когда поѣздъ остановился въ городѣ, и мы слѣзли на Ангальтскомъ вокзалѣ,—то, что мы увидѣли въ застывшемъ городѣ, напоминало затишье послѣ какого-то уличнаго страстнаго и сильнаго движенія толпы, разогнавшей отъ вокзала всѣхъ извозчиковъ, автомобили и носильщиковъ.

Багажъ бросали и русскіе, и нѣмцы, и англичане на произволъ судьбы, скорѣе стараясь укрыться въ первую гостиницу, въ свою квартиру. По улицамъ, совершенно опустѣвшимъ, бродили зловѣщія тѣни берлинскихъ хулигановъ и подозрительныхъ женщинъ, оравшихъ кой-гдѣ Wacht am Rein и дико выплясывавшихъ въ низкопробныхъ пивныхъ что-то несуразное, дикое. На Unter den Linden, возлѣ официальной „Local Anzeiger", насколько могъ различить глазъ, валялись изорванныя телеграммы, вечерніе выпуски газетъ, и это еще болѣе усиливало впечатлѣніе недавняго, только-что улегшагося урагана манифестацій.

Здѣсь, оказывается, послѣ рѣчи Вильгельма произошла грандіознѣйшая свалка толпы тысячъ въ 70. Изъ нея не менѣе 20 тысячъ въ отвѣтъ на слова императора кричало по адресу Россіи все, что можно было слышать въ такіе моменты, а остальные 50 тысячъ, сдерживая бѣшенный порывъ крикуновъ, доказывали безсмысленность войны и потрясенія мечомъ и всей рѣчи императора.

Эти 50 тысячъ представляли сплоченную массу соціалъ-демократовъ, самой могущественной партіи въ современной Германіи. „Вы измѣнники отечеству!"—крикнули имъ изъ толпы, и началась свалка, кончившаяся лишь тогда, когда рабочіе прогнали всю массу „патріотовъ на Fridrichstrasse".

И дѣйствительно, чего-чего въ этотъ день не начитались мы. „Революція въ Варшавѣ! Баррикады! Цитадель взорвана!" „Возстаніе въ Москвѣ!" „Петербургъ взятъ рабочими! На Петербургъ,

нѣмцы!“ и т. д. „Lokal Anzeiger“ дважды напечатала телеграммы, опровергающія одна другую. Уличные листки преподносили толпѣ: „Нѣмцы идутъ на Петербургъ“, „Нѣмцы завтра въ Москвѣ“. Весь этотъ гамъ и шумъ долеталъ до русскихъ, покидавшихъ Берлинъ съ такой поспѣшностью, что въ вагонахъ ходили по дѣтямъ, давили женщинъ, лишь бы втиснуться, найти себѣ хоть кой-какое мѣсто. Вмѣсто дверей лѣзли въ окна; на перронѣ стоялъ плачъ, стонъ, раздавались истерическіе крики, все это сливалось съ ревомъ уличной черни.

Партія, въ которой мы ѣхали, отправилась на слѣдующее утро. Къ вокзалу трудно было подойти: всѣ его выходы были завалены выброшеннымъ багажемъ, какъ попало, прямо на улицу.

Поѣздъ двинулся,—двинулся навстрѣчу новымъ страданіямъ, которыхъ путники не подозрѣвали.

Станція Торнъ, послѣдняя станція передъ русской границей. Здѣсь поѣздъ былъ остановленъ начальникомъ станціи. Вскорѣ вышли войска поглазѣть на пріѣзжихъ. Стоимъ полчаса. Спрашиваемъ—отчего поѣздъ не идетъ дальше?

Кондуктора молчатъ, начальникъ станціи молчитъ, ни звука и отъ военныхъ. Ждемъ. Снова спрашиваемъ. Снова молчаніе, и только черезъ нѣсколько минутъ милостиво объявляютъ:

— Мы могли бы васъ хоть сейчасъ отправить, но васъ разстрѣляютъ ваши же русскіе.

— За что?

Отвѣта нѣтъ. Тогда мы просимъ начальника предупредить о насъ администрацію Александрова. Начальникъ соглашается, лѣниво идетъ въ зданіе станціи, но черезъ секунду возвращается и объявляетъ, что русскіе перерѣзали телефонъ и телеграфъ. Мы просимъ тогда разрѣшить намъ перейти границу пѣшкомъ,—начальникъ отвѣчаетъ, что тогда будутъ въ насъ стрѣлять нѣмецкія войска. Наконецъ, мы просимъ телефонировать въ Торнъ и оттуда въ Александрово, но въ отвѣтъ несется утѣшеніе: если вы долго будете говорить, то вы поѣдете обратно въ Берлинъ въ качествѣ военно-плѣнныхъ. Мы возражаемъ, что хотя нашъ поѣздъ и послѣдній, тѣмъ не менѣе война не началась, пропускъ долженъ состояться до 12 ч. ночи, а теперь только восемь.

Тогда начальникъ указываетъ на идущаго военнаго и проситъ убѣдиться лично отъ него въ правотѣ его завѣреній о перерѣзѣ телефона и телеграфа, о грозящемъ намъ разстрѣлѣ съ той или съ другой стороны. Мы просимъ отпустить насъ на границу съ бѣлымъ флагомъ и факеломъ, но и этого нельзя, потому что... война не началась! Начальникъ такъ запутался въ своихъ грубыхъ выходкахъ, что даже военный развелъ руками и съ укоризной посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Военный завѣрилъ, что провода цѣлы, телеграфъ и телефонъ дѣйствуютъ, въ чемъ мы можемъ убѣдиться, лично переговоривъ съ русской границей, и далъ разрѣшеніе на эти переговоры. Изъ Александрова отвѣтили, что все сказанное начальникомъ—измышленіе и ложь, что никто въ Александрово не обращался и что нашимъ пограничникамъ тѣмъ не менѣе будетъ дано знать о пропускѣ поѣзда.

Наконецъ, мы двинулись. Начальникъ стоялъ у поѣзда и ехидно улыбался,—улыбался послѣ двухъ часовъ самыхъ ужасныхъ, томительныхъ переговоровъ, доказательствъ, споровъ, насмѣшекъ, улыбался подъ плачъ женщинъ, истерику и нервные вздохи мужчинъ.

Биткомъ набитый поѣздъ скоро миновалъ полосу отъ Торна до Александрова, и подъ радостные крики тысячной толпы евреевъ, поляковъ и русскихъ, подошелъ къ станціи, покинутой уже русскими, приготовившими послѣдній поѣздъ. Этотъ поѣздъ ожидалъ прибытія нѣмцевъ, уѣхавшихъ изъ Варшавы. Нѣмцы спокойно усѣлись въ вагоны, и никто, буквально никто, не взглянулъ даже въ это время на нихъ косо! На жалобы русскихъ наши чины отвѣчали:

— И мы могли бы издѣваться надъ ними такъ же, какъ они надъ нами, но будемъ до конца людьми. Богъ съ ними!

Да и никому какъ-то ужъ и въ голову не пришло возражать чиновникамъ. Радостные, мы всѣ разсѣлись на приготовленный поѣздъ изъ товарныхъ вагоновъ, кто куда попало, и желаніемъ всѣхъ было одно—скорѣй на родину. Здѣсь мы скоро стали свидѣтелями незабвенныхъ, непонятныхъ, можетъ быть, нѣмцамъ сценъ. Вотъ ѣдетъ съ границы 70-лѣтній старикъ-плотникъ. Онъ все тамъ бросилъ, и въ деревнѣ его надежда на сыновей. Ихъ двое.

Вдругъ на одной изъ станцій старикъ приходитъ въ вагонъ, взволнованный, и разражается горькими слезами. Случайно онъ увидѣлъ на встрѣчномъ поѣздѣ своихъ сыновей-воиновъ.

Одинъ успѣлъ лишь протянуть ему руку, а другой крикнуть: скорѣй спѣши домой,—мать при смерти отъ горя. А до дома оставалось еще ѣхать десять часовъ, да со станціи сорокъ двѣ версты пѣшкомъ! Но старикъ быстро оправился и скоро заговорилъ съ утѣшавшими его.

Еще сцена. На станціи толпа. Она окружила офицера. Всѣ волнуются. Офицера умоляетъ какой-то парень непремѣнно, сію же минуту, взять его въ армію. Офицеръ доказываетъ, что онъ на это не имѣетъ права. Тогда предъ офицеромъ за парня вступаются евреи, начинаютъ также его просить, доказывать необходимость уступить желанію парня. Къ евреямъ присоединяются другіе изъ толпы.

Офицеръ смущается, не знаетъ, что предпринять. „Садись въ вагонъ!“—скомандовалъ онъ, наконецъ, парню. Тотъ радостно бросается въ вагонъ, офицеръ за нимъ. Въ толпѣ крикъ восторга, несется „ура!“, но больше другихъ волнуются два еврея,—они машутъ офицеру своими широкополыми шляпами и потрясаютъ въ воздухѣ сложенными громадными зонтами, стянутыми веревочками, несмотря на отчаянную жару. Воинскій поѣздъ скоро исчезъ съ парнемъ и взявшимъ подъ козырекъ офицеромъ.

Да, не мудрено послѣ подобныхъ переживаній забыть переживанія отъ обидъ какого-то начальника станціи, грубый и дикій произволъ „культурнаго нѣмца“, набрасывающій тѣнь на его страну и народъ.

Ив. Липаевъ.

(„Утро Россіи“, 26 іюля 1914 г.).

Какъ его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ возвращался изъ Германіи въ Россію.

Великій князь лечился на водахъ въ Вильдунгенѣ (на юго-западѣ Германіи, въ княжествѣ Вальдекъ). 8 іюля его высочество прислалъ собственноручное письмо своему начальнику канцеляріи ген.-м. Полторацкому, сообщая, что выѣзжаетъ изъ Вильдунгена 21 іюля и будетъ въ Эйдкуненѣ 22 іюля; въ концѣ письма великій князь говорилъ, что послѣ леченія нуждается въ отдыхѣ, такъ называемомъ Nachkur, и очень тоскуетъ по Россіи, куда желалъ бы вернуться поскорѣй. Вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ Вильдунгенѣ пребывали его августѣйшая супруга и младшіе дѣти, князь Георгій Константиновичъ и княжна Вѣра Константиновна. При появленіи тревожныхъ слуховъ о возможности войны съ Германіей, великій князь, несмотря на совѣты окружающихъ, рѣшилъ сразу не трогаться съ мѣста, чтобы не взволновать понапрасну многочисленныхъ русскихъ, находившихся въ томъ же курортѣ. На посланную имъ телеграмму въ Россію отвѣтъ получился успокоительный. Но грозныя событія надвигались быстро; августѣйшій братъ его императорскаго высочества, великій князь Дмитрій Константиновичъ послалъ условленную краткую телеграмму: „Выѣзжай“, но этой телеграммы великій князь Константинъ Константиновичъ не получилъ. Не получилъ телеграммы великаго князя Константина Константиновича объ ускореніи отъѣзда съ вагономъ-салономъ въ Вержболово и ген.-м. Полторацкій, но догадался самъ выѣхать 17 іюля, приказавъ выслать вагонъ вслѣдъ (вагонъ надо было предварительно передать съ Николаевской дороги на Варшавскую). Прождавъ великаго князя въ Вержболовѣ до 3 часовъ утра 20 іюля, ген.-м. Полторацкій долженъ былъ уѣхать съ послѣднимъ пасажирскимъ поѣздомъ, причемъ одна изъ прибывшихъ изъ Германіи въ послѣднюю минуту пѣшкомъ черезъ границу русскихъ дамъ сообщила, что слышала въ Берлинѣ отъ адъютанта великаго князя, что его высочество поѣдетъ черезъ Константинополь. Совершенно неожиданно великій князь вернулся въ Павловскъ въ 12 ч. дня 22 іюля. По словамъ его высочества, выѣхавъ со всей семьей изъ Вильдунгена, онъ опоздалъ на прямой поѣздъ на Эйдкуненъ въ Берлинѣ, такъ какъ изъ за мобилизаціи ихъ поѣздъ опоздалъ на 6 часовъ. Вагонъ великаго князя все-таки передали на шарлоттенбургскій вокзалъ, гдѣ пришлось ждать до утра. Утромъ пошелъ поѣздъ въ Эйдкуненъ, наполненный почти исключительно русскими, число которыхъ достигало 400 человѣкъ. Нѣмцы вели себя дорогой возмутительно: въ вагонъ къ великому князю поставили часовыхъ, одинъ изъ которыхъ умышленно курилъ въ присутствіи его высочества (нѣмцы знали, кого везутъ). А когда адъютантъ великаго князя поручикъ л.-гв. Кавалергардскаго полка Сипягинъ вынулъ папиросу, нѣмецкій часовой грубо приказалъ ему: „Спрячьте это!“ („Stecken Sie das ein“). Поминутно приказывали то поднимать окна, то опускать, задергивать занавѣски и т. д. Предупреждали, что

Гос. Публич. Научн. Б-ка
РСФСР

кто высунется изъ окна, тотъ будетъ застрѣленъ. Одинъ часовой командовалъ по-польски: „Окна до горы!“. Ночью не позволяли тушить электричество даже въ купэ его императорскаго высочества, чтобы часовые могли черезъ стекла изъ коридора видѣть, что дѣлается въ купэ. Довезя поѣздъ до станціи Гумбиненъ, нѣмецкій лейтенантъ объявилъ, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ путь у Эйдкунена разрушенъ русскими, что оказалось невѣрно. Начались переговоры. Лейтенантъ увѣрялъ, что дальше ѣхать опасно, ибо русскіе будутъ стрѣлять въ поѣздъ (который кстати шелъ подъ бѣлымъ флагомъ). Стали провѣрять паспорта русскихъ, что продолжалось больше часу. Великій князь вспоминаетъ съ благодарностью юнаго безусаго младшаго лейтенанта, провѣрявшаго паспорта, за то, что онъ былъ вѣжливъ съ его высочествомъ(!!!). Обращаться къ императору Вильгельму великій князь счелъ ниже своего достоинства. Но великая княгиня пожелала обратиться къ императрицѣ германской, своей подругѣ дѣтства. Составивъ телеграмму, ея императорское высочество подозвала изъ окна старшаго лейтенанта, прося отправить. Тотъ отвѣтилъ: „Невозможно, я не могу отсюда отойти“. При этомъ, отлично зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, умышленно называлъ великую княгиню не Keiserliche Hocheit, а просто Gnädige Frau (милостивая государыня). Потомъ заявилъ: „Частныя телеграммы отправлять нельзя“. Тогда великая княгиня наконецъ возвысила голосъ и сказала, что это не частная телеграмма, а телеграмма одной высочайшей особы къ другой. Тонъ былъ сбавленъ и пошли совѣтоваться. Посовѣтовавшись, сказали, что телеграмму отправлять не стоитъ, такъ какъ изъ этого все равно ничего не выйдетъ, а предложили отвезти великаго князя съ семействомъ до границы въ автомобилѣ. Въ автомобиль сѣли: великій князь, великая княгиня, дѣти ихъ высочествъ, два адъютанта и одна русская дама. Окна нѣмцы закрыли и наглухо затянули занавѣсками. На козлы съ шоферомъ сѣлъ одинъ изъ лейтенантовъ. Не довезя 10 верстъ до границы, нѣмцы остановились, объявивъ, что дальше ѣхать опасно—русскіе могутъ стрѣлять (хотя и автомобиль шелъ подъ бѣлымъ флагомъ); предложили выйти и идти дальше пѣшкомъ. На возраженія, нѣмецкій лейтенантъ грубо скомандовалъ: Heraus! („Вонъ“). Вышли. Поручикъ Сипягинъ поѣхалъ въ нѣмецкомъ автомобилѣ обратно за оставшимися въ поѣздѣ вещами великаго князя и его старымъ камердинеромъ. Но автомобиль не вернулся—храбрый лейтенантъ не рискнулъ вторично подвергнуться ужасной опасности быть случайно обстрѣляннымъ русскими. Посидѣвъ съ семьей на краю дороги одни-одинешеньки около двухъ часовъ (по словамъ великаго князя), рѣшили идти до русской границы пѣшкомъ (около 10 верстъ). Пошли. Нѣмецкихъ войскъ нигдѣ не было видно. Попались навстрѣчу польскіе крестьяне, предупреждавшіе по-русски, что дальше идти опасно. Они говорили, что русскіе близко и могутъ начать стрѣлять. Бывшая съ великимъ княземъ русская дама храбро двинулась впередъ на развѣдки. Пошли опять. Наконецъ, не доходя Эйдкунена, увидѣли русскій кавалерійскій разъѣздъ. Окликнули, но разъѣздъ прошелъ мимо. Потомъ показался главный разъѣздъ

съ офицеромъ. Великій князь послалъ свою карточку, былъ узнанъ и съ восторгомъ доведенъ до границы. Достали паровозъ и вагонъ 3 класса и въ немъ довезли его императорское высочество съ семьей до Вильны, гдѣ стоялъ Императорскій поѣздъ, высылавшійся въ Эйдкуненъ за Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной и возвращенный съ дороги въ Вильну.

(Новое Время, 26 іюля 1914 г.).

Судьба экскурсантовъ.

Экскурсіонный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній получилъ вчера нѣкоторыя свѣдѣнія о застрявшихъ за границей русскихъ экскурсантахъ. Выясняется, что двѣ группы швейцарскаго маршрута („4 в 3“ и „4 а 3“) находятся въ Бернѣ. Третья группа швейцарскаго маршрута („4 а 2“) благополучно прибыла въ Ригу черезъ Стокгольмъ. Получены извѣстія и о трехъ итальянскихъ группахъ. 21-го іюля онѣ выѣхали моремъ изъ Венеціи на Константинополь—Одессу. Нѣсколько группъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, застряли въ Лондонѣ. Бюро экскурсіоннаго отдѣла по прежнему осаждается родными экскурсантовъ. Многіе являются съ деньгами, прося переслать ихъ нуждающимся въ средствахъ экскурсантамъ. Просьбы эти отклоняются, такъ какъ точные адреса неизвѣстны.

Пріѣзжающіе въ Москву экскурсанты-счастливчики, успѣвшіе перескочить черезъ германскую границу, передаютъ все новыя и новыя подробности о творившихся на границѣ ужасахъ.

Нѣмцы жестоко издѣвались надъ попавшими въ безвыходное положеніе русскими, отказывали въ поѣздахъ до границы, цинично заявляя:

— Зачѣмъ вамъ ѣхать въ Россію? Поѣзжайте-ка лучше во Францію, тамъ вы можете лишній разъ выпить на брудершафтъ съ французами!

(Утро Россіи, 27 іюля 1914 г.).

Возвращеніе русскихъ подданныхъ.

23 іюля въ Петербургъ пріѣхало около 300 русскихъ, выбравшихся изъ Берлина съ послѣднимъ поѣздомъ. Въ числѣ другихъ прибылъ членъ Гос. Думы В. А. Маклаковъ, который разсказываетъ, что ему и его спутникамъ-русскимъ пришлось 28 часовъ не ѣсть. На нѣмецкихъ станціяхъ русскимъ не отпускали ничего изъ буфета подъ тѣмъ предлогомъ, что съѣстные припасы приготовлены для солдатъ.

Одинъ русскій журналистъ обратился на пограничной нѣмецкой станціи къ офицеру, въ завѣдываніи котораго находилась станція, съ просьбой разрѣшить отпустить изъ буфета хотя бы два бутерброда для его маленькихъ дѣтей, которыя цѣлый день ничего не ѣли. Офицеръ, выслушавъ обращенную къ нему просьбу, сдѣлалъ подъ козырекъ, повернулся и ушелъ, не проронивъ ни одного слова.

Пріѣхавшіе русскіе передаютъ, что во время пути они не встрѣтили ни одного пьянаго русскаго запасного, въ то время, какъ въ Берлинѣ улицы и вокзалы полны были пьяными солдатами и запасными.

(Рѣчь, 25 іюля 1914 г.).

Съ послѣднимъ поѣздомъ.

Никакой разсказъ,—какъ бы подробенъ онъ ни былъ,—не можетъ дать яснаго представленія о тѣхъ ужасахъ, которые пришлось пережить русскимъ подданнымъ, возвращавшимся съ послѣдними нѣмецкими поѣздами, шедшими въ Россію.

До пятницы 18 іюля мы жили въ Лейпцигѣ совершенно спокойно, осматривали выставку, восхищались ея богатствами. Нѣмецкія газеты увѣряли, что Германія настроена миролюбиво, и печатали передовицы, написанныя въ самихъ оптимистическихъ тонахъ. Только впослѣдствіи мы узнали, что въ то самое время, когда германскіе офиціозы говорили о миролюбіи Германіи, во всѣхъ концахъ германской имперіи принимались спѣшныя военныя мѣры къ мобилизаціи, и что бодрый оптимизмъ нѣмецкихъ офиціозовъ долженъ былъ прикрыть секретныя распоряженія военныхъ властей.

Какъ бы то ни было, и мы, вмѣстѣ съ другими, не вѣрили въ возможность войны и не допускали ни минуты мысли, что Германія объявитъ намъ войну.

Въ пятницу настроеніе стало тревожнѣе. Стали говорить о возможности войны, и мы, русскіе посѣтители лейпцигской выставки, рѣшили немедленно вернуться на родину.

Но было уже поздно, и мы были жестоко наказаны за нашъ оптимизмъ и за нашу вѣру въ миролюбивыя намѣренія Германіи.

Изъ Лейпцига мы уѣхали сравнительно благополучно. Лейпцигскій поѣздъ на Берлинъ ушелъ лишь съ опозданіемъ на 1 ч. 10 м. Офиціально расписаніе поѣздовъ въ Германіи не было измѣнено, но фактически поѣзда уходили съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Очевидно, отъ времени до времени, пропускались воинскіе поѣзда и пассажирскіе поѣзда пропускались съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ расписанія.

Мытарства наши начались въ Берлинѣ. Мы пріѣхали туда съ опозданіемъ въ $1^1/_2$ часа и не застали уже поѣзда, съ которымъ мы собирались ѣхать дальше, въ Эйдкуненъ. Пришлось ждать на вокзалѣ слѣдующій поѣздъ и ѣхать съ первымъ отходящимъ поѣздомъ, не соображаясь уже съ тѣмъ, совпадаетъ ли его приходъ съ отходомъ русскаго поѣзда изъ Эйдкунена. Мы все еще не теряли оптимистическаго настроенія и надѣялись сейчасъ же по прибытіи въ Эйдкуненъ отправиться въ Россію...

На берлинскомъ вокзалѣ мы встрѣтили массу русскихъ, пріѣхавшихъ изъ другихъ мѣстностей Германіи и очутившихся въ такомъ же положеніи, какъ и мы. На вокзалѣ происходила страшная суматоха. Всѣ суетились, куда-то бѣгали. Нельзя было найти ни носильщиковъ, ни станціонныхъ чиновниковъ, у которыхъ

можно было бы узнать что-нибудь опредѣленное относительно движенія поѣздовъ.

Но все это были пустяки по сравненію съ тѣмъ, что намъ пришлось пережить потомъ.

Въ субботу, 19 іюля, въ 9 ч. 42 мин. утра, мы уѣхали изъ Берлина. Нѣмецкій Schnellzug везъ насъ съ обычной быстротой, и только благодаря остановкамъ на нѣкоторыхъ станціяхъ мы шли съ небольшимъ опозданіемъ, въ 20—30 минутъ.

До Гумбинена мы доѣхали почти благополучно, но здѣсь начались наши дальнѣйшія мытарства. Совершенно неожиданно, когда уже многіе спали, къ намъ въ вагонъ явился кондукторъ и тономъ, не терпящимъ возраженій, предложилъ намъ покинуть вагоны. Для чего это дѣлалось, намъ не объяснили, несмотря на всѣ наши разспросы.

Волей-неволей пришлось подчиниться. Въ одиннадцатомъ часу ночи на глухой нѣмецкой станціи, недалеко отъ русской границы, мы вынуждены были „aussteigen“,—почему, никто изъ насъ не зналъ. Въ видѣ предположенія кондукторъ намъ, впрочемъ, заявилъ, что насъ, очевидно, имѣютъ намѣреніе отправить обратно въ Кенигсбергъ. Перспектива не изъ веселыхъ!

Носильщиковъ на вокзалѣ не было, и вещи намъ пришлось, конечно, тащить самимъ.

Едва мы сошли на платформу, какъ были окружены вооруженными солдатами, объявившими намъ, что мы должны слѣдовать всѣмъ ихъ приказаніямъ. Наши просьбы отправить насъ до русской границы не имѣли никакого успѣха. Станціонныя власти намъ заявляли, что теперь все зависитъ отъ военныхъ властей, а военныя власти говорили, что они не вправѣ до полученія распоряженія отъ высшаго начальства отправить насъ дальше.

Положеніе наше было тѣмъ болѣе критическимъ, что почти ни у кого изъ насъ не было нѣмецкихъ денегъ. У всѣхъ насъ были русскія деньги, но уже въ Берлинѣ отказывались мѣнять русскіе кредитные билеты на нѣмецкія деньги, заявляя, что русскія кредитныя обязательства не имѣютъ теперь въ Берлинѣ никакой цѣны. Если ко всему этому прибавить, что среди 300 русскихъ пассажировъ, очутившихся въ Гумбиненѣ, было много стариковъ, женщинъ и дѣтей, что среди нихъ было немало больныхъ, лечившихся на нѣмецкихъ курортахъ, то легко себѣ представить наше положеніе...

Три часа мы находились въ полной неизвѣстности относительно того, что съ нами будетъ. Только послѣ упорныхъ настояній намъ удалось добиться, чтобы къ намъ явился нѣмецкій офицеръ, съ которымъ мы вступили вновь въ переговоры. Офицеръ, прежде всего, потребовалъ наши паспорта. Просматривалъ онъ ихъ, впрочемъ, довольно небрежно и задержалъ лишь одного изъ насъ, въ паспортѣ котораго значилось, что онъ состоитъ прапорщикомъ запаса. Прапорщику объявили, что онъ арестованъ и долженъ остаться въ предѣлахъ Германіи въ качествѣ военноплѣннаго.

Переговоры съ офицеромъ увѣнчались успѣхомъ, и во второмъ часу ночи насъ, наконецъ, удосужились отправить дальше..

въ тѣхъ же самыхъ вагонахъ, изъ которыхъ насъ высадили. Мы уже готовы были торжествовать, мы надѣялись, что до русской границы насъ доставятъ теперь безпрепятственно.

Но въ Эйдкуненѣ повторилась та же самая исторія. Насъ снова задержали и, несмотря на всѣ наши просьбы, отказывались отправить въ Вержболово, подъ тѣмъ предлогомъ, что всякія сношенія съ Россіей прерваны, и Россія будто бы, не принимаетъ поѣздовъ съ русскими пассажирами, возвращающимися изъ Германіи. Несмотря на всю абсурдность этого заявленія, власти, повидимому, сами вѣрили въ это. По крайней мѣрѣ, они насъ серьезно увѣряли, что они тутъ рѣшительно не при чемъ и что въ Россію мы не можемъ попасть только потому, что насъ не пропуститъ на русскую территорію русская пограничная стража.

Мы просили станціонное начальство и военныя власти снестись по этому поводу съ русскими властями по телеграфу или по телефону или разрѣшить намъ сдѣлать это самимъ. Но намъ отказали и въ томъ и въ другомъ.

Что было дѣлать? Положеніе наше было настолько безвыходнымъ, что мы рѣшили отправиться пѣшкомъ къ русско-нѣмецкой границѣ и попытаться ее перейти, хотя мы отдавали себѣ полный отчетъ въ томъ, чѣмъ грозитъ въ такое время самовольный переходъ границы.

Мы взяли на станціи нѣсколько желѣзнодорожныхъ телѣжекъ, положили на нихъ свои вещи и всей массой, съ женщинами и дѣтьми, тронулись въ путь. Сначала нашелся какой-то нѣмецъ, который согласился указать намъ дорогу до русской границы. Но потомъ онъ намъ заявилъ, что перейти границу невозможно, и отказался быть нашимъ „проводникомъ“. Намъ пришлось, такимъ образомъ, отыскивать дорогу самимъ.

Нѣмецкая граница отдѣлялась отъ русской небольшимъ оврагомъ, черезъ который былъ перекинутъ мостикъ. Оставалось только перейти мостъ,—и мы были бы у себя на родинѣ, но какъ его перейти. Границу охраняла стража и за самовольный переходъ границы намъ грозилъ немедленный разстрѣлъ.

Мы снова вступили въ переговоры. Послѣ долгихъ убѣжденій, намъ удалось уговорить нѣмецкій военный караулъ пропустить четырехъ нашихъ депутатовъ къ русскому пограничному пункту для того, чтобы узнать, пропустятъ ли насъ въ Россію. Нѣмецкіе пограничники, повидимому, надѣялись, что намъ этого разрѣшенія не будетъ дано, и этимъ, вѣроятно, объясняется, что нашу депутацію, въ составъ которой вошелъ и я, пропустили черезъ границу.

Во избѣжаніе недоразумѣній, мы шли отъ нѣмецкой границы къ русской съ поднятыми вверхъ руками, въ которыхъ держали наши паспорта. Мостикъ переброшенный черезъ пограничный ровъ, оказался забаррикадированнымъ. Нѣмцы утверждали, что его забаррикадировали русскіе, но впослѣдствіи выяснилось, что это сдѣлали сами нѣмцы.

Вскорѣ мы добрались благополучно до русскаго пограничнаго поста. Увидѣвъ русскую пограничную стражу, мы объяснили, чѣмъ вызывается нашъ странный переходъ черезъ границу.

и указали на критическое положеніе, въ которомъ очутились всѣ русскіе пассажиры, пославшіе насъ для переговоровъ. Офицеръ, которому мы все это объяснили, отнесся къ намъ съ такой предупредительностью и вниманіемъ, которая насъ глубоко тронула.

Офицеръ не могъ, однако, по своей иниціативѣ разрѣшить всѣмъ намъ переходъ границы, объяснивъ, что безъ письменнаго приказа онъ не вправѣ предпринять никакихъ дѣйствій, выходящихъ изъ сферы его компетенціи. Но офицеръ охотно согласился послать верхового для того, чтобы испросить разрѣшеніе на пропускъ насъ черезъ границу отъ соотвѣтствующихъ властей. При этомъ офицеръ насъ предупредилъ, что если разрѣшеніе на нашъ переходъ не будетъ получено черезъ самое непродолжительное время, намъ не удастся уѣхать, такъ какъ изъ Вержболова уходитъ послѣдній поѣздъ.

Вы, конечно, понимаете, съ какимъ трепетомъ мы ожидали при такихъ условіяхъ отвѣта относительно нашей дальнѣйшей судьбы. Къ счастью, отвѣтъ на этотъ разъ не заставилъ себя долго ждать. Со стороны русскихъ властей не встрѣтилось никакихъ препятствій къ тому, чтобы мы перешли границу.

Мы снова вернулись на нѣмецкую территорію и заявили нашимъ „довѣрителямъ“ и нѣмецкой пограничной стражѣ, что русскія власти охотно готовы насъ пропустить черезъ границу. Сообщеніе это было выслушано нѣмецкими пограничниками съ явнымъ неудовольствіемъ. Убѣдившись въ томъ, что ихъ стремленіе свалить всю отвѣтственность на русскія пограничныя власти не удалось, нѣмецкая пограничная стража намъ заявила, что безъ разрѣшенія нѣмецкаго коменданта она насъ пропустить не можетъ. Тщетно мы доказывали имъ, что намъ необходимо перейти границу немедленно и что дорога каждая минута, такъ какъ съ часу на часъ ожидалось объявленіе войны... Никакія наши мольбы не помогали, власти неизмѣнно ссылались на коменданта, котораго никакъ нельзя было найти.

Неизвѣстно, что было бы съ нами дальше, если бы насъ не выручилъ случай. Въ моментъ, когда мы вели переговоры съ нѣмецкими пограничниками, у линіи нѣмецкой границы показался русскій казачій разъѣздъ. Видъ русскихъ казаковъ настолько испугалъ нѣмецкихъ пограничниковъ, что они, забывъ про всѣ свои обязанности, бросились бѣжать. Мы воспользовались этимъ случаемъ и тоже бросились бѣжать, въ обратную сторону,—съ нѣмецкой границы къ русской.

Успѣли перебѣжать границу, однако, не всѣ. Группа, которая стояла послѣдней, осталась на нѣмецкой территоріи, и что съ нею случилось потомъ,—намъ не удалось выяснить.

О нашемъ багажѣ нечего было думать. Его пришлось бросить на произволъ судьбы, а у многихъ изъ насъ были вещи стоимостью въ сотни, даже тысячи рублей. Гдѣ тутъ было заботиться о вещахъ, когда рѣчь шла чуть ли не о собственной жизни!..

Волненіе, пережитое нами, было настолько велико, что, когда мы, наконецъ, очутились на русской землѣ, со многими женщинами произошла истерика.

На русской границѣ къ намъ отнеслись съ исключительной внимательностью. Офицеры не только принимали горячее участіе въ нашей судьбѣ, но помогали намъ даже тащить тѣ вещи, которыя намъ удалось захватить съ собою, перебѣгая границу.

Изъ Вержболова намъ пришлось отправиться въ товарномъ вагонѣ, пришлось провести цѣлую ночь на площадкѣ, но все это были пустяки по сравненію съ тѣмъ, что мы пережили, что осталось позади...

Только въ понедѣльникъ вечеромъ мы добрались до Петербурга. Вмѣсто 28-ми часовъ, которые обычно продолжается ѣзда изъ Лейпцига въ Петербургъ, мы провели, такимъ образомъ, въ пути трое сутокъ...

Туристъ.

(Рѣчь, 29 іюля 1914 г.).

Русскіе въ Германіи.

Въ Москву только что возвратился изъ Берлина одинъ изъ видныхъ гласныхъ московской думы и сообщилъ намъ о невѣроятно тяжеломъ положеніи русскихъ, не успѣвшихъ во время оставить нѣмецкую землю.

— Я былъ въ Берлинѣ 17-го іюля, — разсказываетъ онъ. — Моральное и всякое иное состояніе насъ, русскихъ, стремившихся къ себѣ на родину, было въ это время поистинѣ ужасно. По улицамъ германской столицы расхаживали гурьбами возбужденные нѣмцы и выкрикивали яростныя угрозы и ругательства по адресу Россіи и всего русскаго. На лицѣ у человѣка, конечно, не написана его національность, но вы сами понимаете, что можетъ испытывать человѣкъ, оказавшійся среди людей, котораго эти люди чуть не разыскиваютъ для учиненія надъ нимъ грубой кулачной расправы. Какое-нибудь неосторожно произнесенное на своемъ родномъ языкѣ слово между своими, или просто русскій акцентъ въ произношеніи нѣмецкой фразы—и національность открыта, и ежеминутная опасность быть буквально избитымъ на улицѣ.

Положеніе русскихъ туристовъ, спѣшившихъ удрать домой изъ Германіи, было въ эти дни особенно скверно. Они не имѣли возможности прятаться въ квартирахъ и терпѣливо ждать охлажденія пыла уличной нѣмецкой толпы, они должны были суетиться и бѣгать по тѣмъ же улицамъ, ибо поѣзда въ Россію отходили послѣдніе, и надо было во что бы то ни стало доставать мѣсто въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, т. е. обивать пороги о-ва спальныхъ вагоновъ, разныхъ „Куковъ“ и тому подобныхъ учрежденій, неустанно рекламировавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ свою необыкновенную заботливость о путешественникахъ.

При бѣготнѣ по этимъ благодѣтельнымъ мѣстамъ нечего, конечно, было и думать о сокрытіи своего національнаго происхожденія.

Фраза: „Ради всего святого дайте мнѣ билетъ до Москвы“ — выдавала съ головой.

Но сопряженныя съ большимъ рискомъ хлопоты о желѣзнодорожныхъ билетахъ для большинства оканчивались полнѣйшей неудачей. Спросъ въ четыре раза превышалъ предложеніе.

Я былъ въ числѣ счастливцевъ получившихъ билеты, но это счастье тогда-же было отравлено лицезрѣніемъ тѣхъ, кому не удалось выѣхать изъ Берлина. Такихъ осталось тамъ очень много, и что они сейчасъ переживаютъ среди враговъ,—страшно подумать.

Замѣтьте, что среди оставшихся много людей безъ средствъ и безъ всякой возможности получить матеріальную помощь отъ своихъ близкихъ въ Россіи, хотя бы за невозможностью дать о себѣ домой вѣсть. Положеніе ихъ ужасно, безвыходно!.. Я увѣренъ, что многіе изъ нихъ влачатъ сейчасъ въ Берлинѣ жалкое существованіе парій, или умираютъ съ голоду.

Но что люди безъ средствъ! Въ тотъ день, когда я уѣзжалъ изъ Берлина, даже имѣвшіе въ своихъ кошелькахъ деньги русскіе были чуть не на положеніи нищихъ. Утромъ 17-го іюля берлинскіе банкиры давали за наши сторублевки по 206 марокъ, въ полдень стали предлагать уже 190, а 5 час. дня — только 170 марокъ и, наконецъ, вечеромъ прямо отказывали въ размѣнѣ, заявляя, что русскія деньги ничего не стоятъ. Почти тоже самое творилось и въ отеляхъ при расплатѣ по счетамъ. При мнѣ въ отелѣ „Савойя“, гдѣ обыкновенно останавливаются русскіе и оставляютъ не мало денегъ, одному московскому фабриканту давали за 25 рублей только 30 марокъ.

Такъ было 17 іюля, на другой день картина еще болѣе измѣнилось къ худшему, а съ 19-го на 20-ое положеніе ѣхавшихъ въ поѣздѣ стало уже совершенно не выносимымъ: насъ на разсвѣтѣ высадили всѣхъ изъ вагоновъ въ полѣ и велѣли съ багажомъ итти пѣшкомъ къ русской границѣ. Багажъ, конечно, остался въ пользу нѣмцевъ, а то, что происходило на границѣ, у васъ вчера разсказано со словъ товарища прокурора В. И. Волынскаго.

(Голосъ Москвы, 25 іюля 1914 г.).

Варварство нѣмцевъ.

При возвращеніи его императорскаго высочества принца Ольденбургскаго въ Петербургъ въ Эйдкуненѣ поѣздъ былъ остановленъ. Всѣмъ пассажирамъ было предложено выйти изъ вагоновъ, въ томъ числѣ и его высочеству и идти пѣшкомъ до Вержболова, что они и исполнили.

Вернувшійся изъ Берлина русскій инженеръ, съ трудомъ прорвавшійся изъ Германіи съ послѣднимъ поѣздомъ, разсказываетъ, что путешествіе до русской границы было прямо картиной изъ „Дантова ада“. Въ Устринѣ нѣмецкой администраціей русскіе были высажены изъ вагоновъ, а багажъ выброшенъ на площадки. Искали какихъ-то шпіоновъ. Даже женщины и дѣти были высажены на дебаркадеръ среди ночи. Продержавъ русскихъ подъ открытымъ небомъ нѣсколько часовъ, нѣмцы, наконецъ, смило-

стивились и разрѣшили имъ ѣхать дальше. Къ счастью, не ушелъ еще предыдущій поѣздъ, и несчастные путешественники биткомъ набились въ вагоны.

До какой степени доходитъ озлобленіе къ намъ „Михеля“, показываетъ такой фактъ. Въ Кенигсбергѣ изъ какой-то лѣчебницы была принесена прямо изъ операціонной пожилая дама и положена въ товарный вагонъ. Нѣмцы, по ея словамъ, не пожелали оставить ее. Не доѣзжая Эйдкунена, русскіе снова были высажены и должны были версты четыре идти пѣшкомъ. Большинство потеряло весь свой багажъ.

(„Моск. Листокъ“, 24 іюля 1914 г.).

Нѣмецкое бѣшенство.

Нѣмецкіе „культуртрегеры“, столь презрительно отзывавшіеся о славянствѣ, долженствующемъ стать „навозомъ для нѣмецкой культуры“, изображавшіе славянъ вообще и русскихъ въ особенности какими-то дикими варварами,—съ чрезвычайной быстротой успѣли обнаружить подоплеку своей „культуры“. Полюбуйтесь на подвиги этихъ носителей культуры, разстрѣливающихъ беззащитныхъ пассажировъ, выбрасывающихъ изъ своихъ лѣчебницъ русскихъ женщинъ послѣ операціи и съ чисто нѣмецкой „бережливостью“ захватывающихъ въ свою пользу багажъ русскихъ путешественниковъ (пригодится дѣтишкамъ на молочишко и такая мелочь!). Прочтите о мытарствахъ русскихъ путешественниковъ, которыхъ объявленіе войны застигло въ Германіи, прочтите объ этой ошеломляющей капральской грубости озвѣрѣвшихъ „героевъ“, измывающихся надъ беззащитными людьми. Какой дикой распущенностью, какимъ культомъ кулака вѣетъ отъ всего этого! Нѣмецкіе оффиціозы любили еще недавнее время пѣть сладкіе гимны „династической дружбѣ“, связывавшей такъ долго Россію и Германію. И вотъ, чтобы ярче подчеркнуть свое наглое лицемѣріе и въ этомъ отношеніи, нѣмцы задерживаютъ поѣздъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и направляютъ его не на русскую границу, а на Данію: пытаются задержать Великаго Князя Константина Константиновича, заставляютъ принца Ольденбургскаго пѣшкомъ идти отъ Эйдкунена до Вержболова. Таковы плоды долголѣтней „династической дружбы“ и такова ея интерпретація озвѣрѣвшими нѣмцами.

Этотъ припадокъ бѣшенства, овладѣвшій если не германской націей въ ея цѣломъ, то ея правящими кругами и „патріотами“, далеко не является признакомъ силы. Скорѣе это результатъ безсильной ярости, сознанія, что судьба уготовила Германіи, вслѣдствіе безразсудства ея патріотовъ, жестокую ловушку. Едва-ли Германія ожидала того взрыва всеобщаго недоброжелательства къ ней, которое обнаружилось съ такой явственностью. Нѣмецкимъ повинистамъ, еще вчера кричавшимъ о нѣмецкой „гегомоніи“ надъ міромъ, сегодня уже приходится озираться съ безпокойствомъ на это количество враговъ, которое стоитъ вокругъ нихъ желѣзнымъ кольцомъ и которыхъ не запугаешь рѣчами о „бронирован-

номъ кулакѣ". Съ этими врагами надо сражаться и ихъ надо побѣдить, иначе Германія будетъ раздавлена. Ей нечего ждать пощады, ибо она сама создала это общее недоброжелательство къ себѣ своимъ невѣроятно вызывающимъ поведеніемъ, своими претензіями, своими постоянными требованіями „компенсацій", своими интригами и своимъ высокомѣріемъ,—въ сущности ничѣмъ не оправдываемымъ.

Давно прошло то время, когда Германія давала міру великихъ философовъ. Злосчастная побѣда надъ Франціей совершенно измѣнила обликъ еще недавно скромной страны. Послѣднія сорокъ лѣтъ вся Германія представляла какой-то вооруженный лагерь, откуда постоянно неслись угрожающіе клики. Народилась „патріотическая" пресса, которая проповѣдывала культъ грубой силы, разжигала мечтанія, доказывая, что Германія призвана „владѣть міромъ" и быть его повелительницею. Съ особенной силой этотъ культъ сталъ разростаться въ царствованіе теперешняго германскаго императора. Этотъ нѣмецкій „Наполеонъ", съ ужимками плохого актера, произносилъ непрестанныя рѣчи о величіи Германіи, пускался въ торжественныя путешествія, одѣтый въ латы крестоносца, взваливалъ на плечи своего народа все болѣе и болѣе тяжелое бремя вооруженій, заставляя и остальную Европу изнемогать подъ этимъ бременемъ. Какъ грибы послѣ дождя, росли патріотическія лиги и общества и всѣ они были заражены маніей величія. Такимъ образомъ выработался огромный слой людей лишь по внѣшности культурныхъ, но въ дѣйствительности нравственно одичавшихъ. Вмѣсто „рыцарей" вырабатывались наглые хамы, преклонявшіеся лишь предъ кулакомъ и возведшіе „бронированный кулакъ" въ идеалъ. Вотъ это хамство теперь и проявляетъ себя въ бѣшеныхъ выходкахъ злобы. Развѣ подлинно сильные люди, уважающіе себя, стали-бы грабить путешественниковъ и измываться надъ беззащитными? Это могутъ дѣлать только хамы...

(„Моск. Лист.", 25 іюля 1914 г.).

Нѣмцы.

Изъ бесѣды съ Н. И. Гучковымъ.

Въ Москву только-что „проскочило" изъ Берлина нѣсколько друзей Н. И. Гучкова.

То, что они разсказываютъ объ отношеніи пруссаковъ къ русскимъ, превосходитъ всякое самое богатое воображеніе.

Н. И. Гучковъ передалъ нашему сотруднику нѣсколько эпизодовъ, свидѣтелями которыхъ были его друзья.

При этомъ Н. И. Гучковъ поручился, что общественное положеніе разсказчиковъ исключаетъ всякую возможность вымысла или хотя бы преувеличенія.

Въ день объявленія войны среди русскихъ въ Берлинѣ началась паника.

Вокзалъ Фридрихштрассе осаждался русскими бѣглецами.

Среди нихъ было много дамъ.

Внезапно на вокзалѣ появились прусскіе жандармы и приступили къ обыску пассажировъ.

Во время обыска у дамъ срывали шляпы,—да такъ, что вмѣстѣ со шляпами летѣли клоки волосъ.

Какая-то дама запротестовала.

Жандармъ въ отвѣтъ схватилъ ручной чемоданъ и ударилъ имъ даму по головѣ...

Наконецъ, мытарства на вокзалѣ кончились.

Усѣлись въ вагоны поѣзда, шедшаго изъ Берлина къ русской границѣ.

Въ числѣ пассажировъ были пожилая дама и нѣсколько барышенъ, ея дочерей.

Поѣздъ тронулся.

Къ одной изъ барышень подошелъ нѣмецкій лейтенантъ, схватилъ ее за подбородокъ и, нагло улыбаясь, сказалъ:

Мы съ вами, милая, будемъ друзьями. Вѣдь, вы пойдете со мной?!

Дѣвушка закричала о помощи и разрыдалась.

Лейтенантъ угрожающе схватился за эфесъ своей сабли и проговорилъ:

— Ну?... Голову размозжу...

Впрочемъ, своей угрозы ему привести въ исполненіе не удалось.

Весь вагонъ возмутился, и лейтенантъ ретировался.

А вотъ что разсказалъ Н. И. Гучкову о своемъ переѣздѣ черезъ границу одинъ видный московскій педагогъ.

Онъ возвращался изъ Германіи черезъ Калишъ.

Когда нѣмецкій поѣздъ подошелъ къ границѣ, оказалось, что желѣзнодорожные пути разобраны.

Всѣмъ пассажирамъ было предложено покинуть вагоны и идти пѣшкомъ.

На вопросъ пассажировъ, какъ быть съ багажомъ, нѣмцы отвѣтили:

— Весь багажъ конфискованъ.

Затѣмъ у пассажировъ отобрали и ручной багажъ.

На русскую пограничную станцію, по картинному выраженію педагога, онъ пришелъ:

— Совсѣмъ налегкѣ...

(„Русское Слово“, 25 іюля 1914 г.).

Правительственное сообщеніе.

Въ послѣдніе дни въ Петербургѣ получено извѣстіе о томъ, что въ Германіи публика и даже правительственные органы проявили крайне некорректное отношеніе къ покидавшимъ Германію русскимъ подданнымъ, въ томъ числѣ и къ чинамъ нашего дипломатическаго представительства.

Помимо этого, германскія правительственныя лица и учрежденія дошли даже до того, что не отнеслись съ должнымъ ува-

женіемъ къ Вдовствующей Императрицѣ и къ одному изъ Великихъ Князей.

Хотя глубокое возмущеніе русскаго народа по поводу поведенія Германіи вполнѣ понятно, тѣмъ не менѣе имѣвшій мѣсто вечеромъ 22-го іюля разгромъ германскаго посольства, явившійся результатомъ взрыва народнаго негодованія, не могъ не вызвать чувства сожалѣнія, такъ какъ всякія проявленія грубой силы, хотя бы и по отношенію къ враждебной державѣ, являются совершенно недопустимыми.

Русскіе въ Германіи.

Вернувшійся третьяго дня въ Москву изъ Берлина товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда В. И. Волынскій подѣлился съ нами своими впечатлѣніями о тѣхъ злоключеніяхъ, которыя пришлось испытать ему при странствованіи по германской территоріи.

Постараемся возможно точнѣе воспроизвести его разсказъ:

— Выѣхали мы изъ Берлина въ пятницу, 18 іюля, въ $12^1/_2$ часовъ дня.

На вокзалѣ творилось что-то неописуемое. Носильщики брали 40—50 марокъ за то, чтобы донести багажъ, а часто на оклики русскихъ прямо не обращали никакого вниманія.

По улицамъ разъѣзжали автомобили и разбрасывали экстренныя прибавленія газетъ, сообщавшихъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о Россіи. Онѣ, между прочимъ, утверждали, что Россія жаждетъ войны.

Русская колонія, очень многочисленная въ Берлинѣ, зашевелилась, какъ муравейникъ, всѣ заспѣшили уѣхать. И многіе сразу же попали въ критическое положеніе — почти всѣ деньги размѣнены на русскія бумажки, которыя потеряли всякую цѣну, Къ русскимъ отношеніе наблюдалось самое враждебное: кельнера не отвѣчали, фурманы отказывались вести...

Съ большимъ трудомъ, при страшной давкѣ около кассъ, намъ удалось взять билеты. Билеты были выданы до Москвы, и до Москвы же принятъ багажъ.

Поѣздъ былъ переполненъ до крайности.

Часовъ около 6 утра пріѣхали мы въ пограничный городъ Скальмержицы. Этотъ переѣздъ прошелъ вполнѣ благополучно.

Въ Скальмержицахъ намъ предложили очистить вагоны и взять свой багажъ. Станція была уже оставлена желѣзнодорожной прислугой и занята войсками.

Мы сразу попали въ безвыходное положеніе. Во враждебной странѣ, безъ крова, безъ пищи. Среди насъ было много женщинъ съ дѣтьми, больныхъ, стариковъ.

На всѣ вопросы нѣмецкіе солдаты отвѣчали только одно:

— Дальше не повезутъ.

Надъ нами сжалился одинъ старикъ-нѣмецъ, фермеръ, предложившій перевезти нашъ багажъ до русской границы.

Платили ему отъ 100 до 200 марокъ за конецъ.

Багажъ повезли, сами мы шли пѣшкомъ.

Когда подошли къ границѣ, оказалось, что она закрыта.

Менѣе, чѣмъ за часъ передъ нами черезъ границу была уже пропущена партія русскихъ, человѣкъ 70—75.

Нельзя было ничего добиться. Солдаты грубо отвѣчали:

Граница закрыта...

На нашъ вопросъ — долго ли придется намъ ждать ея открытія, отвѣчали:

— Отъ 8 до 14 дней.

Больные и женщины, и тѣ и другіе порядкомъ измученные, нашли пріютъ у того же фермера, который досталъ намъ даже воды, молока.

Положеніе становилось, однако, все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Хотѣли послать депутацію, но намъ заявили, что это безполезно; хотѣли вернуться въ Берлинъ, послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ:

— Пробуйте...

Со мной была мать. Нервную, не совсѣмъ здоровую женщину въ концѣ измучили наши неудачи, она совершенно изнемогала.

Я прибѣгъ къ послѣднему средству и обратился съ просьбой къ фельдфебелю, взывая къ его чувству состраданія.

Въ концѣ концовъ, онъ смилостивился и, доложивъ офицеру, вынесъ разрѣшеніе перейти женщинѣ черезъ границу.

Въ это время къ моей матери подошла дѣвушка, очутившаяся въ отчаянномъ положеніи—ея отецъ съ вещами и деньгами былъ пропущенъ черезъ границу съ первой партіей, она же застряла съ нами.

Эту дѣвушку и свою мать я усадилъ въ колымажку къ фермеру, самъ пошелъ рядомъ пѣшкомъ, неся въ рукахъ небольшой чемоданчикъ. Взять багажъ послѣдовало категорическое запрещеніе.

Но наши мытарства еще далеко не кончились.

На самой границѣ дежурный офицеръ, пропуская женщинъ, не соглашался пропустить меня. Мать моя слѣдовать дальше одна положительно не могла. Дѣвушка, находившаяся въ неописуемомъ нервномъ состояніи, не выдержала и бросилась офицеру въ ноги. Послѣ долгихъ колебаній онъ все же отдалъ распоряженіе пропустить насъ.

Такъ мы перебрались въ Россію.

За границей осталось, судя на глазъ, не менѣе 300 человѣкъ; среди нихъ много врачей-экскурсантовъ, женщинъ, дѣтей. Остались съ ними и двѣ сестры извѣстнаго доктора въ Москвѣ.

Что съ ними сталось, удалось ли имъ перебраться границу, я не знаю, но, судя по тому, что сестры этого доктора еще не пріѣхали, надо думать, что они до сихъ поръ въ предѣлахъ Германіи.

(Голосъ Москвы, 24 іюля 1914 г.).

Пріѣздъ русскихъ изъ Германіи.

26-го іюля въ Петербургъ прибылъ первый поѣздъ изъ Торнео, доставившій около 1,500 русскихъ подданныхъ, находившихся въ Германіи во время объявленія войны.

Всѣ они съ восторгомъ и глубокой признательностью отзываются о дѣятельности шведскихъ властей, принимавшихъ чрезвычайныя мѣры къ облегченію участи русскихъ путешественниковъ.

— То предупредительно-вѣжливое отношеніе, которое мы встрѣтили въ Швеціи,—сказалъ нашему сотруднику одинъ изъ прибывшихъ въ Петербургъ русскихъ путешественниковъ, — особенно трогало насъ послѣ тѣхъ мытарствъ и униженій, которыя мы пережили въ послѣдніе дни въ Германіи.

Мой пріятель, — продолжалъ собесѣдникъ, — врачъ, мало интересовавшійся политикой и прибывшій въ Германію съ цѣлью ознакомиться съ постановкой клиническаго дѣла, пожелалъ еще за нѣсколько дней до конфликта осмотрѣть одну очень извѣстную клинику въ Гамбургѣ, гдѣ обыкновенно лечится не мало русскихъ. Во главѣ этой клиники стоитъ небезъизвѣстный германскій профессоръ Браунъ. Узнавъ, что посѣтитель—русскій, проф. Браунъ категорически отказался допустить его въ клинику, заявивъ: „Теперь не время. Скоро будемъ воевать“.

„—Но я — врачъ, — замѣтилъ въ отвѣтъ на это русскій посѣтитель,— и ни съ кѣмъ, кромѣ микробовъ и болѣзней, воевать не собираюсь“.

„—Но долженъ же этому когда-нибудь наступить конецъ“,— воскликнулъ проф. Браунъ, и отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Многіе нѣмцы, встрѣчая на улицахъ Берлина уѣзжавшихъ русскихъ, злобно кричали имъ: „До свиданія въ Москвѣ“.

Не церемонились съ русскими путешественниками и на вокзалахъ. Попавъ въ вагонъ, многіе русскіе подвергались насмѣшкамъ и глумленію со стороны нѣмецкихъ пассажировъ.

И лишь достигнувъ предѣловъ шведской территоріи, мы легко вздохнули. Шведскія власти для русскихъ упростили и отчасти вовсе отмѣнили существующія таможенныя формальности. Наши паспорта и багажъ почти не осматривались. Въ наше распоряженіе были предоставлены лучшія гостинницы въ Стокгольмѣ.

Особенно горячее участіе въ участи русскихъ путешественниковъ принималъ нашъ шведскій посланникъ, г. Неклюдовъ. Онъ присутствовалъ на всѣхъ нашихъ импровизированныхъ „совѣщаніяхъ“, гдѣ былъ избранъ какъ бы особый распорядительный комитетъ. Этому комитету была поручена забота о всѣхъ находившихся здѣсь русскихъ.

Рѣшено было направиться въ Россію черезъ Торнео. По дорогѣ мы встрѣтили не мало поѣздовъ, увозившихъ въ обратномъ направленіи нѣмцевъ изъ Россіи. Нѣмцы держали себя крайне вызывающе не только по отношенію къ намъ русскимъ, но и по отношенію къ шведамъ. На вокзалахъ они устраивали

дебоши и нерѣдко отказывались платить въ буфетахъ. Около 15 нѣмцевъ, производившихъ по дорогѣ фотографическіе снимки, были, какъ нами передавали, арестованы мѣстными властями.

Изъ Торнео русскіе путешественники были доставлены въ Рихимяки. Поѣзда двигались чрезвычайно медленно и останавливались на всѣхъ маленькихъ станціяхъ. Многіе пассажиры вынуждены были, за отсутствіемъ мѣста, ютиться на площадкахъ вагоновъ, держа свой багажъ въ рукахъ. Не мало пассажировъ съ билетами 1-го класса съ радостью занимали мѣста въ товарныхъ вагонахъ и провели въ нихъ нѣсколько дней. Съ такимъ же „комфортомъ“ была обставлена и дальнѣйшая поѣздка до Петербурга.

(„Рѣчь“, 24 іюля 1914 г.).

Нѣмецкіе башибузуки.

Злоключенія семьи кн. Юсуповыхъ.

Въ Петербургъ вернулась изъ-за границы задержанная въ Берлинѣ семья князей Юсуповыхъ графовъ Сумароковыхъ-Эльстонъ.

Возвращаясь на родину, князья Юсуповы прибыли въ Берлинъ въ день объявленія войны.

Вскорѣ въ номеръ, занятый пріѣзжими, вошелъ германскій офицеръ и заявилъ кн. Юсупову, что, по распоряженію военныхъ властей, онъ и его сынъ объявляются военно-плѣнными.

Кн. Юсуповъ пытался объяснить, что сынъ его, единственный у отца, не военный, и поэтому не можетъ быть подвергнутъ задержанію въ качествѣ военно-плѣннаго. Но его объясненія ни къ чему не привели.

Лишь только офицеръ ушелъ, Ея Высочество княгиня Ирина Александровна вызвала по телефону свою двоюродную сестру кронпринцессу Цецилію и сообщила ей о задержаніи мужа и отца.

Кронпринцесса Цецилія отвѣтила, что черезъ часъ она будетъ лично у императора, и обѣщала просить его о предоставленіи князьямъ Юсуповымъ свободнаго проѣзда черезъ границу.

Прошло болѣе часа томительнаго ожиданія. Наконецъ раздался телефонный звонокъ.

Ходатайство кронпринцессы успѣхомъ не увѣнчалось. Во время разговора съ кронпринцессой, Ея высочество княгиня Ирина Александровна услыхала голосъ императора Вильгельма, находившагося, повидимому, вблизи телефона.

— Скажи ей, что ея мужъ и отецъ его мои военноплѣнные.

И разговоръ былъ прекращенъ.

Вскорѣ послѣ этого въ отель снова пришелъ германскій офицеръ и предложилъ задержаннымъ подписать рядъ условій, которыя они обязываются исполнить, подъ угрозой заключенія въ крѣпость. Въ этомъ обязательствѣ, между прочимъ, указывалось, что князья Юсуповы объявляются военноплѣнными на „вѣчныя времена“.

Оговорка эта вызвала энергичный протестъ со стороны стараго князя, который категорически отказался дать свою подпись.

Офицеръ призналъ, что при составленіи текста могла произойти ошибка, и обѣщалъ немедленно ее исправить. Офицеръ ушелъ.

Въ его отсутствіе въ отель пріѣхалъ испанскій посолъ, который предложилъ доставить князей Юсуповыхъ на вокзалъ въ собственномъ автомобилѣ.

Князья Юсуповы приняли предложеніе посла и немедленно отправились на вокзалъ, гдѣ скоро имъ удалось сѣсть въ поѣздъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Донесеніе французскаго консула.

Французскій консулъ въ Штутгартѣ представилъ министерству иностранныхъ дѣлъ рапортъ объ испытанномъ имъ дурномъ обращеніи со стороны германцевъ въ моментъ его отъѣзда на французскую границу.

Консулъ въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ лишенъ возможности пользоваться почтой и телеграфомъ; его принудили внезапно покинуть Штутгартъ, и подъ охраной двухъ агентовъ отвезли на вокзалъ, гдѣ посадили въ вагонъ IV класса. По пути нѣмецкіе офицеры обвиняли его въ шпіонствѣ, при чемъ консулъ подвергся оскорбленіямъ и побоямъ. Своимъ спасеніемъ консулъ обязанъ только вступившемуся за него агенту охраны.

Консулъ присовокупляетъ, что другіе французскіе дипломатическіе агенты подверглись еще худшему обращенію.

Далѣе консулъ сообщаетъ о насиліяхъ, которымъ подверглись со стороны баварскихъ солдатъ бывшій президентъ бразильскаго штата Санъ-Паоло-дель-Кампо и его супруга. Солдаты били ихъ прикладами, похитили у нихъ всѣ драгоцѣнности и полуживыми выбросили на швейцарской границѣ.

Разстрѣлы и убійства.

Французское военное министерство сообщаетъ:

„Молодой французъ показалъ подъ присягой слѣдующее: проводя лѣто въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и желая вернуться въ моментъ объявленія войны, онъ былъ задержанъ на Лоррахскомъ вокзалѣ вмѣстѣ съ другими французами и тремя русскими путешественниками. Они были затѣмъ проведены черезъ городъ, подъ конвоемъ солдатъ, среди криковъ народа. Одинъ изъ французовъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ Франція“, и былъ разстрѣлянъ. Три молодыхъ француза, которые энергично протестовали, также были разстрѣляны. Пятый французъ, который назвалъ нѣмцевъ низкими убійцами, испыталъ ту же участь. Остальные по желѣзной дорогѣ въ Швейцарію въ сосѣднемъ вагонѣ. Два пассажира этого вагона заявили французскому юношѣ, что нѣмцами убиты два итальянца между станціями „Вальдгутъ“ и „Менлингенъ“. Одинъ убитъ за то, что протестовалъ противъ открытія окна, другой—за то, что толкнулъ

нѣмецкаго солдата, который сѣлъ на него. Русскіе путешественники, ѣхавшіе тѣмъ же путемъ, подтвердили французскому юношѣ фактъ убійства двухъ итальянцевъ.

Мытарства экскурсантовъ.

Выѣхавшая 18-го іюля изъ Вѣны группа московскихъ экскурсантовъ общества распространенія техническихъ знаній (швейцарскій маршрутъ) на-дняхъ прибыла въ Москву.

Черезъ Австрію экскурсанты проѣхали благополучно.

Но когда ихъ, вмѣсто границы, направили черезъ Пруссію въ Мысловицы,—начались мытарства.

Въ Мысловицахъ экскурсантовъ (40 женщинъ и 10 мужчинъ) грубо выгнали изъ вагона и окружили солдатами.

Затѣмъ всѣхъ мужчинъ обыскали съ ногъ до головы.

Искали плановъ крѣпостей, называли шпіонами и т. д.

Потомъ съ вещами въ рукахъ погнали черезъ весь городъ, при свистѣ и улюлюканіи уличной толпы.

Сзади шли три жандарма, подгоняя нагайками отстававшихъ.

Послѣ массы униженій, экскурсантамъ удалось, наконецъ, уговорить нѣмцевъ пропустить ихъ въ Сосновицы, на русскую территорію.

Здѣсь они вздохнули свободно.

На-дняхъ въ Москву возвратился изъ Германіи З.

Объявленіе войны застало г. З. въ Берлинѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ г. З., вмѣстѣ съ другими русскими, поспѣшили покинуть нѣмецкую столицу и отправиться въ Россію.

По пути, въ Бреславлѣ, нѣмцы высадили всѣхъ русскихъ изъ поѣзда и послѣ допроса отправили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ русскихъ разсадили по одиночнымъ камерамъ и продержали два дня.

На третій день, къ вечеру, русскихъ собрали въ тюрьмѣ въ общей камерѣ и раздѣлили на двѣ партіи. Въ одну партію вошли юноши и мужчины въ возрастѣ отъ 16-ти до 43-хъ лѣтъ. Въ другую—всѣ остальные.

На вопросъ г. З., 18-лѣтній сынъ котораго попалъ въ первую партію, для чего такое раздѣленіе,—нѣмецкій офицеръ отвѣтилъ:

— Для того, чтобы вашего сына не забрали въ Россіи въ солдаты. У насъ онъ будетъ себя лучше чувствовать...

Ночью русскихъ, попавшихъ во вторую партію, отправили въ товарномъ поѣздѣ, подъ усиленнымъ конвоемъ, на границу, а оставшихся размѣстили въ бреславльской тюрмѣ.

(Рус. Слово 29 іюля 1914 г).

Мытарства русскихъ въ Германіи.

Каждое утро прибываютъ изъ Финляндіи въ столицу русскіе поданные, застигнутые въ Германіи объявленіемъ войны. Нашъ сотрудникъ бесѣдовалъ съ прибывшими изъ за-границы

лицами, находившимися въ Германіи въ день объявленія войны, и среди нихъ съ д. с. с. А. Р. Брауномъ, начальникомъ службы движенія Финляндской ж. дор. Н. К. Вестерлингомъ, директоромъ правленія Московско-Казанской ж. д. Н. К. фонъ-Меккъ и др.

Всѣ перечисленныя лица въ одинъ голосъ говорятъ объ издѣвательствахъ и оскорбленіяхъ, которымъ имъ пришлось подвергнуться на пути изъ Германіи въ Россію. Нѣмцы на глазахъ у русскихъ выкидывали всѣ вещи—у г-на Брауна былъ выкинутъ весь багажъ. Въ Берлинѣ, по разсказамъ прибывшихъ, царило алармистское настроеніе. Бульварная пресса распускала самые чудовищные слухи: „Взятіе Риги“.

— „Ожидается взятіе Ревеля“.

„Цеппелинъ надъ Петербургомъ“.

„Взрывъ Зимняго дворца“.

Всѣ эти слухи угнетающимъ образомъ дѣйствовали на настроеніе возвращавшихся на родину русскихъ, хотя они и не внушали довѣрія. Нѣкоторыя возвратившіяся лица передаютъ, что въ Берлинѣ носились упорные слухи о нервномъ разстройствѣ имератора Вильгельма.

Въ обществѣ было замѣтно сильное недовольство безумнымъ шагомъ императора, вооружившаго противъ Германіи почти всю Европу. Носились слухи о рядѣ антимилитаритскихъ митинговъ, на которыхъ рѣзко порицался образъ дѣйствій камарильи, на которую опирался воинствующій императоръ.

Одинъ изъ пріѣхавшихъ изъ за границы г. З., слова котораго внушаютъ полное довѣріе, передавалъ свой разговоръ съ видным дѣятелемъ соціалъ-демокр. партіи въ Германіи.

На вопросъ г-на З. о роли пролетаріата въ объявленной войнѣ, видный с.-д. отвѣтилъ, что пролетаріатъ Германіи всѣми силами будетъ противиться военной авантюрѣ. Пролетаріатъ обязанъ защищать свою родину отъ дѣйствительной опасности, но быть жертвой прихоти зазнавшихся нѣмецкихъ юнкеровъ, онъ не обязанъ. Позиція русскаго пролетаріата совсѣмъ иная—онъ обязанъ защищать свою родину и тѣмъ самымъ бороться за попираемые принципы культуры и цивилизаціи“.

Многіе изъ не пріѣхавшихъ русскихъ передавали о цѣломъ рядѣ столкновеній съ толпами пьяныхъ нѣмецкихъ резервистовъ, которые кричали русскимъ:

„Увидимся въ Петербургѣ!“

Русскихъ денегъ нигдѣ не принимали въ размѣнъ и на этой почвѣ многимъ русскимъ подданымъ пришлось пережить въ „культурной“ Германіи много мытарствъ. Въ поѣздѣ, шедшемъ въ Россію, было такъ тѣсно, что многимъ пришлось помѣститься въ уборныхъ и даже на крышѣ. При приближеніи къ Кенигсбергу прусскими властями было отдано распоряженіе спустить занавѣски у оконъ. На подножку вагона помѣстились нѣмецкіе солдаты. Въ вагонѣ двѣ русскіе барышни со слезами на глазахъ разсказывали о возмутительно нагломъ приставаніи къ нимъ на вокзалѣ Фридрихштрассе въ Берлинѣ группы нѣмецкихъ студентовъ. Они набросились на беззащитныхъ дѣвушекъ съ кулаками и раскидали по платформѣ ихъ багажъ, и

только случайное заступничество находившейся на платформѣ группы англичанъ, разогнавшихъ студентовъ, спасло ихъ отъ обнаглѣвшихъ буршей.

Нѣмецкая же публика, находившаяся на платформѣ, безучастно смотрѣла на подвиги „культурныхъ“ нѣмецкихъ хамовъ. О подобнаго же рода издѣвательствахъ и оскорбленіяхъ разсказывали почти всѣ пріѣхавшіе пассажиры. Зато въ Швеціи нашимъ соотечественникамъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ и всѣ они сохранили о гостепріимной нашей сѣверной сосѣдкѣ самыя пріятныя и благодарныя воспоминанія.

(„День“ 27 іюля 1914 г.).

Издѣвательства надъ русскими въ Германіи.

Г. Кузьминовъ—житель гор. Оренбурга, гдѣ имѣетъ свое небольшое предпріятіе. Онъ поѣхалъ въ Наугеймъ полѣчиться. Въ Наугеймѣ было очень много русскихъ, преимущественно больные, когда была объявлена Германіей война Россіи.

Всѣ русскіе, узнавъ объ объявленіи войны, тотчасъ начали собираться на родину, беря нарасхватъ билеты на Берлинъ. Въ поѣздѣ, въ которомъ ѣхалъ г. Кузьминовъ, находилось 300 чел. русскихъ. Въ Берлинѣ всѣхъ ихъ задержали и отправили въ полицейскіе участки подъ усиленнымъ конвоемъ. Когда они проходили по городу, берлинская чернь плевала на нихъ, угрожала расправой, всячески оскорбляла. Въ участкѣ всѣ русскіе были обысканы, вещи у нихъ отобрали, оставивъ только деньги, которыхъ было немного, такъ какъ въ Наугеймѣ банкъ отказался выдать всѣмъ русскимъ ихъ деньги. Въ участкѣ въ теченіе 4 часовъ на давали имъ ни пить, ни ѣсть. Вечеромъ всѣхъ ихъ отправили на вокзалъ. По дорогѣ на вокзалъ они подверглись новымъ оскорбленіямъ черни, которая плевала имъ въ лицо. На вокзалѣ ихъ посадили въ поѣздъ, отходившій въ Штеттинъ, объявивъ имъ, что они считаются военноплѣнными. Однако, около Торнео ихъ высадили, поставили на открытой платформѣ подъ проливнымъ дождемъ до слѣдующаго поѣзда, который шелъ чезъ нѣсколько часовъ. Всѣ вымокли до нитки. Дѣти буквально закоченѣли отъ холода. Когда, наконецъ, привезли ихъ въ Штеттинъ, тамъ отвели ихъ на какой-то дворъ и помѣстили подъ навѣсомъ. Затѣмъ имъ объявили, что желающіе могутъ итти въ городъ, но давши честное слово, что къ вечеру вернутся обратно. Не большая группа, въ которой находились г. Кузьминовъ и москвичъ Ильинъ, отправились въ городъ, дошли до вокзала и, увидѣвъ тамъ поѣздъ, отправлявшійся въ Копенгагенъ, рѣшили сѣсть въ него, несмотря на то, что рисковали быть задержанными гдѣ-нибудь на станціи и возвращенными въ Штеттинъ. Однако имъ удалось благополучно выбраться изъ предѣловъ Германіи.

(„Вечернія Извѣстія“ 29 іюля 1914 г.).

Пруссаки потѣшаются...

Нѣмецкій произволъ не знаетъ предѣловъ, безсмысленныя и оскорбительныя издѣвательства доходятъ до виртуозности и переполняютъ чашу россійскаго долготерпѣнія.

Вотъ что, напримѣръ, повѣдалъ намъ пріѣхавшій изъ Германіи московскій врачъ С. М. Зеликовичъ.

— Вмѣстѣ со своимъ 17-лѣтнимъ сыномъ,—разсказываетъ онъ,—я проводилъ лѣто въ Берлинѣ. Когда надвинулась военная гроза, я поспѣшилъ покинуть столицу Германіи и выѣхалъ оттуда въ субботу, 19-го іюля стараго стиля, взявъ билетъ на Калишъ. Едва мы отъѣхали отъ Берлина, какъ въ вагонъ, переполненный русскими, вошелъ кондукторъ и заявилъ:

— До Калиша вамъ не добраться. Слѣзайте лучше въ Лиссѣ.

— А потомъ?

— Это ужъ не мое дѣло. Слѣзайте въ Лиссѣ. А, впрочемъ, какъ знаете.

Вокзалъ въ Лиссѣ напоминалъ не станцію желѣзной дороги, а боевой военный лагерь. Насъ обступили нѣмецкіе солдаты, потребовали очистить поѣздъ и тотчасъ же отправили его обратно, въ Берлинъ. Мы остались въ безпомощномъ положеніи, во власти враждебнаго войска и населенія. Всего насъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. Много дѣтей, женщинъ, больныхъ и стариковъ. Между прочимъ, здѣсь же находилась русская дама, которой всего три дня назадъ наложили швы послѣ серьезной операціи и немедленно велѣли покинуть лѣчебницу, гдѣ она лежала.

Одинъ изъ офицеровъ насмѣшливо предлагалъ:

— Хотите вернуться къ Берлинъ? Тамъ проживете спокойно до конца войны. Въ Берлинѣ хорошо. Въ Берлинъ мы васъ отправимъ безъ проволочекъ.

Конечно, никто не принялъ этого предложенія.

— Тогда ждите поѣзда,—и айда въ Бреславль?

— Почему въ Бреславль?

— Тамъ есть русское консульство. Оно разберетъ васъ, а намъ съ врагами возиться нечего.

Въ Бреславль мы пріѣхали ночью. Тотчасъ же бросились къ русскому консульству, но зданіе его оказалось забитымъ досками, а дежурившая у воротъ вмѣсто дворника какая-то дѣвочка сообщила:

— Консулъ уѣхалъ въ Россію.

Что было дѣлать однимъ въ чужомъ опустѣломъ городѣ и, главное, безъ денегъ?

У большинства были русскія деньги, но на нихъ никто и не смотрѣлъ.

На утро съ большими затрудненіями удалось мнѣ размѣнять 100 р. на марки. За 100 рублей я получилъ... 140 марокъ, но и за это благодарилъ судьбу, такъ какъ мало кому изъ моихъ спутниковъ удалось сдѣлать такую „выгодную комбинацію“.

Къ вечеру мы снова собрались на вокзалъ, чтобы узнать о своемъ дальнѣйшемъ планѣ путешествія, но здѣсь нѣмецкій офицеръ заявилъ намъ:

— Вы арестованы!

Насъ начали переписывать, и у всѣхъ почему-то отобрали паспорта.

— Теперь: въ тюрьму!

Около одиннадцати часовъ вечера насъ привели туда и заключили по отдѣльнымъ камерамъ мѣстнаго тюремнаго замка. Я былъ въ камерѣ № 427, а мой сынъ—въ № 479. Женщины были помѣщены въ другомъ корпусѣ. Матерей разлучали съ сыновьями, отцовъ съ дочерьми, мужей съ женами и т. д.

Только во вторникъ утромъ насъ вывели на первую прогулку, сопровождая все время оскорбительными насмѣшками и нескрываемымъ выраженіемъ презрѣнія. Если бы не заботы горожанъ и бреславльскихъ русскихъ и еврейскихъ благотворительныхъ обществъ, которые снабжали насъ съѣстными припасами, намъ пришлось бы жить въ нѣмецкой тюрьмѣ буквально впроголодь.

Даже во время прогулокъ женщинамъ и мужчинамъ нельзя было общаться, и эта неизвѣстность, отрѣзанность отъ дорогихъ и близкихъ людей томила моихъ спутниковъ сильнѣе всего. Я, къ счастью, могъ видѣться съ сыномъ, но вскорѣ насъ разлучили, и я до сихъ поръ ничего не знаю о немъ, какъ и онъ обо мнѣ.

Въ среду намъ принесли паспорта и объявили:

— Всѣ, кому свыше 43 лѣтъ, будутъ освобождены и доставлены до границы, кому меньше 43—остаются здѣсь.

Такимъ образомъ, мнѣ надо было ѣхать, а мой мальчикъ долженъ пребывать въ заключеніи.

Я умолялъ солдатъ и офицеровъ, чтобы они хотя позволили мнѣ проститься съ сыномъ, но все было напрасно.

— Нечего, нечего! Нѣмцы разговаривать не любители. Пора ѣхать.

Мужья чуть не на колѣняхъ просили офицеровъ не разлучать ихъ съ женами, родители съ дѣтьми, но офицеры были неумолимы.

Вещи у насъ конфисковали, а насъ подъ усиленнымъ конвоемъ отправили на вокзалъ. Здѣсь уже были приготовлены вагоны изъ-подъ каменнаго угля, куда насъ и помѣстили.

— Куда же дѣнутъ тѣхъ, кто не достигъ 43-лѣтняго возраста? Надолго ли оставили ихъ?

— Они пойдутъ у насъ на государственныя работы.

— И женщины?

— Все равно.

Когда пойдутъ, когда вернутся въ Россію, и что это за государственныя работы, никто намъ не говорилъ.

Стали дѣлиться впечатлѣніями, плакаться на общую долю. Особенно жаловались женщины, съ которыми въ тюрьмѣ обращались чрезвычайно грубо. Многія вошли туда здоровыми, а вышли разбитыми истеричками.

Кое-какъ добрались мы въ товарномъ поѣздѣ до польско-нѣмецкой границы. Намъ велѣли итти на всѣ четыре стороны.

Кто пѣшкомъ, кто въ крестьянской телѣгѣ, мы прибыли, верстъ за 56 отъ этого мѣста, въ Пабіяницы, затѣмъ въ Лодзь, Варшаву и Москву.

Гдѣ мой сынъ, что съ нимъ сейчасъ? Вернется ли онъ домой, и, если вернется, то когда?..

Эти дни переѣзда состарили меня на 30 лѣтъ и бросили въ отчаяніе.

Такіе разсказы можно слышать теперь ежедневно...

(„У. Р.“, 29 іюля 1914 г.).

Тевтонское бѣшенство.

Бѣшенство это, такъ называемый furor tevtonicus, несомнѣнно, входитъ въ мобилизаціонный планъ германскаго императора. Цѣль Вильгельма ясна: этимъ furor'омъ думаютъ навести ужасъ на врага. Тактика дикихъ варваровъ. Гунны и татары жгли и уничтожали все на своемъ пути, и молва о ихъ звѣрствахъ шла передъ ними, вселяя паническій ужасъ на своемъ пути, заранѣе парализуя всякую попытку сопротивленія бѣшеному натиску звѣрей въ человѣческомъ обликѣ.

Роль кровожаднаго Атиллы увлекаетъ психически-ненормальнаго человѣка, зажегшаго пожаръ европейской войны. Почему-то прусскому королю все еще кажется, что съ Россіей ничего не стоитъ справиться, лишь бы ее предварительно запугать... Преступный безумецъ, котораго проклинаетъ сейчасъ вся Европа, тщится нагнать на насъ, русскихъ, страхъ систематическимъ проявленіемъ пресловутаго furor tevtonicus, который не только не способенъ никого въ Россіи запугать, но, напротивъ, приводитъ всѣхъ въ негодованіе, вызываетъ презрѣніе къ Германіи и возбуждаетъ въ русскомъ солдатскомъ сердцѣ представленіе о нѣмцѣ, какъ о недостойномъ трусѣ, разстрѣливающемъ мирныхъ гражданъ, подлецѣ, вымогающемъ деньги, мародерѣ, грабящемъ и поджигающемъ незащищенныя, не оказывающія сопротивленія селенія.

Отъ человѣка, напутствовавшаго въ эпоху боксерскаго возстанія свой экспедиціонный корпусъ прогремѣвшимъ на весь міръ дикимъ приказомъ: „Пощады не давать! Плѣнныхъ не брать!“ было бы легкомысленно ожидать культурныхъ пріемовъ, обязательныхъ и для современнаго солдата. Прежде чѣмъ похоронить былую боевую славу германскихъ войскъ, Вильгельмъ навѣки похоронилъ представленіе о германцѣ, какъ о культурномъ человѣкѣ.

Сейчасъ весь міръ наконецъ-то постигъ настоящее, неподдѣльное лицо германца-пруссака, этого наглаго, самодовольнаго хама, не уважающаго беззащитныхъ женщинъ, не жалѣющаго плачущихъ дѣтей, возводящаго въ законъ войны открытый грабежъ и разбойное убійство. И подумать только, что эти достойные воспитанники своего кайзера не такъ давно дерзали публично возмущаться нашими погромами и фарисейски били себя въ грудь, призывая всѣ культурные народы ополчиться противъ „варвар-

ской“ Россіи! Подумать, что это тѣ самые „культурные нѣмцы“, офиціальный представитель которыхъ принималъ участіе въ пресловутой международной комиссіи Карнеги, задавшейся цѣлью разслѣдовать и предать суду общественнаго мнѣнія истинныхъ виновниковъ балканскихъ звѣрствъ!

Чѣмъ бы ни закончилась для Пруссіи нынѣшняя священная борьба культурной Европы съ затесавшимся въ европейскую семью наглымъ варваромъ, Каинова печать мародера и убійцы беззащитныхъ людей на вѣчныя времена останется на прусскомъ челѣ. И остальнымъ народамъ современной Германіи придется для очищенія себя отъ этого позорнаго эпитета рано или поздно отмежеваться отъ пруссаковъ и исключить себя или ихъ отъ взаимнаго политическаго единенія.

Тѣмъ, что въ безсильномъ бѣшенствѣ своемъ презрѣнный тевтонъ разстрѣливаетъ не оказывающихъ ему сопротивленія русскихъ гражданъ, Россіи ему не запугать. Запамятовали, видно, въ Берлинѣ, что не таковскихъ дикарей доводилось выносить русскимъ людямъ на протяженіи нашей тысячелѣтней исторіи. Россіи, вынесшей сотни лѣтъ татарскаго ига, пруссакамъ не устрашить.

По части управы съ дикими ордами варваровъ у насъ опытъ достаточный. Въ борьбѣ съ ними мы выработали свои доморощенныя средства: казацкую пику и нагайку. Воображаемъ, какъ побѣжали бы отъ нашихъ казаковъ и ингушей прусскіе герои разстрѣловъ и погромовъ.

Русскій солдатъ, приближающійся сейчасъ къ прусской границѣ, хорошо запомнитъ каждую жертву прусскихъ варваровъ. Жертвы эти—кровавый счетъ, предъявленный русской арміи. Счетъ этотъ будетъ снова оплаченъ и оплаченъ звонкою валютой. Но не на мирномъ населеніи Пруссіи сорветъ свой справедливый гнѣвъ русскій солдатъ, а на головахъ тѣхъ самыхъ дикарей, которые писали этотъ счетъ кровью и слезами загубленныхъ ими жизней русскаго мирнаго населенія.

(„Утро Россіи“, 19 іюля 1914 г.).

Почему разгромили германское посольство.

Вчера намъ пришлось бесѣдовать съ лицомъ, которое было очевидцемъ разгрома германскаго посольства въ Петербургѣ. И вотъ его разсказъ:

— Очевидцемъ разгрома я сдѣлался совершенно случайно, и могу сказать только одно, что это было нѣчто гораздо болѣе грандіозное, нежели выходитъ по описанію газетъ.

Вы говорите, что это возмутительный вандализмъ и дикость? Согласенъ, что разрушать и портить оставленную врагами у меня беззащитную собственность—безобразно и дико, но по отношенію къ дому посольства долженъ сказать вамъ нѣчто иное.

Припомните пожалуйста, что это за зданіе. На одной изъ лучшихъ площадей столицы, рядомъ съ ея грандіознымъ соборомъ, воздвигли зданіе, которое своею подчеркнутою грубостью убило

и этотъ храмъ, и всю площадь, а на крышу зданія поставили еще двухъ колоссовъ, которые сдѣлали стоящій рядомъ памятникъ Николаю I-му похожимъ на прессъ-папье. Колоссы стояли, держа наготовѣ такихъ же мощныхъ коней, въ сознаніи своей несокрушимой силы, съ презрѣніемъ глядѣли на разстилающуюся у ихъ ногъ русскую столицу.

Что такое этотъ домъ? Вѣдь это символъ взглядовъ Германіи на Россію. Это—оскорбленіе, которое не могъ не чувствовать каждый, кто видѣлъ это посольство передъ собою.

Я не знаю, можно ли было германскому посольству воспретить постройку такого символа, но произошло ли при этомъ упущеніе, или нѣтъ, ясно одно, что имѣть такое зданіе въ столицѣ для Россіи оскорбительно.

Когда происходилъ разгромъ, площадь была покрыта множествомъ народа, который въ нападеніи на домъ участія не принималъ, и повсюду все-таки слышались возгласы одобренія, и у большинства оно же было и на лицѣ.

Вотъ истинный смыслъ этого разгрома. Это—отвѣтъ на то оскорбленіе, которое Россія два года терпѣла, видя передъ собою этотъ символъ германскаго къ намъ презрѣнія. И когда закончится война (и я не сомнѣваюсь, что она закончится пораженіемъ Германіи), однимъ изъ требованій, которыя предъявитъ Россія, должно быть снятіе съ крыши посольства этихъ статуй. Пусть нѣмцы увезутъ ихъ въ Берлинъ и поставятъ гдѣ хотятъ, но въ Петербургѣ имъ не мѣсто.

(Тамъ же).

Варварства нѣмцевъ.

Сегодня вашъ корреспондентъ выѣзжалъ въ Выборгъ навстрѣчу спеціальному поѣзду, доставившему въ Петербургъ изъ Стокгольма около 2 тыс. русскихъ подданныхъ, бѣжавшихъ изъ Германіи.

Разсказы русскихъ бѣглецовъ превосходятъ все, что можно было предположить. Одинъ изъ путешественниковъ, попавшій въ Россію черезъ Берлинъ и Стокгольмъ и пытавшійся ѣхать черезъ Торнъ въ Александрово, разсказываетъ:

— Когда мы прибыли въ Торнъ, намъ первымъ дѣломъ дали приказъ немедленно очистить вагонъ только для того, чтобы послѣ издѣвательствъ надъ нами намъ было приказано вновь занять наши мѣста.

Комендантъ Торна далъ честное слово, что насъ отправятъ по направленію къ Александрову. Но честное слово прусскаго офицера оказалось наглой ложью. Когда поѣздъ тронулся, мы скоро замѣтили, что насъ везутъ въ обратномъ направленіи. Наглухо заперли двери, спустили шторы и окна и поставили ко всѣмъ вагономъ съ заряженными винтовками часовыхъ. Вотъ обстановка, въ которой насъ везли въ Штеттинъ.

Вмѣсто того, чтобы отправить насъ на родину, когда мы, наконецъ изголодавшіеся прибыли въ Штеттинъ, насъ отвели подъ конвоемъ на скотобойню, во дворѣ которой подъ открытымъ не-

бомъ мы должны были провести ночь. Нѣмцы не щадили ни женщинъ, ни дѣтей и всѣхъ насъ, безъ различія пола и возраста, положили или, вѣрнѣе, бросили на голую солому во дворѣ штеттинской скотобойни.

Ворота были наглухо заперты и насъ положительно морили голодомъ и жаждой. На утро насъ доставили снова на вокзалъ и снова заперли въ поѣздѣ. Куда насъ везутъ, мы не знали, на всѣ вопросы получался отвѣтъ въ видѣ плевковъ, пинковъ и насмѣшекъ.

Одинъ изъ солдатъ надъ нами „сжалился“ и обрадовалъ насъ сообщеніемъ, что везутъ насъ на островъ Рюгенъ, гдѣ мы, какъ военноплѣнные, будемъ подвергнуты принудительнымъ работамъ. Привезли насъ въ Сасницъ, откуда мы должны были отправиться на пароходѣ въ Швецію.

Здѣсь намъ пришлось быть свидѣтелями страшной трагедіи: въ порывѣ отчаянія бросилась въ воду молодая русская женщина-врачъ, сестра популярнаго врача въ Москвѣ. Съ большимъ трудомъ ее удалось въ концѣ-концовъ спасти. Здѣсь же сошли съ ума двѣ наши соотечественницы и одинъ молодой человѣкъ.

Молодая дама, возвращавшаяся въ Москву, разсказываетъ:

— Я возвратилась въ Россію одна, а мы ѣхали съ сестрой, ея мужемъ и кузеномъ. Мои спутники остались подъ арестомъ, и какова ихъ дальнѣйшая судьба, мнѣ неизвѣстно. Намъ продали въ Берлинѣ билеты прямого сообщенія до Копенгагена, но довезли насъ до крѣпости Нейстрелицъ, гдѣ подъ угрозой обнаженныхъ шашекъ пруссаки заставили насъ выйти изъ поѣзда.

Подъ конвоемъ солдатъ мы прошли всѣмъ городомъ въ какія-то казармы. Мы, женщины, несли на себѣ тяжелый багажъ и, если кто-нибудь изъ насъ останавливался, приклады прусскихъ винтовокъ заставляли насъ немедленно продолжать путь. Мы шли, сопровождаемые свистками, плевками и руганью нѣмецкихъ хулигановъ.

Была тяжело избита старушка, не сумѣвъ поспѣть за прусскимъ солдатомъ, другая старушка должна была итти, держа въ одной рукѣ 7-лѣтнюю парализованную дѣвочку, а въ другой— свой чемоданъ. Когда мы достигли наконецъ казармъ, на площадь была выдвинута пушка, дуло которой было обращено въ нашу сторону. Насъ обыскали тщательнымъ образомъ, при чемъ обнюхивала еще полицейская собака.

Заявленіе одного изъ нашихъ спутниковъ, московскаго профессора Гольдштейна, о томъ, что среди насъ много больныхъ женщинъ, лѣчившихся на германскихъ курортахъ и нуждающихся въ особомъ вниманіи, ни къ чему не привело. Проморивъ насъ голодомъ и продержавъ взаперти день и ночь, насъ доставили на вокзалъ, посадили въ вагоны и повезли, какъ потомъ оказалось, въ Ростокъ.

— Всѣ русскіе вонъ изъ поѣзда,— раздалась команда, и мы вышли въ Ростокѣ, гдѣ насъ подъ свистъ и насмѣшки разсортировали на двѣ группы. Всѣмъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ оставили въ Ростокѣ, въ качествѣ военноплѣнныхъ посуливъ имъ принудительныя работы и всевозможныя лишенія.

(„Утро Россіи“ 29 іюля 1914 г.).

Бѣглецы изъ Калиша.

Изъ Варшавы „Рѣчи“ телеграфируютъ: 28 іюля сюда прибыло много бѣглецовъ изъ занятаго германцами Калиша.

Запуганные и разбитые бѣглецы разсказываютъ о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ германцевъ по отношенію къ мѣстному населенію города. Германцы прибыли въ Калишъ 21 іюля вечеромъ. Навстрѣчу имъ вышелъ президентъ города Буковинскій съ двумя гражданами, держа въ рукахъ бѣлый флагъ.

Утромъ, 22 іюля, по городу были расклеены прокламаціи за подписью майора Прейскера, въ которыхъ населеніе призывалось къ спокойствію и была обѣщана личная и имущественная безопасность. Въ прокламаціяхъ далѣе требовалась выдача оружія въ теченіе сутокъ и предписывалось закрывать магазины въ 8 час. вечера.

Въ концѣ прокламаціи говорилось, что воры и поджигатели будутъ караться смертью.

День 22 іюля прошелъ спокойно. Только въ 12 час. ночи жители услышали стрѣльбу. Никто не зналъ, кто и гдѣ стрѣляетъ.

23 утромъ расклеили новую прокламацію, въ которой объяснялось, что такъ какъ жителя Калиша стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ, на городъ налагается контрибуція въ размѣрѣ 50 тыс. рублей и, кромѣ того, шесть виднѣйшихъ представителей города забираются въ видѣ заложниковъ, а если стрѣльба повторится, ихъ разстрѣляютъ и городъ будетъ бомбардированъ.

Заложниками взяты православный священникъ, два ксендза, одинъ еврейскій раввинъ и два еврейскихъ богача-благотворителя, Майслеръ и Френкель.

Требуемыя 50 тыс. рублей были сейчасъ же внесены, при чемъ сумма эта была собрана слѣдующимъ образомъ. Варшавскій коммерческій банкъ далъ 15 тыс. рублей, Рижскій коммерческій банкъ—10 тыс., общество взаимнаго кредита—10 тыс. рублей, а остальные дали зажиточные жители.

Домъ № 2, по Влоцлавской улицѣ, изъ котораго будто бы стрѣляли, подвергся бомбардировкѣ. Домохозяинъ, еврей Роттъ, его шестеро сыновей, а также всѣ жильцы арестованы.

Въ тотъ же день появилась новая прокламація, въ которой населеніе призывалось къ успокоенію и въ которой предписывалось открыть магазины и устроить вечеромъ иллюминацію.

Населеніе безпрекословно исполнило всѣ требованія германцевъ.

24 іюля по неосторожности германцевъ, когда пускались ракеты, у зданія магистрата вспыхнулъ пожаръ. Сгорѣли зданіе магистрата, базаръ и много частныхъ домовъ.

25-го іюля, днемъ, совершенно неизвѣстно за какія провинности началась бомбардировка города, продолжавшаяся всю ночь.

Всѣ заложники разстрѣляны.

Видя такое отношеніе къ мирнымъ жителямъ, населеніе въ паническомъ страхѣ начало бѣжать.

Сцены отчаянія, по разсказамъ очевидцевъ, не поддаются описанію. Еврейскій раввинъ, несмотря на субботній день, разрѣшилъ уйти изъ города.

Собралась огромная толпа: старики, женщины, дѣти, оборванные, босые, голодные оставили городъ, направляясь, неизвѣстно куда. Всѣ дороги, ведущія изъ Калиша, полны бѣглецовъ. Послѣ двухдневныхъ мытарствъ болѣе счастливые добрались до Варшавы. Многіе пѣшкомъ направляются въ ближайшія мѣстечки.

(„Утро Россіи“ 29 іюля 1914 г.).

Что таилось подъ нѣмецкою культурой?

I.

Кто это занялъ неукрѣпленный Калишъ и хозяйничаетъ въ немъ?

И кто могъ написать, что это сдѣлалъ отрядъ германской арміи?

Такого отряда не можетъ быть въ арміи.

По крайней мѣрѣ, во всякой другой, не нѣмецкой.

Есть въ арміи отряды: передовые, развѣдочные, занятые наводкой мостовъ, укрѣпленіемъ мѣстности.

Но отрядовъ, занятыхъ вытаскиваніемъ кошельковъ у беззащитныхъ людей, отрядовъ, разстрѣливающихъ мирныхъ, не сопротивляющихся и не шпіоновъ жителей—такихъ отрядовъ въ арміи не бываетъ.

Ибо это уже не отряды.

А банды мародеровъ.

И просто, разбойники съ большой дороги.

Вся Россія теперь уже знаетъ, что продѣлывала банда пруссаковъ, подъ предводительствомъ своихъ „доблестныхъ“ офицеровъ, занявъ Калишъ.

Эти позорныя 50 тысячъ!

Этотъ несчастный мелкій чиновникъ, разстрѣлянный за то, что не захотѣлъ отдать своихъ послѣднихъ, трудомъ заработанныхъ пятисотъ рублей!

Это перейдетъ въ исторію.

Ибо исторія, холодная и безстрастная, хранитъ не только страницы блестящихъ подвиговъ.

Она, какъ на гранитѣ, высѣкаетъ скорбныя страницы позорныхъ, чудовищно-преступныхъ дѣяній.

Блестящее начало германскихъ военныхъ „операцій“ сдѣлано!

Или обнаглѣвшіе насильники думаютъ увеличить фондъ на веденіе войны сниманіемъ съ нищихъ рубашекъ?

Тому, что сообщаютъ изъ Калиша, можно вѣрить вполнѣ.

Пусть напечатаютъ, что что-нибудь подобное сдѣлали французы или англичане, про русскую армію и говорить нечего—она дѣлитъ часто послѣдній кусокъ чернаго солдатскаго хлѣба съ беззащитнымъ, побѣжденнымъ врагомъ.

Пусть напечатаютъ.

И каждый покачаетъ головой.

— Что-то не такъ. Не можетъ этого быть.

Но нѣмцы...

Нужно только вспомнить, что позволяли они себѣ дѣлать во время франко-прусской войны 70-го года на занятыхъ французскихъ земляхъ.

О, конечно, это не та Германія, что дала „Фауста“, науку, блестящую технику машиностроенія.

Это — Германія „воинствующаго юнкерства“, задранныхъ кверху усовъ, маніи военнаго величія, мозговъ, пропитанныхъ церемоніальными маршами и пренебреженіемъ ко всему, не военному.

Кто бывалъ въ Берлинѣ и видѣлъ этихъ палкообразныхъ прусскихъ лейтенантовъ, тотъ не можетъ забыть того пренебреженія, прямо отвращенія, которое написано на лицѣ у каждаго такого лейтенанта, идущаго по Унтерденлинденъ или сидящаго въ кафэ на Фридрихштрассе.

Для него, для лейтенанта, всѣ окружающіе штатскіе, свои-же бюргеры—„сбродъ“.

А нашумѣвшая въ свое время книга: „Изъ жизни маленькаго гарнизона“ лейтенанта Бильзе!

Какіе нравы, какую грубость, какое издѣвательство надъ человѣческой личностью вскрылъ этотъ прозрѣвшій лейтенантъ!

Вотъ какъ поступаетъ эта „образцовая“ армія въ мирное время со своими-же.

Какого обращенія, какого минимальнаго проявленія человѣчности ждать отъ этой арміи, въ военное время, въ отношеніи того, кого она считаетъ врагомъ?

Только начались еще военныя дѣйствія, а тоненькая оболочка культуры уже сброшена и обнажились подъ ней звѣриныя лица древнихъ германцевъ-варваровъ, жившихъ въ лѣсахъ, германцевъ-вандаловъ.

Вандалы временъ Римской имперіи сокрушили античную цивилизацію.

Ихъ потомки черезъ полторы тысячи лѣтъ вздумали повторить то же.

И посмѣли надѣяться, что теперешній Римъ, потомки римскихъ квиритовъ, забывъ все, поддержитъ ихъ.

Но теперь уже не одна Римская имперія временъ Цезарей, почти весь міръ всталъ на защиту истинной культуры и прочнаго долгаго мира отъ безмозглаго „юнкерства“.

Бросившій всему культурному міру вызовъ, поднявшій свой „бронированный кулакъ“ достойный представитель этого юнкерства—Вильгельмъ любитъ, говорятъ, повторять:

— Мы, нѣмцы, не боимся никого, кромѣ Бога.

Теперь стало ясно, что они, нѣмцы, перестали и Бога бояться.

И дерзкихъ разбойниковъ съ большой дороги Онъ покараетъ.

II.

Это что-же—за тѣ огромныя деньги, которыя оставлялись русскими на нѣмецкихъ курортахъ?

За эти деньги больныхъ, прервавшихъ свое лѣченіе, стремившихся добраться до Россіи женщинъ выталкивали изъ вагоновъ прикладами.

Заставляли идти пѣшкомъ, съ дѣтьми, десятки верстъ.

Наносили невѣроятныя оскорбленія.

Обыскивая, раздѣвали донага.

За эти деньги мужчинъ, мирныхъ и беззащитныхъ, запирали въ кордегардіи и тюрьмы...

При малѣйшемъ протестѣ разстрѣливали.

Это не сонъ.

Сны человѣчнѣй.

Это—явь.

Ужасная, отвратительная.

Издѣваясь на всѣмъ, что, казалось, было достигнуто на пути мира и правды, это явь, глумясь, схватила число XX.

Число вѣковъ отъ Рожденія Христова.

И властной рукой выбросила цифру X. А для оскорбленныхъ, избитыхъ, разстрѣлянныхъ русскихъ, вся вина которыхъ была въ томъ, что они, больные, довѣрившись порядочности, казалось, культурнаго государства, пріѣхали въ это лѣто лѣчиться на нѣмецкихъ курортахъ, оставила одно только X.

X-ый вѣкъ.

Довѣрились „порядочности“.

А за благодарностью дѣло не стало.

Есть моменты, когда можно называть вещи своими именами.

Не только можно.

Должно.

Кто эти, такъ жестоко, такъ чудовищно проявившіе свою „благодарность“?

Негодяи.

А. Дьяковъ.

(„М. Л.“ 31 іюля 1914 г.).

Нѣмецкое варварство.

Германскія войска, вошедшіе въ Варжасъ, маленькій городокъ близъ Вервье, заставляютъ жителей вооружаться и стрѣлять въ бельгійскія войска, приговаривая къ разстрѣлу бургомистровъ.

Одинъ старикъ пытался вступить въ переговоры съ нѣмцами, но ему отвѣтили:

— Если вы будете пытаться защищать приговоренныхъ, то и васъ разстрѣляютъ.

Одинъ изъ бургомистровъ принужденъ былъ собрать все населеніе городка на площадь для присутствованія при казни, но самъ онъ немедленно бѣжалъ на голландскую границу. Проходъ на голландскую границу свободенъ, но недостаточно обезпечиваетъ безопасность семей бѣгущихъ бельгійцевъ.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Берло нѣмцы разстрѣляли священника и 30 крестьянъ.

Французскій консулъ въ Дюссельдорфѣ представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ рапортъ о дурномъ обращеніи, которому онъ подвергся во время его слѣдованія къ голландской границѣ. Послѣ того, какъ его въ теченіе 3 дней продержали подъ строгимъ надзоромъ агентовъ, причемъ онъ неоднократно подвергался оскорбленіямъ толпы, 23 іюля онъ получилъ возможность выѣхать, но вынужденъ былъ ѣхать въ вагонѣ 3 класса вмѣстѣ съ рекрутами, которые непрерывно оскорбляли его.

Въ Кельнѣ консулъ подвергся тщательному обыску и задержанію въ теченіе 3 дней подъ арестомъ, послѣ чего ему разрѣшено было продолжать путешествіе. Въ Вилерѣ, послѣдней прусской станціи, консулъ и сопровождавшія его лица, были снова обысканы до крайности тщательнымъ образомъ, причемъ обыскъ сопровождался грубыми оскорбленіями. У консула были отобраны всѣ бумаги, включая и частную корреспонденцію и деньги. Послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ, консулу наконецъ удалось прибыть въ Голландію.

(„М. Л.“ 31 іюля).

Вѣрный союзникъ.

Дурной примѣръ заразителенъ, и австрійцы, вступая въ Россію, ведутъ себя такъ же, какъ и ихъ союзники Германцы.

Та же безцѣльная, безсмысленная жестокость, то же избіеніе беззащитныхъ жителей. Разница сказалась только въ томъ, что къ разстрѣлу, кулачной и ножевой расправѣ австрійцы прибавили сожженіе за-живо.

Характерно, что это изувѣрство проявляется какъ разъ въ той порубежной полосѣ Россіи, на которую уже много лѣтъ съ вожделѣніемъ смотрѣли австрійскіе политики, которую они въ тайныхъ глубинахъ сознанія давно привыкли называть не иначе, какъ составной частью Габсбургской монархіи, обновленной на началѣ тріализма.

Ихъ улещающія слова, ихъ широкія обѣщанія, заманчивыя для увлекающихся умовъ, благодаря звѣрствамъ въ Андреевѣ, обрисовались въ истинномъ свѣтѣ.

Политика пожиранія славянскихъ народовъ ни на одну минуту не покидала ихъ сердца. Поведеніе австрійцевъ въ Андреевѣ—это утоленіе алчности дикаго звѣря, дорвавшагося до свѣжатины.

И теперь не можетъ быть мѣста никакимъ сомнѣніямъ въ истинной цѣнности австрійскихъ увѣреній. Но знаменательнѣе всего, что наказаніе за это презрѣніе Божьяго и людского закона постигаетъ Австрію въ ея собственныхъ предѣлахъ.

Она не знаетъ, что ей дѣлать съ ея славянскими полками. Въ разгорающейся европейской войнѣ не оказывается такого фронта, который славяне могли бы защищать во славу „апостолическаго“ Габсбурга. Царство его „распадается на ся“.

Нѣмецкія звѣрства.

Пріѣхавшіе изъ Берлина сообщаютъ о возмутительной демонстраціи, устроенной берлинской толпой передъ окнами бывшаго русскаго военнаго агента въ Германіи полк. Базанова.

Полк. Базановъ за нѣсколько дней до войны уѣхалъ изъ Берлина, оставивъ тамъ свою жену и дѣтей. И вотъ въ субботу 19 іюля (1 августа), въ день объявленія войны, передъ домомъ г-жи Базановой (Sächsischestrasse, 69), собралась толпа берлинцевъ. Былъ въ толпѣ и жившій въ одномъ домѣ съ Базановыми прусскій майоръ генеральнаго штаба фонъ-Вальдовъ (v. Waldow).

Толпа устроила подъ окнами г-жи Базановой кошачій концертъ. Неслись самыя отборныя ругательства. Когда изъ дома вышла г-жа Базанова съ своей сестрой, гувернанткой и тремя дѣтьми и стали садиться въ автомобиль, чтобы ѣхать на вокзалъ, крики и угрозы стали еще сильнѣе. По адресу несчастныхъ женщинъ изъ толпы неслось: „fort von hier unverschämte Russen“, „Russenbande, Russische Hunde, Schweine и т. п.

Полиція не только не препятствовала оскорбленіямъ, но поощряла демонстрантовъ. Тѣ, ободренные попустительствомъ шуцмановъ, кинулись къ автомобилю.

Не успѣй шоферъ во время пустить машину, демонстранты избили бы несчастныхъ женщинъ.

* * *

Другой разъ берлинская толпа проявила свое варварство, 20 іюля, при отъѣздѣ изъ Берлина русскаго посольства. Въ автомобиль летѣли камни, неслись ругательства и угрозы.

Два автомобиля были остановлены на улицѣ и толпа избила пассажировъ. При этомъ пострадали: діаконъ посольской церкви. секретарь посольства, камергеръ Храповицкій, княгиня Бѣлосельская, графиня Литке, гр. Тотлебенъ, жена посланника, г-жа Лермонтова, графиня Бреверн-де-ля-Гарди, г-жа Плаутина.

* * *

Въ Берлинѣ полиція арестовала всѣхъ русскихъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ. Среди арестованныхъ были Ф. Ф. графъ Юсуповъ-кн. Сумароковъ-Эльстонъ, котораго продержали въ участкѣ болѣе шести часовъ. Лишь благодаря шагамъ, предпринятымъ ея высочествомъ княгиней Ириной Александровной, которая совершенно больная поѣхала хлопотать за своего мужа, графъ Юсуповъ былъ отпущенъ на свободу. Среди арестованныхъ были также: сенаторъ графъ Паленъ, московскій профессоръ докторъ Бѣляевъ, Субботинъ, Голумбіевскій, Давичъ и др. Всѣхъ ихъ отпустили изъ тюрьмы, благодаря заступничеству испанскаго посла.

На вокзалѣ въ Ростокѣ были арестованы всѣ русскіе мужчины, среди нихъ камеръ-юнкеръ бар. Тизенгаузенъ. Всего было арестовано до 600 чел. Никто изъ нихъ до сихъ поръ не освобожденъ.

Въ Копенгагенѣ получено отъ арестованныхъ письмо. Всѣхъ ихъ поставили на принудительныя работы. Одни мостятъ ростокскія улицы, другіе должны сопровождать городской обозъ.

Бар. Тизенгаузена заставили писать на пишущей машинкѣ въ канцеляріи ростокскаго полиціймейстера.

Ѣсть никому не даютъ. Каждый долженъ питаться на свои средства.

* * *

Докторъ И. Н. Левицкій пріѣхалъ изъ Киссингена въ Берлинъ какъ разъ въ день объявленія войны, 19 іюля. На курортахъ и въ самой Германіи было тихо, къ русскимъ относились, какъ всегда, предупредительно. Не то было въ Берлинѣ. Киссингенскій поѣздъ былъ встрѣченъ улюлюканьемъ мальчишекъ—поѣздъ былъ, вѣдь, биткомъ набитъ русскими. Что пришлось вытерпѣть въ Берлинѣ, извѣстно уже всѣмъ.

Интересно, что еще 20 іюля нѣмцы были твердо увѣрены въ нейтралитетѣ Англіи. Улицы Берлина были запружены толпами воинственно-настроенныхъ озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ. Что выкрикивали по адресу Россіи и Франціи — можно себѣ представить. Англичанамъ же, случайно встрѣчавшимся, устраивали овація, качали ихъ подъ крики „Да здравствуетъ Англія“! Тѣмъ полнѣе было разочарованіе, тѣмъ злѣе стали обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ нѣмцы, послѣ объявленной Англіей войны.

Къ 21-му съ трудомъ добрались до Сасница. Однако, несмотря на весь патріотизъ нѣмцевъ, взятки брались весьма охотно. Въ Штеттинѣ д-ръ Левицкій и его спутники дали начальнику станціи 50 кронъ, а носильщикамъ и главному кондуктору по 20—50 марокъ. Это возымѣло свое дѣйствіе: нѣмцы стали любезнѣе и предоставили путникамъ извѣстный комфортъ. Главный кондукторъ, подъ какимъ-то предлогомъ, высадилъ изъ отдѣленія вагона нѣмецкаго генерала и устроилъ въ этомъ отдѣленіи русскихъ. Протесты и ругань какого-то прусскаго офицера остались безъ послѣдствій.

Въ Сасницѣ скопились тысячи бѣглецовъ. Около парохода-парома были поставлены два солдата-пруссака. При страшной давкѣ они пропустили 1,900 человѣкъ (паромъ разсчитанъ на 700—900), а затѣмъ... принялись избивать остальныхъ прикладами. Началась паника. Пятилѣтній мальчикъ былъ сброшенъ въ воду и утонулъ — случай этотъ подтверждается шведскими газетами. Всѣхъ застрявшихъ въ Сасницѣ загнали ночевать въ конюшни.

Ночью прибыли въ Тралеборгъ. Шведы встрѣтили русскихъ, такъ родныхъ. Г-нъ Andres Hansson видѣлъ, какъ шведскіе милиціонеры, окружившіе паромъ, плакали, глядя на измученный видъ русскихъ женщинъ и дѣтей. Шведскій народъ, — съ ихъ собственныхъ словъ,—очень хорошо относится къ Россіи, агитація Свенъ Гедина дѣйствуетъ только на правительство.

— Путь до Стокгольма, а оттуда на пароходѣ Нобеля до ст. Рауме, явился отдыхомъ. Управляющій финляндскими дорогами, графъ Бергъ, предоставилъ русскимъ бѣглецамъ отдѣльные

вагоны. Въ знакъ благодарности всѣ русскіе рѣшили вступить въ члены шведскаго и финляндскаго благотворительныхъ обществъ.

Нѣмцы озвѣрѣли. Однако, нельзя сказать, что они на самомъ дѣлѣ такъ ужъ ненавидятъ насъ. Злость нѣмцевъ въ значительной степени вызвана искусственно, — какъ говорили сами нѣмцы,—приказали свыше.

Долго будутъ памятны намъ нѣмецкіе „курорты“.

* * *

Вернувшаяся въ Петербургъ супруга гофмейстера Туганъ-Барановскаго подверглась на обратномъ пути въ Россію ужаснѣйшему обращенію. Она только что перенесла тяжелую операцію. По пути въ Россію въ Бреславѣ была застигнута объявленіемъ войны. Здѣсь на вокзалѣ, узнавъ, что она русская, ее объявили арестованной, отправили въ тюрьму, гдѣ она просидѣла три дня. Въ тюрьмѣ ей сначала дали сундукъ, на который она могла прилечь. Потомъ, однако, солдаты раздумали, отняли сундукъ, избили, сорвали повязки, наложенныя послѣ операціи, и больной женщинѣ пришлось лежать на голомъ полу. Только въ Калишѣ она встрѣтила сердечный пріемъ со стороны какъ польскаго, такъ и еврейскаго общества и военныхъ властей и могла вернуться въ Петербургъ. Только черезъ трое сутокъ полуголодную (въ тюрьмѣ русскихъ держали почти голодомъ) г-жу Туганъ-Барановскую, находившуюся въ очень тяжеломъ положеніи, бросили въ товарный вагонъ, довезли до границы и здѣсь выбросили изъ вагона. Черезъ нѣкоторое время полумертвую женщину нашелъ нашъ разъѣздъ и доставилъ до ближайшей станціи.

* * *

Прибывшія изъ Германіи женщины съ ужасомъ разсказываютъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ Германіи. Берлинскіе полицейскіе и солдаты врывались по ночамъ въ гостинницы, гдѣ жили русскіе, и производили безсмысленные обыски. Несмотря на протесты, солдаты врывались въ спальни и стаскивали съ кроватей раздѣтыхъ женщинъ.

То же самое происходило и въ поѣздахъ. Нѣмцы, не щадя женской стыдливости, заставляли всѣхъ русскихъ дамъ раздѣваться до нага. Въ одной русской дамѣ, обладающей очень высокимъ ростомъ, нѣмцы заподозрили переодѣтаго русскаго солдата. Несмотря на возмущеніе находившагося въ этомъ же вагонѣ сенатора графа Палена, нѣмцы въ присутствіи мужчинъ совершенно раздѣли даму.

Въ ста километрахъ отъ Берлина, на станціи Ней-Стрелицъ пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пассажиры были встрѣчены драгунами. Солдаты накинулись на русскихъ, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, и избили ихъ прикладами. Затѣмъ началась процедура обыска. Мужчинъ не обыскивали, обыскивали только женщинъ и притомъ наиболѣе молодыхъ. Обыскъ производили трое лейтенантовъ подъ громкій хохотъ своихъ товарищей и солдатъ. Присутствовалъ

здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не запрещалъ офицерамъ оскорблять дамъ, но и всячески имъ потакалъ. Сцены этого обыска были настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генералъ приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Одинъ изъ лейтенантовъ такъ увлекся обыскомъ молодой барышни, что ея отецъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ офицеру и далъ ему пощечину. Несчастнаго отца командиръ полка приказалъ схватить и его тутъ же на глазахъ русскихъ пассажировъ разстрѣляли.

* * *

Въ Торнео возвращавшіеся изъ-за границы русскіе застали экстренный поѣздъ, который привезъ изъ Петербурга чиновъ австрійскаго посольства. Проводники поѣзда съ возмущеніемъ разсказывали о поведеніи австрійцевъ въ пути. На всѣхъ станціяхъ они ѣли и пили и ни за что не платили. Брали ѣду и съ собой въ поѣздъ, и посуду потомъ выбрасывали за окно. Въ Торнео русскимъ пассажирамъ былъ предоставленъ поѣздъ австрійскаго посольства, но австрійцы ни за что не хотѣли уходить изъ поѣзда, заявляя, что они останутся ночевать въ вагонахъ. Съ трудомъ начальнику станціи удалось уговорить австрійцевъ переѣхать въ гостинницу.

* * *

Яркій контрастъ нѣмцамъ — шведы. Отношеніе шведскихъ властей къ русскимъ было изумительно радушное. Очарованные гостепріимствомъ шведовъ, русскіе пасажиры отправили изъ Торнео нашему послу въ Стокгольмѣ слѣдующую телеграмму: „Спѣша на родину въ минуты тяжелыхъ испытаній, группа русскихъ людей, случайно застрявшихъ въ предѣлахъ *озвѣрѣлой Германіи*, проситъ васъ доложить его королевскому величеству ихъ сердечную признательность за милостивое покровительство его величества въ предѣлахъ дѣйствительно культурной Швеціи“. Первыя подписи подъ телеграмой свиты ген.-м. князя Багратіонъ-Мухранскаго, князя Урусова, князя Волконскаго, сенатора Брянчанинова и др.

* * *

Присяжный повѣренный Шапиро, получивъ тревожную телеграмму изъ Франценсбада, имѣлъ неосторожность выѣхать черезъ Варшаву въ Германію. Вначалѣ когда переѣхали границу, шли разговоры о томъ, что въ каждомъ русскомъ сидитъ шпіонъ, что русскіе студенты покушались на жизнь кронпринца, и что поймали русскихъ шпіоновъ, переодѣтыхъ монахинями. Въ вышедшихъ въ этотъ день нѣмецкихъ газетахъ на первой страницѣ было напечатано крупнымъ шрифтомъ предостереженіе по адресу русскихъ. „Возьмите русскихъ,—взывали газеты,—подъ свое наблюденіе, всѣ они шпіоны!“ Очевидно, газеты инспирировались лицами, власть имѣющими. Возбужденіе и ненависть разжигались всякими способами.

— Приходилось прятать свое лицо,—разсказываетъ г. Шапиро.—Но меня все-таки узнали. За 2 минуты до отхода поѣзда въ Брюсселѣ ко мнѣ подошелъ солдатъ и спросилъ, русскій ли я. Послѣ утвердительнаго отвѣта меня потащили сначала въ вокзальное бюро, оттуда въ полицейское, а затѣмъ въ одиночную тюрьму.. Тамъ находилось уже около 300 человѣкъ русскихъ. Плачъ женщинъ и дѣтей доносился изъ камеръ. Когда я пытался попросить объясненій о причинахъ нашего ареста, то мнѣ или кричали: „прикройте свой ротъ!“ или же объясняли, что насъ охраняютъ отъ ярости толпы.

На третій день, продержавъ насъ впроголодь, вывели на дворъ и стали отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ и дѣтей. Поднялся плачъ и рыданія. Сцены разставанія были ужасны. 80 молодыхъ людей и мужчинъ до 40-лѣтняго возраста отвели обратно въ тюрьму, а насъ подъ конвоемъ повели къ станціи. Здѣсь размѣстили насъ въ угольныхъ открытыхъ вагонахъ, и направили къ ст. Вильгембрюке. Офицеръ сопровождавшій насъ сдалъ насъ войту гмины Верушево, Калишской губ., Велюнскаго у. Населеніе встрѣтило насъ какъ родныхъ. Всѣ мы были размѣщены въ домахъ, а на слѣдующій день намъ доставили подводы для слѣдованія къ ближайшей станціи. Отдѣльныя сцены всего пережитаго нѣтъ силъ описать. Мое великое горе меркло передъ страданіями пожилого и больного русскаго профессора К., ѣхавшаго въ сопровожденіи жены и дочери. Одна изъ нихъ лежитъ сейчасъ въ нервной горячкѣ и за жизнь ея очень опасаются. На одной изъ станцій дочь профессора была избита солдатами.

(„Нов. Вр“. 30 іюля).

Бесѣда съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Сегодня утромъ въ Петербургъ пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, находившійся въ Германіи въ моментъ объявленія войны и задержанный нѣмцами. Намъ удалось бесѣдовать съ Л. А. Кассо и узнать отъ него объ обстоятельствахъ его пребыванія въ „культурной“ Германіи.

— Я былъ въ Базелѣ,—сказалъ намъ Л. А. Кассо,—откуда въ пятницу, 18 іюля, я выѣхалъ въ Россію черезъ Берлинъ. Въ Людвигсграфенѣ пассажировъ выгнали изъ вагоновъ, заставили нести на себѣ свой багажъ и идти пѣшкомъ черезъ мостъ въ Мапргеймъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ, подъ наблюденіемъ часовыхъ. Въ Берлинъ я прибылъ два часа спустя послѣ того, какъ отошелъ послѣдній поѣздъ въ Россію, я поѣхалъ въ Кенигсбергъ, несмотря на приглашеніе нашего посла остаться въ Берлинѣ и выѣхать вмѣстѣ съ посольствомъ. Въ Кенисбергѣ полиція задержала и обыскивала меня и другихъ русскихъ. Здѣсь же было объявлено, что поѣзда въ Россію не идутъ. Изъ Кенигсберга я хотѣлъ вернуться обратно въ Берлинъ, чтобы присоединиться къ русскому посольству, согласно приглашенію г. Свербеева, но въ Лансбергѣ я былъ снова арестованъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ въ участкѣ. По выходѣ оттуда толпа

набросилась на меня, окружила меня и хотѣла линчевать. Раздавались крики: „повѣсить его“. Полиція однако, отстояла меня отъ разъяренной толпы.

Изъ Лансберга меня отправили черезъ Кюстринъ въ Штетинъ. Въ Кюстринѣ меня опять арестовали и повели на гауптвахту вмѣстѣ съ цѣлой группой русскихъ, гдѣ насъ продержали цѣлую ночь подъ присмотромъ вооруженныхъ часовыхъ. Нѣмецкіе унтеръ-офицеры предупреждали насъ, что при малѣйшемъ неповиновеніи съ нашей стороны они будутъ стрѣлять. Выпущенные изъ гауптвахты русскіе подверглись нападенію толпы резервистовъ, которые хотѣли расправиться съ нами, принявъ насъ за шпіоновъ. Но отъ этой расправы резервисты были удержаны офицеромъ. Въ Штеттинѣ я былъ зрителемъ неимовѣрно грубаго обращенія съ русскими путешественниками. Женщинъ и дѣтей силой втискивали въ вагоны для скота и отправляли неизвѣстно куда. Въ Штеттинѣ я былъ арестованъ въ третій разъ. Затѣмъ меня отвели въ комендантское управленіе, гдѣ мнѣ выдали удостовѣреніе, что я могу покинуть предѣлы Германіи ближайшимъ путемъ. Мнѣ выдали это удостовѣреніе послѣ отхода послѣдняго поѣзда въ Варнемюнде. Такъ какъ пасажирское движеніе въ это время прекратилось уже, то я рисковалъ остаться въ Германіи весьма продолжительное время. Поэтому я попыталъ счастья поѣхать въ Штральзундъ и на датскомъ параходѣ былъ перевезенъ на островъ Рюгенъ. Послѣ долгихъ усилій мнѣ, наконецъ, удалось вырваться въ Швецію. Черезъ Мальмэ и Стокгольмъ доѣхалъ до Торнео, гдѣ былъ приготовленъ спеціальный поѣздъ, доставившій насъ въ Петербургъ“.

Если такимъ оскорбленіямъ со стороны не только черни и запасныхъ, но и офиціальныхъ властей, подвергся министръ великой страны, то можно себѣ представить, что пришлось и приходится переживать рядовымъ русскимъ путешественникамъ, не имѣющимъ возможности заблаговременно выбраться изъ страны новѣйшихъ гунновъ.

С. К.

(„Новое Время“ 29 іюля 1914 г.).

Озвѣрѣвшіе нѣмцы.

(Какъ возвращались русскіе).

Поѣзда Финляндской дороги доставляютъ изъ Торнео новыя партіи нашихъ соотечественниковъ, оказавшихся въ моментъ объявленія войны въ Австріи и Германіи. Сегодня съ утреннимъ и вечернимъ поѣздами вернулось въ Петербургъ около четырехъ тысячъ русскихъ. И всѣ они въ одинъ голосъ возмущаются отношеніемъ нѣмцевъ къ русскимъ подданнымъ.

— Нѣмцы озвѣрѣли,—это общій отзывъ вернувшихся изъ Берлина путешественниковъ.—Намъ не давали ни ѣсть, ни пить. Запирали на скотный дворъ. Везли въ коровникѣ. На улицахъ Берлина русскихъ дамъ били палками. Въ насъ плевали. Грозили каждую минуту разстрѣлять...

Издерганные и угнетенные физически и морально возвращаются русскіе путешественники изъ страны Шиллера и Гете...

* * *

Изъ поѣзда выходятъ только старики, дѣти и женщины. Мужчинъ очень мало. Оказывается, они оставлены въ Берлинѣ въ качествѣ военноплѣнныхъ.

Нѣмцы не разбирали запасной или незапасной, а арестовывали всѣхъ и 17-лѣтнихъ юношей, и 50-лѣтнихъ стариковъ. У женъ отнимали мужей, у дѣтей—отца, у матери—сына. Надо представить себѣ состояніе несчастныхъ женщинъ, которыя сами на себѣ испытывали вѣжливость культурныхъ Пруссаковъ. Если на улицахъ били русскихъ женщинъ только потому, что онѣ Русскія, то что же будутъ дѣлать съ военноплѣнными.

Нѣкоторымъ, впрочемъ, удалось избѣжать плѣненія, пустивъ въ ходъ хитрость. Не арестовали, напримѣръ, свиты ген.-м. князя А. И. Багратіонъ-Мухранскаго только потому, что не успѣли посмотрѣть его паспортъ. Сегодня князь Багратіонъ-Мухранскій вернулся въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ вмѣстѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, сенаторомъ Н. С. Брянчаниновымъ, редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ княземъ С. Д. Урусовымъ, генераломъ Волковымъ, княземъ П. М. Волконскимъ, графиней Армфельдтъ, юрисъ-консультомъ министерства юстиціи П. Н. Рекшинскимъ, артисткой О. О. Гуріэли, редакторомъ „Петербургскаго Листка“ Скроботовымъ и др.

Всего пріѣхало съ экстреннымъ поѣздомъ 88 русскихъ, измученныхъ и изголодавшихся. Въ Берлинѣ русскимъ не давали ѣсть. Кельнеры въ ресторанахъ, узнавъ въ посѣтителяхъ русскихъ, отказывали въ обѣдѣ. Въ Штеттинѣ на вокзалѣ кельнеръ разносилъ по поѣзду кружки съ пивомъ и кричалъ: „Nur nicht fur die Russen“.

Пріѣхавшіе сегодня изъ Берлина подтверждаютъ, что при отъѣздѣ русскаго посольства толпа нѣмцевъ устроила враждебную демонстрацію. Въ чиновъ посольства озвѣрѣвшіе нѣмцы кидали камнями, а женщины плевали. Нѣсколько дамъ было избито днемъ на улицѣ. Многихъ отправляли въ полицейскій участокъ и держали тамъ 10—12 часовъ. Купца Попова арестовали въ гостиницѣ и продержали въ полицейской камерѣ вмѣстѣ съ пьяными хулиганами 6 часовъ. Кромѣ Попова въ участкѣ было много другихъ русскихъ. Нѣкоторые не освобождены до сихъ поръ, несмотря на заступничество испанскаго посла. Въ испанскомъ посольствѣ послѣ отъѣзда Свербеева часть русскихъ нашла себѣ пріютъ. Русскихъ денегъ въ Берлинѣ не мѣняли. Не мѣняли также и своихъ кредитокъ и требовали уплаты золотомъ. Испанское посольство ссужало русскихъ деньгами.

Русскіе путешественники группами ходили по улицамъ Берлина, всюду встрѣчая презрительное и насмѣшливое отношеніе среди нѣмцевъ. Для русскихъ были закрыты всѣ магазины, всѣ рестораны и кафе. На ихъ вопросы не отвѣчали. Нельзя было достать стакана воды. Впрочемъ послѣ усиленныхъ просьбъ удавалось получить стаканъ воды за одну-двѣ марки. Полиція аре-

стовывала на улицахъ всѣхъ русскихъ безъ разбора. Женщинамъ угрожали, что ихъ пошлютъ на общественныя работы.

Настроеніе у нѣмцевъ въ Берлинѣ очень воинственное. Въ первый же день войны въ газетахъ появились телеграммы о занятіи германской арміей цѣлаго ряда городовъ, „вплоть до Варшавы“. Побѣдоносные Пруссаки, какъ сообщалось въ берлинскихъ газетахъ, били русскихъ солдатъ, какъ хотѣли. Послѣ первыхъ стычекъ, нѣмцы будто бы забрали въ плѣнъ нѣсколько тысячъ русскихъ. Однако этихъ плѣнныхъ никто не видалъ.

Подъемъ настроенія у нѣмцевъ выразился въ избіеніи мирныхъ русскихъ путешественниковъ. Всѣ русскіе отмѣчаютъ, что не видѣли никогда въ Берлинѣ такого количестоа пьяныхъ, какъ въ день объявленія войны. Съ пьяными пѣснями, подъ вой женщинъ, берлинцы провожали запасныхъ на русскую границу. Сами запасные плакали не меньше своихъ женъ.

Настроеніе солдатъ въ Берлинѣ поддерживаютъ лживыми телеграммами.

* * *

Въ теченіе трехъ дней—19, 20 и 21-го—берлинскій вокзалъ былъ запруженъ русскими. Всѣ торопились покинуть Берлинъ.

Среди публики была паника. Кидались въ первые попавшіеся поѣзда и уѣзжали въ разныхъ направленіяхъ—одни на Франкфуртъ, другіе на Кельнъ, третьи—къ русской границѣ.

Въ поѣздахъ была ужасная давка. Въ купэ, вмѣсто шести человѣкъ, помѣщались двадцать. Сидѣли другъ у друга на рукахъ, стояли въ проходахъ, корридорахъ и даже на ступенькахъ.

Князь Багратіонъ-Мухранскій со своей семьей не могъ попасть въ вагонъ который былъ переполненъ спѣшившими изъ Берлина русскими. Пришлось вскочить чуть не на ходу на площадку багажнаго вагона. Но здѣсь русскихъ путешественниковъ встрѣтили солдаты. Оказалось, что солдаты, расположившись въ багажномъ вагонѣ, стерегли русскихъ, чтобы они не пытались повредить желѣзнодорожное полотно. Когда поѣздъ отошелъ, солдаты разсѣлись по два въ каждомъ вагонѣ. Они шли по корридору черезъ головы русскихъ женщинъ, которыя вмѣстѣ со своими дѣтьми должны были размѣститься на полу. Никакія убѣжденія на солдатъ не дѣйствовали, ихъ просили быть осторожнѣе, не наступать на грудныхъ ребятъ, они отвѣчали только бранью.

По дорогѣ изъ Берлина въ Копенгагенъ на промежуточныхъ станціяхъ русскихъ заставляли шесть разъ выходить изъ вагоновъ. При этомъ провѣряли паспорта и обыскивали. Особенно безцеремонно обращались съ женщинами. Когда дамы мѣшкали, ихъ подгоняли ударами кулака въ спину.

Такъ продолжалось до самой датской границы. Лишь въ Копенгагенѣ русскіе вздохнули свободнѣе, встрѣтивъ самое радушное отношеніе со стороны Датчанъ.

* * *

Но не всѣ попали изъ Берлина прямо въ Копенгагенъ. Нѣкоторые имѣли неосторожность поѣхать къ русской границѣ.

Не доѣзжая Александрова, всѣхъ русскихъ пасажировъ высадили изъ поѣзда.

До русской границы никого не допустили, а заставили повернуть обратно. Теперь прогнали всѣхъ въ другую сторону, за шесть верстъ. Здѣсь былъ поданъ товарный поѣздъ, на которомъ только что привезли скотъ. Русскихъ путешественниковъ размѣстили въ этихъ вагонахъ, гдѣ полъ былъ весь покрытъ навозомъ. Такъ пришлось ѣхать до Торна.

Въ Торнѣ всѣхъ обыскали, осмотрѣли паспорта, нѣкоторыхъ арестовали, а остальныхъ отправили черезъ нѣсколько часовъ въ томъ же самомъ товарномъ поѣздѣ до Штеттина. Не доѣзжая версты до Штеттина, всѣхъ русскихъ заставили подъ открытымъ небомъ простоять пять часовъ, а затѣмъ подъ охраной взвода солдатъ направили на скотобойню, гдѣ только что закончился убой скота. На землѣ—лужи еще дымящейся крови. Рядомъ въ кучу сложены внутренности животныхъ. И вотъ въ этомъ грязномъ и темномъ хлѣву болѣе тысячи русскихъ путешественниковъ съ женщинами и дѣтьми должны были провести цѣлую ночь. Хлѣвъ былъ запертъ на замокъ, и у дверей была поставлена стража. Нѣкоторыя женщины лишились чувствъ. Такъ передавали тѣ изъ русскихъ, которымъ пришлось ночевать въ штеттинской скотобойнѣ.

* * *

Совсѣмъ въ другую обстановку попали русскіе путешественники, прибывъ изъ Штеттина въ Стокгольмъ.

Шведы очаровали русскихъ своимъ гостепріимствомъ. Хотя въ Стокгольмъ и съѣхалось около 10 тысячъ русскихъ путешественниковъ, всѣ были накормлены, всѣмъ былъ данъ уголъ для ночлега. Нашему русскому посланнику пришлось многихъ ссужать деньгами, такъ какъ всѣ поистратились въ Берлинѣ, гдѣ нѣмцы брали по двѣ марки за стаканъ воды.

Со слезами на глазахъ разставались русскіе съ гостепріимными Шведами. Пароходъ въ Торнео уходилъ рано утромъ, но несмотря на это, весь Стокгольмъ вышелъ проводить русскихъ. Шведскія женщины несли ведра съ молокомъ и хлѣбъ и кормили нашихъ соотечественниковъ.

Совершенно иное въ Торнео. Здѣсь всѣ гостиницы переполнены. И пятитысячная толпа русскихъ, не нашедшая себѣ пріюта, оставалась ночевать на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ. Большинство изъ нихъ больные, лѣчившіеся въ австрійскихъ и германскихъ курортахъ. Конечно все лѣченіе пойдетъ на смарку послѣ такихъ ночевокъ подъ открытымъ небомъ, послѣ перенесенныхъ волненій.

Въ Петербургъ пріѣзжаютъ всѣ измученные, изнервничавшіеся. Озвѣрѣвшіе нѣмцы оставятъ по себѣ долгую память у несчастныхъ русскихъ туристовъ.

Н. Н.

(„Новое Время“ 29 іюля 1914 г.).

Прусская гнусность.

Калишъ.

(Разсказъ очевидца)

Вотъ что разсказываетъ только что пріѣхавшій изъ Калиша.

— Нѣмцы вошли въ Калишъ на другой день послѣ объявленія войны, т.-е. 20 іюля къ вечеру. Въ городѣ появился баталіонъ прусской пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Сейчасъ же началась жестокая реквизиція. Солдаты были расквартированы. Дѣлалось это съ особливой прусской грубостью. Такъ, напримѣръ, у владѣльца книжнаго магазина Михели изъ четырехъ комнатъ квартиры три были отданы подъ постой Пруссаковъ. Въ этихъ трехъ комнатахъ поселилось 12 солдатъ. Въ понедѣльникъ все шло сравнительно благополучно. По утрамъ расквартированные солдаты встрѣчали своихъ хозяевъ словами: „Gut Morgen“, а вечеромъ, уходя спать, прощались привѣтствіемъ: „Gute Nacht“. Мѣстнымъ стражникамъ Пруссаки предписали оставаться въ формѣ и нести полицейскую службу, какъ раньше.

Но потомъ все круто измѣнилось. Дѣло въ томъ, что прусскіе кавалерійскіе патрули ушли изъ Калиша къ сѣверо-востоку на развѣдки. Тамъ они столкнулись съ русскими кавалеристами и въ стычкѣ потерпѣли полное пораженіе. Когда оставшіеся въ Калишѣ пруссаки объ этомъ узнали, началась месть,—озлобленная, дикая и подлая. Прежде всего къ начальнику прусскаго отряда былъ потребованъ президентъ города Буковинскій. Съ него потребовали денегъ въ видѣ контрибуціи съ города. Буковинскій заявилъ, что у него никакихъ денегъ нѣтъ. Тогда прусскій полковникъ позвалъ солдатъ и приказалъ его бить. Несчастнаго избили до полусмерти и выбросили окровавленнаго на улицу. Курьеръ магистрата, увидѣвъ Буковинскаго полумертвымъ, вынесъ на улицу подушку и мартацъ и положилъ раненаго. Пруссаки схватили его, отвели къ ближайшему забору и разстрѣляли.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дикихъ экзекуцій надъ мирными обывателями. Къ прусскому полковнику привели управляющаго казначействомъ Соколова.

— Принесите сейчасъ всю наличность казначейства, приказалъ Пруссакъ.

— У меня никакой наличности нѣтъ,—отвѣчалъ Соколовъ.

— Принесите книги.

Осмотрѣли книги, изъ которыхъ выяснилось, что въ казначействѣ должно находится 200,000 руб.

— Гдѣ деньги?—закричалъ полковникъ.

— Вотъ телеграмма,—сказалъ Соколовъ,—которой мнѣ предписано сжечь всю наличность.

— Вы сожгли?

— Сжегъ.

— Разстрѣлять!—закричалъ Пруссакъ.

Соколова тутъ же на улицѣ разстрѣляли.

Затѣмъ привели трехъ стражниковъ, которые стояли неподалеку.

Всѣ они были въ формѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

— Почему вы въ формѣ?—спросилъ полковникъ.

— По вашему предписанію, отвѣчали они.

— Разстрѣлять всѣхъ троихъ.

Стражниковъ тутъ же прикончили.

Далѣе началась полная вакханалія. Хватали мирныхъ, преимущественно богатыхъ обывателей и объявляли ихъ заложниками. Первыми были захвачены обыватели съ нѣмецкими фамиліями—три богатыхъ фабриканта: Френкель, Дейчманъ и Миллеръ. Френкель отъ жестокаго обращенія съ нимъ умеръ. Двое другихъ были заперты въ погребѣ. Наконецъ схватили предсѣдателя окружного суда Зеланда. Трупъ Френкеля запретили хоронить.

Во вторникъ, предъ уходомъ изъ Калиша, Нѣмцы дошли до невѣроятнаго варварства. Солдаты ходили по улицамъ и пачками стрѣляли въ населеніе. Перебили много народа. Наконецъ, къ ночи Пруссаки ушли и обыватели вздохнули съ облегченіемъ.

Вотъ картина, нарисованная очевидцами. Ее оцѣнятъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Германцы понесутъ за нее возмездіе. Но пока пусть знаютъ объ этихъ событіяхъ въ въ Америкѣ, правительство которой приняло на себя защиту германскихъ подданныхъ.

Л. К—въ.

Нов. Вр. 29 іюля 1914 г.

Изъ Германіи въ Россію.

Въ „Кіевл.“ г-жа Караваева разсказываетъ про свое возвращеніе изъ Германіи. Путь мой,—говоритъ она,—въ Германіи лежалъ черезъ Дрезденъ, въ который я прибыла вечеромъ 17 іюля. Гостинница моя случайно оказалась расположенной вблизи линіи желѣзной дороги, и мостъ черезъ Эльбу виденъ былъ изъ окна моего номера. Ночью я разбужена была ритмически повторяющимся гуломъ. Я стала у окна и увидѣла, что это поѣзда, одинъ вслѣдъ за другимъ, идущіе въ направленіи на востокъ. Я простояла у окна цѣлый часъ и насчитала за этотъ промежутокъ времени 54 поѣзда по 8—14 вагоновъ. Рано утромъ всѣ эти поѣзда ушли порожнякомъ обратно: а затѣмъ въ теченіе дня происходило только обычное пасажирское движеніе. Такъ замаскирована была усиленная перевозка войскъ на нашу границу въ тѣ дни, когда Германія увѣряла всѣхъ въ своемъ миролюбіи. На слѣдующій день я прибыла на конечную германскую станцію Скельмерщицы. Пропуская черезъ перронъ вокзала, портье угостилъ меня на прощанье основательнымъ ударомъ кулака въ плечо и крикнулъ „фортъ“ (вонъ). Багажа немногочисленнымъ Русскимъ пасажирамъ не выдали, да это было бы и излишне, такъ какъ носильщикамъ воспрещено было нести даже ручныя вещи. Прямымъ путемъ въ Калищъ насъ не пустили и мы направились окольнымъ, прошедши до русской границы пѣшкомъ около $2^1/_2$ верстъ, но тутъ оказалась новая бѣда—граница закрыта и гер-

манскіе солдаты окружили насъ, направивъ на насъ штыки ружей. Послѣ $3^1/_2$ часовъ мучительной неопредѣленности насъ таки пропустили, но только благодаря тому счастливому для насъ обстоятельству, что съ русской стороны подошла толпа Нѣмцевъ, направлявшихся въ Германію.

(Нов. Вр. 29 іюля 1914 г.).

Жертва германскихъ дикарей.

Въ числѣ многочисленныхъ жертвъ германской жестокости вчера въ Петербургъ прибыла чрезъ Торнео супруга директора канцеляріи министерства путей сообщенія Н. И. Туганъ-Барановская.

За нѣсколько недѣль до объявленія войны г-жа Туганъ-Барановская заболѣла рожистымъ воспаленіемъ головы и лица. Болѣзнь осложнилась, и, по совѣту врачей, г-жа Барановская, была отвезена въ Берлинъ, гдѣ ее помѣстили въ одну изъ лучшихъ частныхъ лѣчебницъ.

Въ лѣчебницѣ положеніе г-жи Барановской было признано тяжелымъ. Все лицо и голову больной пришлось забинтовать.

Г-жа Барановская лежала безъ движенія въ постели въ то время, когда послѣдовало объявленіе войны, и въ тотъ же день, 20-го іюля, администрація лѣчебницы предложила больной женщинѣ немедленно покинуть лѣчебницу и отправиться на родину.

Больная умоляла оставить ее на время въ лѣчебницѣ, пока она не снесется съ русскимъ посольствомъ, которое поможетъ ей доѣхать до русской границы, но всѣ мольбы оказались напрасными. Г-жу Барановскую насильно выпроводили изъ лѣчебницы и доставили въ санитарной каретѣ на вокзалъ.

Г-жа Барановская подверглась въ пути всѣмъ ужасамъ нѣмецкихъ издѣвательствъ. На одной изъ станцій она была избита ворвавшейся въ вагонъ пьяной ватагой резервистовъ. Кто-то изъ солдатъ, подозрѣвая въ больной переодѣтаго шпіона, снялъ повязку и грязными руками сталъ прикасаться къ ея больному лицу.

Въ безсознательномъ состояніи г-жа Барановская была привезена въ Копенгагенъ.

По разсказамъ ѣхавшихъ вмѣстѣ съ ней русскихъ, страданія г-жи Барановской не поддаются описанію.

Наконецъ, больная достигла родной земли. Кончились нѣмецкія звѣрства, но грязная рука нѣмецкаго солдата сдѣлала свое ужасное дѣло.

У г-жи Барановской еще въ пути появились грозные признаки зараженія крови, а сегодня, не приходя въ сознаніе, она скончалась въ страшныхъ мученіяхъ.

Гнусная ложь берлинскихъ газетъ.

Сегодня петербургскій городской голова гр. И. И. Толстой посѣтилъ повѣреннаго въ дѣлахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ г. Вильсона.

Въ теченіе этой недѣли къ гр. Толстому обращались жены германскихъ подданныхъ съ просьбою помочь имъ, такъ какъ послѣ задержанія ихъ мужей, семьи остались безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Гр. Толстой заявилъ, что Россія не ведетъ войны съ женщинами, и считаетъ своимъ культурнымъ долгомъ притти на помощь семьямъ австрійскихъ и германскихъ подданныхъ.

Г. Вильсонъ поблагодарилъ гр. Толстого за предложеніе и, съ своей стороны, обѣщалъ оказать ему возможное содѣйствіе.

Далѣе, г. Вильсонъ заявилъ, что имъ получено сегодня отъ германскаго правительства сообщеніе, въ которомъ указывается, что въ берлинскихъ газетахъ напечатаны извѣстія изъ Россіи, будто въ Петербургѣ по улицамъ разъѣзжаютъ казаки съ пиками, на которыхъ насажены головы дѣтей австрійскихъ и германскихъ подданныхъ. Что касается солдатъ, то они, по увѣреніямъ берлинскихъ газетъ, врываются въ квартиры германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, грабятъ и насилуютъ женщинъ.

Германское правительство проситъ провѣрить достовѣрность этихъ сообщеній и, если они подтвердятся, принять соотвѣтствующія мѣры къ огражденію жизни и имущества подданныхъ Германіи и Австріи.

Г. Вильсонъ заявилъ гр. Толстому, что онъ опросилъ всѣхъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, являвшихся къ нему за помощью, относительно того, какъ съ ними обращаются русскія власти, и всѣ поголовно удостовѣрили, что они встрѣтили идеальное обращеніе.

Въ заключеніе г. Вильсонъ заявилъ гр. Толстому, что онъ опровергнетъ гнусную ложь берлинскихъ газетъ и съ особеннымъ удовольствіемъ извѣститъ свое и германское правительства о выраженной петербургскимъ городскимъ головой готовности помочь семьямъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ.

(„Р. С.“ 1 авг. 1914 г.).

Въ странѣ дикарей.

Страна Шиллера и Гете... Страна Канта и Гегеля... Откуда принеслись нѣжные звуки Шумана и Шуберта... Гдѣ обвѣянные поэзіей возвышаются замки рыцарей, защитниковъ слабыхъ, паладиновъ чести... Мы такъ ко всему этому привыкли, что легко готовы были видѣть въ каждомъ нѣмцѣ Тургеневскаго Лемма изъ „Дворянскаго гнѣзда“, съ его гимнами къ „чистымъ звѣздамъ“, а императоръ Вильгельмъ и нѣмецкіе штыкъ-юнкеры казались скорѣе выродками, взлелѣянными дикимъ милитаризмомъ. Однако и въ Вильгельмѣ, при нашемъ добродушіи и политической маниловщинѣ недавнихъ дней, мы охотно находили какія-то рыцарскія черты, и въ германскомъ солдатѣ пытались отыскать хоть кусочекъ добродушнаго Карла Иваныча, временно зачерствѣвшаго подъ каской съ острымъ шишакомъ.

И вдругъ сразу прозрѣли или, вѣрнѣе, вдругъ увидѣли настоящихъ нѣмцевъ! Забудемъ, что мы живемъ въ XX вѣкѣ, забудемъ о телеграфѣ, который приноситъ намъ только можетъ

быть сотую часть ужасовъ изъ-за германской границы... Читая бѣглыя, почти протокольно безстрастныя замѣтки о нѣмецкой расправѣ съ беззащитными мирными людьми, мы сразу переносимся къ нашествію гунновъ или татаръ. А иногда безстрастныя строчки газетъ начинаютъ казаться вырванными изъ какихъ-то житій мучениковъ.

И это касается еще только первыхъ дней, даже первыхъ часовъ послѣ объявленія войны, и тѣхъ, кто вырвался изъ новаго ада,—но что же должны испытывать тѣ русскіе люди, кто остался въ этой странѣ троглодитовъ, пещерныхъ обитателей, дожившихъ какимъ-то чудомъ до нашихъ дней?

Когда приходятъ въ Петербургъ поѣзда, переполненные спасшимися отъ нѣмецкихъ мученій,—эти люди производятъ впечатлѣніе бѣжавшихъ отъ землетрясенія: такъ все истерзано, такія пережиты потрясенія, что не хватаетъ силъ даже для радости избавленія.

За мужчинами, женщинами и дѣтьми охотятся на улицахъ, нанося имъ побои; слово „Русскій“ является сигналомъ для сбора толпы, готовой растерзать на части несчастныхъ людей, довѣрившихся „романтической“ странѣ, большею частью больныхъ, пріѣхавшихъ искать исцѣленія у ея источниковъ, принесшихъ сюда часто послѣдніе, съ трудомъ накопленные на родинѣ гроши. Но ополоумѣвшіе варвары Берлина, Мюнхена, Франкфурта,—всѣхъ этихъ нѣмецкихъ „Аѳинъ“ и „Парижей“, вѣроятно, не кинутся съ такою яростью на своихъ враговъ на полѣ войны, какъ сотнями, тысячами налетали на беззащитныхъ, растерянныхъ, больныхъ и голодныхъ бѣглецовъ изъ „гостепріимной“ Германіи, пытаясь кулаками, палками и ножами добраться на своемъ „Unter den Linden“ и на вокзалахъ у поѣздовъ до обезумѣвшихъ отъ ужаса женщинъ и плачущихъ дѣтей. И какое страшное, невѣроятное нравственное паденіе народа: на слабыхъ безъ милосердія кидались съ кулаками и проклятіями нѣмецкія сестры милосердія. Боже мой! А они, бѣгущіе изъ этого ада, можетъ быть еще вчера разыскивали въ этой нѣмецкой толпѣ образы чистоты и кротости, новыхъ Гретхенъ!

Вотъ измученные, среди потоковъ ругательствъ, подъ градомъ пинковъ и плевковъ, чудомъ они уже у вагоновъ. Только бы попасть въ нихъ, только бы попасть—и черезъ день они на родинѣ, и подталкиваемые прикладами полупьяныхъ солдатъ, посреди неистовыхъ криковъ толпы, они спѣшатъ скрыться въ спасительныхъ вагонахъ. Кажется, конецъ мученіямъ! Нѣтъ, дикари въ каскахъ лѣзутъ за ними,—наблюдаютъ, чтобы спасающіеся отъ нихъ люди, ограбленные, поруганные, избитые, не принесли какого-нибудь вреда „нѣмецкому отечеству“. Они и здѣсь не даютъ покоя несчастнымъ женщинамъ, обшаривая ихъ съ такими грубыми и циничными шутками, на какія способенъ только озвѣрѣвшій пруссакъ.

Возмущенный отецъ отталкиваетъ отъ дочери негодяя-солдата—и падаетъ застрѣленный его товарищами. За волосы вытаскиваютъ пожилую женщину, крича: „она шпіонка!“ Но какъ тяжело вспоминать всѣ эти ужасныя сцены варварства, передан-

ны въ послѣдніе дни съ холоднымъ обозначеніемъ именъ жертвъ и названій городовъ! Теперь мнѣ кажется, всѣ эти названія кровью написаны на картѣ забытой Богомъ страны, потому что у ея народа пропало человѣческое сердце. Вѣроятно, его дикіе предки въ Тевтобургскомъ лѣсу были болѣе похожи на людей, чѣмъ эти изверги, выгнавшіе сотни беззащитныхъ людей въ Штетинѣ ночью изъ поѣзда на бойню, гдѣ еще не высохли лужи крови и валялись кучами внутренности убитыхъ животныхъ; здѣсь пытались заснуть полуумирающія отъ голода дѣти. Но что имъ, этимъ мучителямъ, дѣтскія слезы? Вы прочли, какъ нѣмецкій солдатъ прикладомъ сбросилъ въ воду съ переполненнаго бѣглецами парома въ Сасницѣ пятилѣтняго ребенка? Онъ утонулъ, этотъ ребенокъ, на глазахъ своихъ родителей. Вы помните также, какъ они застрѣлили въ Морфонгэне двухъ 15-лѣтнихъ мальчиковъ за то, что тѣ сообщили французскимъ жандармамъ о приближеніи вражескаго отряда? А стрѣльбу на улицахъ Калиша въ мирное населеніе города? Народъ-звѣрь послалъ армію не воиновъ, а убійцъ. Основатель современной Германіи сказалъ, что „нѣмцы никого не боятся, кромѣ Бога". Нѣтъ они всѣхъ боятся, кромѣ Бога! Они хотѣли бы изъ всего свѣта устроить одну исполинскую бойню и бросить туда все человѣчество, водрузивъ среди потоковъ крови знамя: „Deutschland über alles!" Да, надъ всѣмъ она хотѣла бы быть, эта страна дикарей: не только надъ всѣми народами, но и надъ совѣстью человѣческой, надъ сердцемъ человѣческимъ, надъ правдою,—надъ всѣмъ, что во всѣ вѣка было свято, и чѣмъ живы люди.

Но мѣра долготерпѣнія исполнилась! Рука Провидѣнія давно уже написала надъ народомъ-звѣремъ, надъ звѣрями солдатами, надъ всѣмъ этимъ звѣринымъ царствомъ новое: „Мани, факелъ, фаресъ!" Конецъ его приближается. Вооруженный разбойничій лагерь, раскинувшійся среди мирныхъ странъ, доживаетъ свои послѣдніе дни. Слезы и кровь этихъ невинныхъ, слабыхъ и безоружныхъ, которымъ онъ прежде всего объявилъ войну и понесъ мученія, вопіютъ къ небу. Къ негодованію передъ политическимъ предательствомъ, передъ желаніемъ обратить все человѣчество въ рабовъ, прибавилось суровое чувство праведнаго гнѣва къ народу безъ совѣсти и безъ сердца, къ выродку культуры. Подъ кулакомъ желѣзнаго канцлера, которому они вездѣ понаставили памятники, подъ саблей безумнаго властолюбца, дерзко занесенную надъ великими народами, давно погибли поэты—друзья человѣчества. Это уже не страна Шиллера и Гете, а страна Вильгельма II, „бронированнаго кулака", ума, отупѣвшаго подъ надвинутой на лобъ каской, страна лжи и насилія.

Никто не прольетъ слезъ надъ ея развалинами!

(Нов. Время 1 августа).

Звѣрства нѣмцевъ.

Изъ Парижа пишутъ: „Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ за эту недѣлю нѣмцы прибѣгали къ варварскимъ пріемамъ, разстрѣливали заложниковъ, производили всяческія насилія, поджоги; раз-

стрѣляли старшину мѣстечка Иньэ, поставивъ ему въ вину то, что населеніе мѣстечка способствовало побѣгу военно-плѣннаго.

Комендантъ крѣпости Мезьеръ доноситъ военному министерству:

„Я отправился въ мезьерскій госпиталь, чтобы посѣтить и ободрить раненыхъ. При этомъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ заявилъ мнѣ, что 26-го іюля около 1 ч. 30 м. дня его рота понесла нѣкоторыя потери и должна была отступить, такъ что онъ остался одинъ на полѣ сраженія съ нѣсколькими другими ранеными.

Тутъ онъ увидѣлъ, какъ германскій кавалеристъ приканчивалъ револьверными выстрѣлами раненаго стрѣлка. Самъ офицеръ избѣгъ смерти лишь потому, что притворился мертвымъ. Онъ слышалъ 5 или 6 револьверныхъ выстрѣловъ, но не видѣлъ, въ кого они были направлены.

Другой раненый стрѣлокъ той же роты также слышалъ револьверные выстрѣлы, и нѣсколько другихъ стрѣлковъ подтвердили сообщенные факты.

Подобныя проявленія дикости не требуютъ комментаріевъ и должны быть оповѣщены всему міру“.

† Туганъ-Барановская.

У насъ уже сообщалось о мытарствахъ жены директора канцеляріи министерства путей сообщенія Н. И. Туганъ-Барановскаго, находившейся въ одной изъ берлинскихъ лечебницъ. Тотчасъ же послѣ объявленія войны нѣмцы безжалостно выбросили больную женщину изъ лечебницы. Ожоги на лицѣ, которыми она страдала, требовали постоянныхъ перевязокъ,—при переѣздѣ же черезъ границу г-жа Туганъ-Барановская подверглась жестокому избіенію со стороны нѣмцевъ, причемъ всѣ повязки съ ея лица были сорваны. Слѣдствіемъ этого явилось зараженіе крови и вчера вечеромъ г-жа Туганъ-Барановская въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

— —

Прибывшая 30 Іюля изъ Германіи черезъ Торнео жена судебнаго дѣятеля г-жа Д. подтверждаетъ, что въ Пруссіи многихъ русскихъ женщинъ обыскивали самымъ грубымъ образомъ. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до нага. Двухъ дочерей екатеринославскаго помѣщика N. (одна изъ нихъ институтка) жандармы раздѣли въ присутствіи ихъ матери, а когда послѣдняя стала протестовать, то раздѣли и ее. Платье женщинъ было унесено изъ камеры „для болѣе тщательнаго обыска“. Болѣе часа женщины сидѣли въ своей тюремной камерѣ нагими и стражники съ грубымъ смѣхомъ смотрѣли нв нихъ черезъ дверное оконце. По прибытіи въ Копенгагенъ г-жа N. написала мѣстному германскому посланнику письмо, въ которомъ называетъ его „представителемъ варваровъ“ и совѣтуетъ переименовать „Deutschland“ въ „Tolland“ (страну безумцевъ) и на гербѣ вмѣсто чернаго орла изображать черную ворону—символъ низкаго хищничества.

(„День“ 1 августа).

Кружнымъ путемъ.

Много интереснаго о своемъ путешествіи изъ Остендэ въ Москву кружнымъ путемъ, черезъ Германію, Данію и Швецію, разсказалъ нашему сотруднику только-что вернувшійся изъ поѣздки П. А. Котовъ, членъ коммерческаго суда и гласный городской думы.

Изъ Остендэ онъ выѣхалъ на Гербсталь въ день объявленія войны, въ субботу 9-го числа. Но желѣзнодорожные пути около границы были уже разобраны, и путешественникамъ пришлось долгое время пробираться пѣшкомъ.

Пограничная станція была занята солдатами. Одинъ за другимъ отправлялись воинскіе поѣзда, и во всѣхъ газетахъ были напечатаны расписанія этихъ поѣздовъ съ указаніями, отъ какой станціи отходитъ каждый поѣздъ. Съ большимъ трудомъ удалось получить мѣсто до Кельна.

Насколько можно было судить по картинамъ, встрѣчавшимся въ пути, нѣмецкая мобилизація шла очень спокойно. Настроеніе въ южныхъ германскихъ провинціяхъ было серьезное и сосредоточенное, — безъ эксцессовъ по адресу иностранцевъ. Воинскіе поѣзда опустошили населеніе деревень; остались только женщины и старики.

Некому было убирать богатый урожай. Носились слухи, что въ Германіи будутъ задержаны 50,000 русскихъ, которые будутъ посылаться въ деревни для полевыхъ работъ. Усиленные разговоры вызвало правительственное сообщеніе о войнѣ, одинаковое съ рѣчью кайзера. Въ этомъ сообщеніи разъяснялось, что Германія, помимо своей воли, должна начать войну, что она обороняется, а не нападаетъ.

Въ Берлинѣ все перемѣнилось. Отъ спокойствія, царившаго въ провинціи, не было замѣтно и слѣда. Столица была охвачена воинственнымъ угаромъ. По улицамъ двигались вопящія и бѣснующіяся безобразныя толпы. Ихъ воодушевлялъ кронпринцъ, разъѣзжавшій по городу съ двумя офицерами, переряженными въ японскую форму, и толпа бурно привѣтствовала ихъ криками: „Japan hoch!“ Оказывается, нѣмецкое правительство сильно разсчитывало на японскую поддержку. Такъ же были увѣрены въ сочувствіи Норвегіи и Швеціи.

По всѣмъ гостинницамъ, дважды въ день, производились обходы,—искали русскихъ. Тѣхъ, которыхъ обнаруживали, тащили въ полицію, гдѣ и предлагали имъ „исчезнуть“ (не выѣхать, а именно исчезнуть) въ 24 часа. Выборъ способа для такого исчезновенія предоставлялся всецѣло остроумію задержанныхъ. Не менѣе грубо и рѣшительно обходились и со стариками.

Хулиганы останавливали закрытые автомобили на улицахъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ русскихъ...

Съ перваго же дня войны Берлинъ началъ испытывать приступы голода. Больше всего поднялись цѣны на хлѣбъ и соль, — на 70%. По угламъ было расклеено объявленіе, воспрещающее повышать цѣны, продавать значительное количество

продуктовъ въ однѣ руки и держать большіе запасы. Послѣднее средство помогло, и цѣны сократились.

Русскія бумажныя деньги утратили всякую стоимость; за пятирублевый золотой давали шесть марокъ.

Сцены на берлинскихъ вокзалахъ уже извѣстны нашимъ читателямъ. Мѣста захватывали съ боя, влѣзали въ окна, цѣплялись за буфера... Въ Ростокѣ раздалась команда:

— Allen russen raus!

Начались пинки и ругательства. Но потомъ нѣмцы смилостивились и сообщили бѣглецамъ:

— Въ виду того, что Россія пропустила черезъ границу германскихъ подданныхъ, вы можете ѣхать дальше.

Особенныхъ ужасовъ натерпѣлась публика въ поѣздѣ, съ которымъ ѣхали графини Паленъ и Стенбокъ-Ферморъ. Въ Торнѣ ихъ высадили, держали нѣсколько часовъ на станціи, а затѣмъ набили ими свиные вагоны и повезли въ Штеттинъ. Везли 8 часовъ вмѣсто двухъ. Въ Штеттинѣ пассажировъ загнали на свиной дворъ и оставили ихъ тамъ до ночи безъ ѣды и питья, угрожая:

— Мы васъ будемъ откармливать и дѣлать колбасу.

Тутъ было нѣсколько смертей, преждевременныхъ родовъ и сумасшествій. Даже нѣмцы оторопѣли и рѣшили, что:

— Эти варвары не понимаютъ шутокъ.

Въ Гейзерѣ собралось до 5000 человѣкъ изъ разныхъ пунктовъ. Сюда же прибылъ поѣздъ съ Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной и великой княгиней Ксеніей Александровной. Русскіе бросились къ нимъ, прося заступничества.

Великая княгиня была растрогана, но сказала, что врядъ ли сможетъ что-либо сдѣлать для нихъ.

— Я бѣжала при такихъ же условіяхъ, какъ и вы.

Государыня Императрица отправила письма къ шведскому и датскому королямъ.

Передъ датскими пароходами, отходящими въ Швецію, повторилось то же, что и передъ нѣмецкими поѣздами. Гибель „Титаника“, вѣроятно, была не болѣе трагична. Мужья теряли женъ, матери—дѣтей. Двое супруговъ, дѣти которыхъ исчезли, обнялись и кинулись въ море.

И снова были сумасшествія. Какой-то генералъ, двѣ дамы и докторъ...

Только въ Швеціи удалось несчастнымъ перевести духъ. Они приближались къ этой странѣ не безъ страха; у всѣхъ въ памяти были выступленія Свена Геддина и проповѣди о вооруженіяхъ противъ „русской опасности“. Каково же было удивленіе бѣглецовъ, когда на пристани среди чиновъ русскаго посольства и шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ они увидѣли характерную фигура самого Геддина!

Швеція приняла русскихъ съ трогательнымъ радушіемъ. Простыя крестьянки явились къ пароходу съ хлѣбомъ и молокомъ и отказывались брать деньги.

И какъ хорошо, какъ спокойно было засыпать, въ первый разъ послѣ такого промежутка, на чистой постели въ школѣ, отведенной для бѣглецовъ.

Эта предупредительность доходила до мелочей. Полисмэны въ Стокгольмѣ были всегда грубоваты, но теперь имъ особымъ приказомъ была вмѣнена въ долгъ безусловная вѣжливость. Движеніе въ Стокгольмѣ совершается по лѣвой сторонѣ; теперь разрѣшено двигаться и по правой, чтобы не нарушать,—какъ сказано въ офиціальномъ документѣ,—русскихъ привычекъ.

Немного странное впечатлѣніе производитъ только священникъ русской миссіи въ Стокгольмѣ, о. Румянцевъ,—человѣкъ очень безучастный, равнодушный и совершенно не въ курсѣ дѣлъ.

Швеція мобилизуется; тамъ уже объявленъ сборъ „ландштурма“. Каждый солдатъ обязанъ явиться въ своей аммуниціи; только шляпа выдается ему отъ казны,—сѣрая треуголка. Организовано нѣсколько обществъ для обмундированія солдатъ. Былъ съ тою же цѣлью произведенъ однодневный кружечный сборъ.

Патріотическій подъемъ чрезвычайный. Ежедневно, около 12-ти часовъ, къ королевскому замку собираются десятки тысячъ гражданъ. Король выходитъ и говоритъ со своимъ народомъ.

Здѣсь же, въ Стокгольмѣ, наши бѣглецы встрѣтились съ волною нѣмецкихъ бѣглецовъ изъ Россіи. Они съ восторгомъ отзывались о корректности русскихъ властей и не хотѣли вѣрить разсказамъ объ ужасахъ, творящихся въ Германіи.

Дальнѣйшій путь не принесъ никакихъ сюрпризовъ, если не считать тревоги въ то время, когда крохотный, биткомъ набитый финляндскій пароходикъ лавировалъ безъ компаса мимоминныхъ загражденій...

К. Т.

(Утро Россіи 2 августа).

Современные бандиты.

(Бесѣды съ бѣжавшими изъ Германіи).

Вчера въ Москву возвратились еще нѣкоторые москвичи, бывшіе за границей и дополняющіе новыми штрихами возмутительное отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ, застрявшимъ въ Германіи во время войны.

Среди прибывшихъ вчера — проф. С. А. Федоровъ, гласный московской городской думы П. А. Котовъ и др.

Въ бесѣдѣ съ нашимъ сотрудникомъ П. А. Котовъ сказалъ:

— 19 іюля я, побывавъ въ Бельгіи, рѣшилъ ѣхать черезъ бельгійско-германскую границу. Уже въ пути, за нѣсколько часовъ до германской границы, мы, русскіе, узнали объ объявленіи войны.

Приблизительно за три версты до границы поѣздъ нашъ остановили и намъ предложено было итти въ Германію пѣшкомъ.

Когда мы дошли до нѣмецкаго поста, насъ отказались пустить въ Германію.

Я, какъ хорошо знающій нѣмецкій языкъ, сталъ упрашивать прусскаго офицера.

Не вѣря совершенно въ грядущую войну, я сказалъ офицеру:

— Неужели вся Германія боится одного русскаго, когда я не боюсь ея и ѣду къ вамъ?!

Пропускъ мнѣ былъ данъ.

Ночью я былъ въ Берлинѣ, но уже утромъ вынужденъ былъ оттуда бѣжать.

Въ столицѣ Германіи творилось нѣчто невообразимое: безпрерывныя манифестаціи въ честь Вильгельма, угрожающіе возгласы по адресу Россіи и русскихъ, которымъ наносили оскорбленія.

Интересно, что у японскаго посольства устраивались дружественныя манифестаціи.

Самъ наслѣдникъ разъѣзжалъ по Берлину въ автомобилѣ съ двумя японцами, которыхъ выдавали за офицеровъ, присланныхъ будто бы изъ Японіи „для заключенія союза". И толпа вѣрила этому, какъ вѣрила и тому, что японцы уже... въ Сибири.

Но въ пути мнѣ пришлось встрѣтиться съ графинями Паленъ и Стенбокъ-Ферморъ, которыя лично разсказали мнѣ о пережитыхъ ими униженіяхъ.

Обѣихъ графинь, высадивъ изъ поѣзда, посадили въ свиной хлѣвъ, 30 часовъ не давали имъ хлѣба и воды, подвергали оскорбленіямъ.

Въ пути же я видѣлъ другихъ русскихъ мучениковъ. Мнѣ передавали душу раздирающія сцены, какъ разлучали матерей и дѣтей, мужей и женъ. Объ одной парѣ говорили, что они, не выдержавъ захвата ихъ дѣтей, бросились съ парохода въ воду...

Изъ Берлина мы попали въ Данію. Здѣсь русскимъ оказали очень сдержанный пріемъ.

Въ Сасницѣ собралось 5.000 русскихъ, между тѣмъ какъ пароходъ, отходившій въ Швецію, могъ взять только половину.

Наконецъ нашъ пароходъ прибылъ въ Стокгольмъ.

Швеція поразила насъ гостепріимствомъ. На вокзалѣ насъ встрѣтили члены арміи спасенія, скотчбои (потѣшные), помогавшіе намъ переносить вещи, шведки съ молокомъ и бутербродами.

Во главѣ встрѣчавшихъ насъ былъ даже глава антирусскаго движенія въ Швеціи, Свенъ Геддинъ.

Никто изъ русскихъ, среди которыхъ были тяжело больные и перенесшіе нервное потрясеніе, не видѣлъ только нашего русскаго священника въ Стокгольмѣ—о. Румянцева...

Лишь черезъ четыре дня мы узнали, что изъ Гефле (Швеція) въ Раумо (Финляндія) отходилъ первый пароходъ. Я среди нѣкоторыхъ другихъ попалъ на этотъ пароходъ и благополучно добрался до Москвы.

Между прочимъ, по дорогѣ мнѣ пришлось видѣть русскаго генерала и двухъ женщинъ, сошедшихъ съ ума подъ вліяніемъ всего пережитаго ими въ Германіи.

Въ заключеніе приведу еще слѣдующій любопытный штрихъ. Въ Германіи русскихъ истязали только настоящіе пруссаки.

Солдаты изъ чеховъ или поляковъ относились къ русскимъ милостивѣе и даже поили женщинъ и дѣтей водой изъ своихъ походныхъ фляжекъ...

Вернувшійся изъ Наугейма популярный московскій врачъ А. Ф. Бѣляевъ разсказываетъ слѣдующее о своихъ мытарствахъ въ Германіи.

— Благодаря преклоннымъ годамъ, я отдѣлался сравнительно благополучно.

Иная судьба постигла моихъ спутниковъ-мужчинъ, которые остались арестованными въ Ростокѣ.

Гдѣ они находятся въ настоящее время, неизвѣстно, но нѣмецкіе офицеры заявили, что даромъ кормить русскихъ они не будутъ. Они ихъ заставятъ работать на себя.

Изъ Берлина я выѣхалъ въ воскресенье.

Первая задержка поѣзда была въ Нейстрелицѣ, гдѣ по командѣ полковника: „Alle Russen heraus!“ насъ заставили выстроиться съ багажомъ и повели въ казармы.

По дорогѣ надъ нами глумились, приказывали не разговаривать, не шумѣть.

Въ казармы, въ Нейстрелицѣ, мы шли около версты подъ конвоемъ.

На казарменномъ плацу стоялъ для устрашенія столъ, покрытый чернымъ сукномъ съ изображеніемъ распятія.

Насъ обыскали, ощупали, затѣмъ привели обратно на вокзалъ и разрѣшили продолжать путь.

Въ Ростокѣ повторилось то же самое.

По приказанію жандармовъ мы вышли изъ вагоновъ, насъ арестовали и раздѣлили по группамъ; дѣти и дамы, молодые, отъ 17 до 45 лѣтъ, и старики. Я, къ счастью, попалъ въ послѣднюю группу и насъ вмѣстѣ съ группой дамъ и дѣтей отпустили съ миромъ. Нѣкоторыя жены отказались разставаться съ своими мужьями и также остались въ Ростокѣ.

Весь путь отъ Берлина до Копенгагена былъ сплошнымъ мученіемъ.

Кромѣ перенесенныхъ нами глумленій и издѣвательствъ со стороны нѣмцевъ, мы находились въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь.

Ѣхавшій со мной петербуржецъ передавалъ, какъ фактъ, что арестованный корреспондентъ „Новаго Времени“ Янчевецкій разстрѣлянъ.

(Раннее Утро 2 августа).

Германскія жестокости.

Въ Петербургъ возвратился настоятель владимірской церкви въ Маріенбадѣ, протоіерей Сергѣй Городцовъ. Онъ ѣхалъ въ рясѣ съ крестомъ на груди, но и этотъ святой символъ не избавилъ его отъ притѣсненій и насилій.

Началось съ того, что ѣхавшаго со священникомъ псаломщика нѣмцы на вокзалѣ схватили и потащили въ полицейское управленіе, и гдѣ теперь псаломщикъ, протоіерей Городцовъ не знаетъ.

Самого протоіерея окружила бѣснующаяся толпа, кричавшая и неистовствовавшая. Раздавались возгласы:

— Русскій попъ... Казакъ... Шпіонъ... Надо повѣсить...

Затѣмъ протоіерея потребовали въ полицію и подъ строгимъ допросомъ продержали полчаса.

Выйдя изъ участка, о. Городцовъ думалъ, что его мытарства кончены, но какъ только онъ сталъ направляться къ выходу изъ вокзала, къ нему подскочилъ полицейскій, схватилъ за рукавъ рясы и опять потащилъ въ участокъ, гдѣ священника держали арестованнымъ безъ всякихъ объясненій.

(„У. Р.“ 5 августа).

Германскіе шпіоны.

Изъ Лондона пишутъ: германскіе шпіоны произвели нѣсколько выстрѣловъ въ часового, охранявшаго воздухоплавательные ангары Бруклендскаго аэродрома. Часовой раненъ.

Пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Генернея, былъ обстрѣлянъ. Нѣсколько оконъ разбито пулями. Въ Гренбеѣ сдѣлана попытка вызвать крушеніе другого поѣзда.

Аресты германскихъ шпіоновъ продолжаются.

(„У. Р.“ 5 августа).

Гунны XX вѣка.

Нѣмцы въ Калишѣ.

(Изъ бесѣдъ съ бѣжавшими изъ Калиша).

Въ Москву прибыли первые бѣглецы изъ Калиша, пережившіе весь ужасъ военнаго нашествія гунновъ современности—пруссаковъ.

Бѣглецы—члены интеллигентнаго семейства.

Въ теченіе 15 лѣтъ они жили въ Калишѣ, сроднились съ этимъ городомъ, будучи связаны матеріальными и общественными интересами.

Цѣлыхъ три ночи они прожили подъ властью нѣмцевъ, испытали всѣ ужасы случайнаго и сознательнаго разстрѣла. Каждую секунду были на волоскѣ отъ смерти.

Дальше оставаться не было силъ, и ночью они бѣжали изъ города.

Вотъ какъ вырисовываются, по разсказамъ этихъ очевидцевъ, картины страшныхъ дней хозяйничанья прусскихъ солдатъ въ Калишѣ.

19 іюля, въ субботу, въ Калишѣ не осталось ни русскаго войска, ни русской полиціи. Охрана безопасности жителей была ввѣрена городскимъ милиціонерамъ.

Съ субботы на воскресенье спѣшно были взорваны мосты и разрушены телеграфныя и телефонныя сѣти.

Первый нѣмецкій солдатъ.

Въ воскресенье, въ 2 часа дня, въ Калишѣ появился верховой нѣмецкій солдатъ. Верховой оказался полякомъ.

Онъ остановился передъ костеломъ и вслухъ, громко сталъ молиться о томъ, чтобы Богъ избавилъ его отъ пролитія крови своихъ братьевъ.

Затѣмъ онъ обратился съ вопросомъ о томъ, какъ отнесется населеніе къ вступленію нѣмцевъ.

И получилъ отвѣтъ, что никакого противодѣйствія мирными жителями оказано не будетъ.

Прусскіе офицеры.

Послѣ этого на автомобилѣ прибыли въ Калишъ прусскіе офицеры.

Одинъ изъ нихъ объявилъ себя комендантомъ города.

По улицамъ было расклеено объявленіе, въ которомъ предлагалось жителямъ жить спокойно и обѣщалось обезпеченіе безопасности жизни.

Паника въ городѣ.

Тѣмъ не менѣе, передъ вступленіемъ солдатъ все населеніе попряталось.

Городъ какъ бы вымеръ.

Только нѣкоторые любопытные рѣшались смотрѣть изъ щелокъ оконъ на то, какъ тяжелымъ шагомъ входила нѣмецкая пѣхота.

Городъ былъ занятъ частью артиллеріей и пѣхотой (155 пѣхотный полкъ).

Нѣмецкіе солдаты.

У нѣмецкихъ кавалеристовъ бросилась въ глаза отличительная особенность.

На лѣвомъ рукавѣ имѣются зеркала, такъ что они видятъ все, что дѣлается сзади.

Нѣмецкіе солдаты всѣ прекрасно съ иголочки одѣты, при чемъ солдата отъ офицера отличить трудно.

Вошедшія войска размѣстились въ женской и мужской гимназіяхъ и возлѣ манежа. Въ манежъ они не входили, такъ какъ боялись, что тамъ заложены мины.

Стрѣльба изъ пулеметовъ.

Въ 11 час. ночи, къ ужасу притаившагося населенія, вдругъ, ни съ того ни съ сего затрещали пулеметы, направленные по улицамъ города.

Стрѣльба съ перерывами продолжалась до 3-хъ часовъ ночи.

Утромъ, на слѣдующій день, появилось объявленіе, въ которомъ указывалось, что въ виду выстрѣловъ въ нѣмецкій отрядъ, населеніе обязано уплатить штрафъ въ 50,000 руб.

Страшную картину представлялъ городъ въ это утро.

Опустѣвшіе дома, на улицахъ ни живой души.

Убитые.

— Я вышла,—говоритъ мать бѣжавшаго семейства,—на базаръ и увидѣла жуткую картину: убитая лошадь, вся залитая кровью, и три трупа съ разодраннымъ платьемъ, застывшіе въ позахъ мучительной агоніи.

Были убиты всѣ тѣ, кто случайно попался подъ выстрѣлъ. Далѣе начались просто разстрѣлы.

Шпіонажъ.

Нѣмцы, очевидно, хорошо были знакомы съ жизнью города. Черезъ превосходно организованный шпіонажъ они знали, къ кому зачѣмъ идти и съ чѣмъ обращаться.

Между прочимъ, былъ разстрѣлянъ акцизный чиновникъ. Комендантъ потребовалъ у него спирта. Чиновникъ отвѣтилъ, что спиртъ сожженъ по приказанію начальства.

Точно такъ же былъ разстрѣлянъ казначей Соколовъ.

Соколовъ два дня прятался въ чужихъ домахъ. И когда ему показалось было, что нѣмцы его не ищутъ, онъ явился въ свою квартиру. Освѣдомленные, очевидно, черезъ своихъ шпіоновъ, въ ту же ночь на квартиру явились нѣмцы и подняли его прямо съ постели.

У Соколова осталось 7 человѣкъ дѣтей. Жена его сошла съ ума.

Трупы убитыхъ не позволяли убирать, и три дня они валялись на улицахъ города.

„Заложники“.

Получивъ деньги, пруссаки пошли по домамъ и начали отбирать рядъ заложниковъ.

Были взяты: начальникъ уѣзда Васильевъ, раввинъ, священникъ Семеновскій, предсѣдатель суда Зелландъ и др., всего, говорятъ, около 60-ти человѣкъ. Заложники, какъ говорятъ, помѣщены въ паровой мельницѣ, около Калиша.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставили городъ и нѣмецкіе солдаты, которые расположились въ окрестностяхъ Калиша.

Бомбардировка шрапнелью.

Безъ объясненія причинъ нѣмцы начали бомбардировать городъ шрапнелью.

Такъ дѣлали они каждый день, ровно въ 8 час. утра.

Какъ передаютъ, обстрѣливалъ городъ саксонскій полкъ, стоявшій обыкновенно недалеко отъ границы.

Съ представителями этого полка многіе жители Калиша были хорошо знакомы.

Бомбардировкой было разрушено много домовъ и убито много мирныхъ жителей.

Когда спросили нѣмцевъ, за что бомбардируютъ послѣ того какъ былъ уплаченъ штрафъ, они сказали, что стрѣляютъ въ аэропланъ.

Обыски.

Во вторникъ же начались обыски у населенія, при чемъ въ объявленіи было сказано, что если будетъ произведенъ хоть одинъ выстрѣлъ, то нѣмцы будутъ разстрѣливать каждаго десятаго жителя.

Между прочимъ, оружіе у населенія было отобрано заранѣе. Комендантъ издалъ приказъ всѣмъ имѣющимъ оружіе принести его въ зданіе магистрата.

Тѣмъ не менѣе, нѣмцы тщательно искали оружіе. Пришли къ одному еврею и требовали выдать револьверъ.

На его категорическія увѣренія, что у него нѣтъ оружія, офицеръ, производившій обыскъ не менѣе категорически утверждалъ, что есть, но оружія не нашли.

Безчеловѣчность нѣмцевъ.

Несмотря на первоначальное объявленіе о сохраненіи безопасности жителей, нѣмцы сразу заявили себя своей безчеловѣчностью и жестокостью.

Всѣ объявленія ихъ короткія и грубыя, какъ слова команды, заканчивались непремѣнной угрозой разстрѣла.

Разстрѣливали, дѣйствительно, безъ всякихъ разговоровъ. За малѣйшее слово они разстрѣливали.

Съ требованіями обращались, приставивъ револьверъ ко лбу. Женщинъ хотя не трогали, за то мужчинъ заставляли ходить съ поднятыми вверхъ руками.

Когда брали заложниковъ, то, несмотря ни на положеніе человѣка, ни на возрастъ, подвергали всякимъ ненужнымъ жестокостямъ.

80-лѣтняго больного старика повели пѣшкомъ за 30 верстъ, въ Острово.

Въ городѣ среди населенія воцарился паническій ужасъ.

По улицамъ расхаживали нѣмецкіе патрули съ ружьями наперевѣсъ.

Изъ боязни встрѣтится съ патрулями никто не рѣшался выходить на улицу.

Мы рѣшили бѣжать.

Боязнь казаковъ.

Нѣмцы, между прочимъ, страшно боятся казаковъ. Первымъ вопросомъ по пріѣздѣ въ городъ было, есть ли казаки.

Разсказываютъ курьезный случай.

Въ мѣстечкѣ Турикъ есть колбасная, куда ѣздили за колбасой русскіе и нѣмецкіе пограничные разъѣзды. При чемъ никакъ они не могли встрѣтиться въ одно и то же время. И вотъ, однажды, владѣлецъ колбасной сообщилъ русскимъ, что тутъ только-что были нѣмцы. Русскіе бросились за ними въ погоню, и нѣмцы цѣлую ночь скрывались въ подвалѣ одного погребка, держа хозяина подъ угрозой смерти.

Бѣгство изъ Калиша.

Нашъ отъѣздъ изъ города ускорила вѣсть о томъ, что нѣмцы будутъ мобилизовать всю нашу молодежь.

— У меня двое сыновей, разсказываетъ мать,—и вотъ мнѣ посчастливилось найти одного смѣльчака-крестьянина, который согласился перевезти за 60 руб. изъ Калиша до Турека; оттуда опять наняли экипажъ до Кунто. Это еще обошлось дешево,—уже послѣ меня брали за это же разстояніе 180 руб., такъ какъ рискъ переѣзда увеличился.

Мы ѣхали, не останавливаясь, ни днемъ, ни ночью. Къ счастью, не встрѣтили ни одного солдата. Около Кутно мы увидѣли русскаго солдата и тогда вздохнули свободно.

(„Раннее Утро“, 3 августа).

Разсказы очевидцевъ о событіяхъ въ Калишѣ.

Въ Москву пріѣхала изъ Калиша семья таможеннаго чиновника г. Новикова, которая была свидѣтельницей германскаго набѣга на Калишъ. Вотъ что разсказываетъ студентъ Новиковъ, который служилъ контролеромъ на Варшавско-вѣнской ж. д. и жилъ у отца въ Калишѣ.

На другой день послѣ объявленія войны, около 8-ми ч. у., ушелъ изъ Калиша пограничный отрядъ, а въ 2 ч. дня, на улицахъ Калиша появился одинъ германскій уланъ, за нимъ—другой. Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ жителей на польскомъ языкѣ: „Здравствуйте господа!“. Вскорѣ они уѣхали обратно, а затѣмъ въ городѣ показался небольшой отрядъ. Первый день прошелъ спокойно, германскіе солдаты ходили по улицамъ даже безъ оружія. Въ этотъ день горѣлъ вокзалъ, какъ говорили, подожженный хулиганами; горѣли также пакгаузы.

На третій день въ городѣ показался на смѣну ушедшимъ болѣе значительный германскій отрядъ, человѣкъ въ 200. Нѣмцы распространяли при этомъ слухи, не оправдавшіеся впослѣдствіи, что будто бы возлѣ Калиша находится до 80-то тысячъ германскихъ войскъ.

Слѣдующей ночью послышались въ городѣ выстрѣлы. Около дома, гдѣ жилъ г. Новиковъ, на шоссе, идущемъ изъ Калиша къ границѣ, были поставлены пулеметы, которые обстрѣливали Ново-Липовую ул. и Вроцлавскую ул. Новиковъ-отецъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ навстрѣчу пулеметамъ попалъ нѣмецкій же отрядъ и нѣкоторые изъ отряда были перестрѣляны, такимъ образомъ, своими же. Нѣмцы объяснили выстрѣлы тѣмъ, что въ нихъ стрѣляли жители, но это совершенно невѣрно. На другой день среди жителей насчитали до 16-ти раненыхъ.

22-го іюля за подписью коменданта г. Калиша „майора и командира 11/115 Прескера“ было выпущено на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ объявленіе (оно напечатано на красной бумагѣ; экземпляръ его былъ представленъ вчера въ редакцію г. Новиковымъ), въ которомъ было сказано, что въ виду стрѣльбы изъ домовъ по отряду льготы для населенія отмѣняются. Запрещается выѣзжать

изъ города, а также останавливаться на улицахъ. Всѣ рестораны должны быть закрыты, кромѣ „Европейской“ гостиницы, гдѣ остановился г. Прескеръ. Неисполненіе распоряженій будетъ наказано смертью. Арестованные ночью шесть горожанъ будутъ разстрѣляны при малѣйшемъ сопротивленіи жителей. Какъ наказаніе за случившееся ночью городъ долженъ уплатить къ 5 ч. пополудни 50,000 р. „При повтореніи враждебныхъ дѣйствій каждый десятый изъ жителей будетъ разстрѣлянъ“. Послѣ 8 ч. веч. дома должны быть закрыты и всѣ окна освѣщены. Запрещается изданіе газетъ.

На слѣдующій день нѣмцы ушли и открыли стрѣльбу по городу изъ орудій. Совершенно непонятно, чѣмъ была вызвана эта бомбардировка. Прекращали и снова начинали бомбардировать; такъ дѣлалось въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Съ 25-го на 26-е іюля бомбардировка продолжалась всю ночь. Какъ только гдѣ-нибудь въ окнѣ показывались люди, орудія направлялись на этотъ домъ. Четырехъэтажный домъ, гдѣ жилъ г. Новиковъ, также пострадалъ: кто-то изъ евреевъ выглянулъ въ окно; сейчасъ же снарядъ снесъ косякъ дома. Новиковъ-отецъ поспѣшилъ затушить огонь въ печи, опасаясь пожара вслѣдствіе бомбардировки. Думали, что нѣмцы хотятъ разрушить этотъ высокій домъ, загораживающій дальнѣйшіе дома. Спустя 15 минутъ послѣ этого выстрѣла обитатели дома, въ томъ числѣ и Новиковы, стали перебѣгать черезъ дорогу, чтобы скрыться въ погребахъ противоположныхъ домовъ. Жутко было, — разсказываетъ г. Новиковъ,—перебѣгать дорогу передъ орудіями, которыя стояли на разстояніи всего около полуверсты. Нѣмцы между прочимъ забрали у владѣльца дома изъ восьми лошадей двухъ, а также телѣгу и въ полученіи ихъ вмѣсто денегъ выдавали квитанціи.

26-го іюля часовъ въ 6—7 утра, нѣмцы стали выгонять изъ домовъ жителей-мужчинъ, въ чемъ они были: нѣкоторыхъ чуть не въ одномъ бѣльѣ. Толпѣ въ 750 человѣкъ пришлось часъ стоять подъ дождемъ. Затѣмъ ихъ заперли въ пограничныхъ казармахъ, около вокзала; той же участи подвергались и Новиковы (отецъ и сыновья). Одного замѣшкавшагося еврея солдатъ ткнулъ штыкомъ въ ногу, подгоняя его. Престарѣлаго ксендза 80-ти лѣтъ грубо подталкивали; тогда нѣкоторые жители, бывшіе въ толпѣ арестованныхъ, взяли ксендза подъ-руку. Арестованныхъ стали распредѣлять по сотнямъ; всѣ рѣшили, что ихъ сейчасъ разстрѣляютъ. Надо сказать, что первые дни въ Калишѣ были въ германскомъ отрядѣ солдаты-поляки; они еще щадили населеніе. Но 26-го іюля появились баварцы и померанцы; эти были очень суровы.

Съ утра плѣнныхъ продержали въ казармахъ до 7-ми час. вечера. Ѣсть не давали, пить давали грязную воду, причемъ солдаты говорили:

— Пейте польскія свиньи!

Вечеромъ изъ оконъ плѣнники увидѣли, что нарыты ямы; всѣ были увѣрены, что пришелъ конецъ, что ямы вырыты для разстрѣла, тѣмъ болѣе, что плѣнныхъ вскорѣ вывели и разставили рядами по 10 чел., окруживъ солдатами.

Ещe до этого ходили слухи, что разстрѣливать будутъ картечью. Невольно явилось желаніе,—разсказываетъ г. Новиковъ,—взять что-нибудь съ собою, чтобы прикончить себя самому. Хотѣлось попросить, чтобы хоть кого-нибудь изъ мужчинъ оставили въ живыхъ, чтобы поддержать семью. Отецъ за нѣсколько часовъ посѣдѣлъ, не зная, что сдѣлали съ матерью...

Когда выстроили плѣнныхъ, командиръ, смѣнившій майора Прескера, обратился съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ сказалъ, что то, что жители сдѣлали, карается смертью, но германскій императоръ на первый разъ прощаетъ своихъ новыхъ подданныхъ. Командиръ возлагаетъ охрану города на жителей, которые должны доносить ему обо всемъ.

Затѣмъ арестованныхъ вывели на дорогу и отпустили. Не вѣрилось, что оказались на свободѣ. Ночь прошла спокойно, а на-утро Новиковы бѣжали изъ Калиша вмѣстѣ съ владѣльцемъ дома. Запрягли оставшихся шесть лошадей въ повозки, посадили на нихъ женщинъ и дѣтей, а сами 26 верстъ шли пѣшкомъ до г. Турекъ, гдѣ взяли лошадей, доѣхали до ст. Згержъ, гдѣ сѣли въ санитарный поѣздъ. По шоссе въ это время было громадное движеніе, точно въ Варшавѣ на улицахъ: это бѣжали жители Калиша.

Нѣмцы сожгли ратушу въ Калишѣ. Студенту Новикову разсказывали, что девять человѣкъ въ Калишѣ были разстрѣляны при публикѣ, которую нѣмцы нарочно собрали. Одну еврейскую семью будто бы вырѣзали за то, что изъ ихъ дома раздался выстрѣлъ. Говорили также, что хотѣли разстрѣлять трехъ дворниковъ тѣхъ домовъ, откуда будто бы раздавались выстрѣлы, но солдаты-поляки, составлявшіе отрядъ, отказались стрѣлять. Поляки, по словамъ г. Новикова, страшно возмущены расправой нѣмцевъ, и, узнавъ о событіяхъ въ Калишѣ, съ воодушевленіемъ двинулись въ Варшаву въ ряды арміи.

(Русскія Вѣдомости 5 августа).

Австрійцы повторяютъ звѣрства германцевъ.

Изъ Варшавы „Рѣчи“ сообщаютъ: Прибывшій въ Варшаву сынъ старосты занятаго австрійцами Андреева Краснинскій разсказываетъ, что обращеніе австрійцевъ съ жителями немногимъ лучше обращенія германцевъ въ Калишѣ.

Его отца, 70-лѣтняго старика, потащили въ мѣщанскую управу за полученіемъ казенныхъ денегъ и дорогой застрѣлили. Мѣстнаго купца Рамая, пожелавшаго оказать Краснинскому помощь, послѣ безрезультатнаго обыска въ управѣ, австрійцы заперли въ комнатѣ архива и подожгли домъ. Старикъ сгорѣлъ.

Въ окна сосѣднихъ домовъ стрѣляли при чемъ убитъ трехлѣтній ребенокъ. Жители въ паникѣ оставляютъ города. По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Калиша, городъ почти уничтоженъ. Продолжается разгромъ частныхъ домовъ.

(Утро Россіи 5 августа).

Аресты и казни священниковъ въ Герцеговинѣ.

Сообщаютъ о массовыхъ арестахъ и казняхъ православныхъ священниковъ сербофиловъ въ Герцеговинѣ. Зажиточные граждане Далмаціи арестованы въ качествѣ заложниковъ. Имъ угрожаетъ разстрѣлъ въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны населенія.
(Утро Россіи 5 августа).

Калишскіе бѣглецы въ Москвѣ.

Въ Москву прибыло нѣсколько поляковъ, бѣжавшихъ изъ разгромленнаго нѣмцами Калиша. Они подтверждаютъ и съ большими подробностями передаютъ то, что уже сообщалось въ газетахъ о разстрѣлахъ мирныхъ жителей, пальбѣ по улицамъ, избіеніяхъ, обыскахъ, вымогательствѣ денегъ и пожарахъ. Разсказы эти изъ устъ лицъ, пережившихъ всѣ эти ужасы, производятъ поистинѣ кошмарное впечатлѣніе.

Жители мирнаго города, не оказавшаго никакого сопротивленія вступившему въ него непріятельскому отряду, должны были прятаться по погребамъ и сидѣть тамъ двое сутокъ безъ ѣды и питья, потому что на пустыхъ улицахъ палили во всѣхъ направленіяхъ изъ винтовокъ: и пули, попадавшія въ окна, ранили и убивали людей. Но и погреба не спасали: нѣсколько сотъ человѣкъ были извлечены изъ погребовъ, поставлены въ рядъ, и надъ ними продѣлывалась гнусная комедія: по командѣ офицеровъ солдаты наводили ружья, раздавалась команда „Feuer!“ („пли“), но залпа не слѣдовало, ружья опускались, а затѣмъ повторялось та же исторія. Это была, такимъ образомъ, милая шутка. Цѣлый рядъ лицъ однако,—число которыхъ не установлено;—разстрѣляно на самомъ дѣлѣ. Труны валялись на улицахъ, ибо терроризированные жители боялись подойти къ нимъ.

Нѣсколько дней съ небольшими перерывами въ нѣсколько часовъ продолжалось эта дикая расправа. Чѣмъ она была вызвана, калишане не могутъ объяснить и теряются въ догадкахъ. Наиболѣе правдоподобное объясненіе такое: одинъ нѣмецкій патруль далъ залпъ по нѣмецкимъ же солдатамъ, принявъ ихъ за приближающихся русскихъ. Не желая сознаться въ своей ошибкѣ, боясь отвѣтственности, солдаты доложили по начальству, что стрѣляли въ нихъ жители, и тогда отданъ былъ приказъ расправиться съ населеніемъ. На такое объясненіе наводитъ тотъ фактъ, что въ лазаретѣ оказались нѣмецкіе солдаты, но съ пулями нѣмецкаго образца. Калишане категорически утверждаютъ, что со стороны населенія никакихъ нападеній на нѣмецкій отрядъ не было. Они ждали мирной оккупаціи, и вся разыгравшаяся драма была для нихъ полнѣйшей неожиданностью.

Можно было еще предполагать,—говорилъ одинъ изъ калишанъ,—что непріятель, вынужденный оставить занятый городъ, передъ уходомъ разграбитъ его и разоритъ, но чтобы онъ сталъ громить сейчасъ же послѣ вступленія въ него,—это не приходило никому въ голову. А между тѣмъ это былъ форменный

погромъ. Калишъ, по словамъ покинувшихъ его жителей, имѣетъ видъ совершенно разореннаго города.

Всѣ эти калишскіе ужасы однако блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что́, по словамъ бѣглецовъ, происходило въ Ченстоховѣ! Но такъ какъ свѣдѣнія о ченстоховскихъ звѣрствахъ получены нами не отъ очевидцевъ, а въ передачѣ третьяго лица, то мы до провѣрки ихъ воздерживаемся отъ опубликованія.

(Рус. Вѣд. 7 августа).

Оргія въ обители.

Въ Петербургъ пріѣхала ченстоховская жительница Елена С., пережившая всѣ ужасы нѣмецкаго нашествія на Ченстоховъ.

Это—миловидная дѣвушка лѣтъ 19—20. Лицо ея носитъ слѣды пережитыхъ страданій.

Елену С. посѣтилъ сотрудникъ „П. К.“.

Вотъ, что она разсказываетъ:

— Какъ только нѣмцы перешли границу, до насъ, жителей Ченстохова, стали доноситься зловѣщіе слухи о неслыханныхъ злодѣяніяхъ.

Первые нѣмецкіе отряды вошли въ городъ около трехъ часовъ утра. Сначала солдаты вели себя довольно мирно, и жители начали было уже понемногу успокаиваться, но лишь только появились драгуны, какъ картина сразу перемѣнилась.

Около восьми часовъ вечера нѣсколько офицеровъ, въ сопровожденіи солдатъ, стали обходить дома и собирать женщинъ, якобы для какихъ-то работъ и уборки помѣщеній монастыря. Старались выбирать наиболѣе молодыхъ и красивыхъ.

Въ числѣ другихъ вызвана была и я.

Насъ разбили по партіямъ по десяти человѣкъ въ каждой. Первая партія женщинъ, въ которой была моя мать, отправилась немедленно, черезъ два часа—вторая, и около часу ночи отправилась послѣдняя партія, въ которой была и я.

Когда вошли въ монастырь, то первое, что насъ поразило, это—донесшіеся до насъ звуки военнаго оркестра. Однако, о всей правдѣ мы еще не подозрѣвали. Насъ привели въ довольно обширную келью и велѣли здѣсь обождать. Къ намъ приставили двухъ солдатъ, которые грозно окликали насъ, когда мы начинали между собой разговаривать по-польски. Черезъ полчаса солдаты вкатили боченокъ вина и принесли стаканы. Вошелъ офицеръ и на ломаномъ польскомъ языкѣ сказалъ:

— Вамъ предстоитъ трудная работа, а потому вамъ необходимо подкрѣпить свои силы.

Сказавъ это, онъ разсмѣялся и грубо ущипнулъ одну изъ дѣвушекъ.

Стали разливать вино въ стаканы. Пить заставляли насильно. Когда я наотрѣзъ отказалась выпить предложенный мнѣ стаканъ, то по знаку офицера на меня набросились два солдата, схватили меня за руку и запрокинули голову назадъ, а третій насильно влилъ мнѣ въ ротъ вино.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ вину что-то подмѣшали, такъ какъ всѣ женщины, выпившія вино, стали жаловаться на сильное головокруженіе

Послѣ этого насъ, то по одиночкѣ, то попарно стали выводить изъ келій.

Когда очередь дошла до меня, то я хотѣла было оказать сопротивленіе, но солдаты схватили меня подъ руки и поволокли по корридору. Я потеряла сознаніе.

Когда на другой день, утромъ, я добрела домой, я застала свою мать на постели въ глубокомъ обморокѣ. Я нѣсколько разъ приводила ее въ чувство, и она каждый разъ снова впадала въ глубокій обморокъ... Надъ ней надругались такъ же, какъ надо мной...

(Голосъ Москвы 8 августа).

За чертой человѣчности.

Въ „Бирж. Вѣд." напечатано слѣдующее характерное „письмо въ редакцію":

„Не откажите помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее:

Въ маѣ этого года я поступилъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, ученикомъ бердянскаго мореходнаго училища, Александромъ Васильевичемъ Андреевымъ на грузовой нѣмецкій пароходъ „Оскаръ". Мы возили пшеницу изъ Новороссійска въ Гамбургъ. Команда вся была нѣмецкая, кромѣ одного угольщика негра.

До объявленія войны отношеніе экипажа было замѣчательно дружелюбное. 19 іюля (1 августа по н. ст.) мы во время перехода въ Сѣверномъ морѣ узнали случайно отъ встрѣтившагося парусника о мобилизаціи флота и о начинающейся войнѣ.

Первый штурманъ „Оскара" пришелъ въ дикую ярость и разразился потокомъ брани по адресу Россіи и русскихъ. Мой товарищъ въ это время крѣпилъ шлюпку на спардекѣ; я былъ на бакѣ. Я сразу догадался, въ чемъ дѣло, когда увидалъ штурмана подлѣ моего товарища. Съ ужасомъ я увидалъ, какъ штурманъ ударилъ въ затылокъ кулакомъ ничего не подозрѣвавшаго товарища. Я вытащилъ ножъ и бросился на спардекъ, на помощь товарищу, но нѣсколько матросовъ преградили дорогу, и на меня посыпались удары. Послѣ одного удара въ голову, у меня потемнѣло въ глазахъ, и я не могъ защищаться.

Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ: выкупаться. Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21 іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія надъ нами. Кромѣ плевковъ и пощечинъ, *нѣмцы заставили негра противуестественно насъ насиловать.* Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военно-плѣнными застрявшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ

на произволъ судьбы нѣмцамъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ.

Въ добавленіе я могу только пожалѣть, что у насъ не принимаютъ во флотъ волонтеровъ. Такимъ образомъ, я почти лишенъ возможности отомстить нѣмцамъ, въ частности командѣ „Оскара".

Штурманъ каботажнаго плаванія

Ив. Андр. Носовъ.

(Утро Россіи 8 августа).

Разсказъ священника.

Какъ извѣстно, Вержболово было занято нѣкоторое время германскими войсками. Прибывшій оттуда священникъ, настоятель мѣстной церкви о. Александръ, сдѣлалъ въ миссіонерскомъ собраніи сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

— Народъ въ ужасѣ бѣжалъ при появленіи нѣмцевъ. О спасеніи имущества нечего было и думать. Нѣмцами все разгромлено и разграблено. Мародерство шло въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Понятія о неприкосновенности частной собственности у германскихъ солдатъ совершенно не имѣется.

Разгромъ нѣмцами православной церкви.

Въ Москву прибылъ одинъ изъ членовъ клира православной церкви въ Берлинѣ, сообщившій намъ душу леденящія подробности объ издѣвательствахъ нѣмцевъ надъ православнымъ духовенствомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Берлина посла Свербѣева нѣмецкая чернь ворвалась въ зданіе посольства и разгромила его. Такой-же участи подверглась и православная церковь: иконы были выброшены, иконостасъ разломанъ, внутренность церкви разграблена и осквернена... По слухамъ, и другія православныя церкви, находящіяся въ Германіи, разграблены.

Враждебное настроеніе противъ русскихъ усилилось послѣ рѣчи Вильгельма, въ которой онъ заявилъ, что Россія первая объявила войну.

Положеніе русскихъ стало невыносимымъ: въ нихъ плевали, обливали помоями, избивали и массами отводили подъ арестъ.

Особенно доставалось православному духовенству, находящемуся въ Берлинѣ.

Когда 21 іюля члены посольства и духовенство уѣзжали изъ Берлина, всѣ они подверглись неслыханнымъ оскорбленіямъ со стороны нѣмцевъ. Ихъ везли на автомобиляхъ очень медленно; сопровождавшая ихъ толпа бросала камни, куски дерева и комки песку, плевала...

Протодіаконъ посольской церкви былъ тяжело раненъ въ голову, и лѣвая рука у него была перешиблена ударомъ толстой палки одного изъ нѣмецкихъ буршей. Сидѣвшая рядомъ съ нимъ

въ автомобилѣ жена псаломщика посольской церкви въ Штутгардтѣ Иванова была избита палками до потери сознанія.

Когда члены причта пріѣхали на вокзалъ, то увидали тяжелую картину: громадная толпа нѣмцевъ оскорбляла и била группу несчастныхъ русскихъ, среди которыхъ было нѣсколько больныхъ. Особенно досталось священнику о. Городцову, совершавшему лѣтомъ богослуженія въ маріенбадской церкви и по дѣламъ пріѣхавшаго въ Берлинъ. Его въ теченіе двухъ часовъ били, истязали и всячески оскорбляли; когда его жена стала просить о пощадѣ, то подверглась тяжкому оскорбленію со стороны мѣстныхъ жандармовъ. Послѣ долгихъ усилій о. Городцову удалось вырваться изъ рукъ мучителей и въ одной изорванной рясѣ уѣхать изъ Берлина вмѣстѣ съ членами посольства. Все имущество его осталось на вокзалѣ и было расхищено.

На вокзалѣ были также избиты и подверглись тяжкимъ оскорбленіямъ профессора петербургской духовной академіи Пальмовъ и кіевской академіи о. Боголюбовъ. Сопровождавшій ихъ псаломщикъ церкви въ Ментонѣ Петерсонъ сталъ на нѣмецкомъ языкѣ уговаривать нѣмцевъ не оскорблять невинныхъ людей. Тогда толпа набросилась на Петерсона, избила его до полусмерти и выбросила въ окно.

Ѣхали изъ Берлина до Даніи 18 часовъ, и въ это время пришлось вынести страшныя мученія: имъ не давали ни пить, ни ѣсть; на каждой почти станціи врывались солдаты, которые прикладами очищали себѣ путь, а нѣкоторымъ наносили тяжкіе побои и уводили изъ вагоновъ подъ арестъ. Кондуктора наносили оскорбленія на каждомъ шагу: плевали въ лицо, били, рвали на женщинахъ платье и бѣлье, и въ случаѣ малѣйшаго протеста обращались на станціяхъ съ жалобами къ жандармамъ, которые производили безпощадное избіеніе.

Судьба остальныхъ священнослужителей, по слухамъ, очень печальна. Всѣ они принуждены были удалиться изъ Германіи, а ихъ имущество было разграблено.

(Мос. Лист. 9 авг.).

Нѣмецкія звѣрства.

Очевидцы передаютъ все новые и новые факты о невѣроятныхъ звѣрствахъ, которымъ подвергаются русскіе въ Германіи.

Вчера на Финляндскомъ вокзалѣ, я встрѣчалъ своихъ знакомыхъ, прибывшихъ изъ Германіи черезъ Торнео.

Вмѣсто цвѣтущихъ и здоровыхъ людей, которыхъ я видѣлъ передъ отъѣздомъ за границу, предо мною стояли изнеможенныя и изстрадавшіяся до послѣдней степени тѣни.

Всѣ они производили впечатлѣніе тяжело и долго болѣвшихъ людей.

Разговаривая съ однимъ изъ пріѣхавшихъ, я обратилъ вниманіе на молодого, сравнительно, человѣка, котораго изъ вагона выводили двое носильщиковъ.

Полупомѣшанный его взглядъ, трясущаяся голова, нервное подергиваніе лица внушали глубокое состраданіе.

Рядомъ съ нимъ шла, еле держась на ногахъ и замѣтно качаясь, дама, лѣтъ 20 съ небольшимъ.

— Кто это?—спросилъ я у своего знакомаго.

— Это—извѣстный въ Ловичѣ докторъ Б., а молодая дама—его жена,—отвѣтилъ мнѣ тотъ.

И вслѣдъ за этимъ я услышалъ кошмарную повѣсть.

Молодая чета возвращалась изъ Карлсбада съ группой русскихъ, человѣкъ въ 20. Что-то ужасное, неподдающееся описанію, пришлось претерпѣть во время странствованія по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ несчастнымъ путешественникамъ. Ихъ оскорбляли словами, били чѣмъ попало, разграбляли ихъ имущество.

Но ни съ чѣмъ не могутъ сравниться ужасы несчастныхъ, которые они испытали по прибытіи съ товарнымъ поѣздомъ въ городъ Острово.

— Отъ Острово германскія власти отказались везти насъ дальше,—разсказывалъ мой собесѣдникъ.—Когда мы выходили изъ вагоновъ, тысячная толпа нѣмцевъ встрѣтила насъ со свистомъ и гиканьемъ: Истерзанные, испачканные кровью и грязью, мы направлялись со станціи въ городъ. Слѣдовавшая за нами группа мальчишекъ бросала въ насъ камнями и костями, а каждый изъ взрослыхъ считалъ своимъ долгомъ сказать по нашему адресу бранное слово или дать пинокъ.

Насъ размѣстили въ городской ратушѣ въ комнатахъ для арестантовъ. Голодные, въ самомъ подавленномъ настроеніи, разлеглись мы на холодномъ каменномъ полу. Наступила ночь. Пережитыя за день волненія утомили насъ до крайности: мы стали засыпать. Я лежалъ рядомъ съ докторомъ Б. и другими мужчинами по одной сторонѣ комнаты, а наши дамы размѣстились на другой ея части.

Вдругъ около полуночи меня разбудилъ неистовый крикъ. Вскочивъ на ноги, я въ первое мгновенье не отдавалъ себѣ отчета, гдѣ я нахожусь. Разсмотрѣть ничего было нельзя. Стояла сплошная темень. Возлѣ меня метались и кричали товарищи по несчастью. Изъ массы голосовъ страшной нотой звучалъ крикъ доктора Б.

— Боже, Боже, они увели мою жену.

Кто-то догадался зажечь спичку. Дѣйствительно, жена доктора исчезла, а съ нею пропали еще 4 молодыя дамы. Въ углу стояла на колѣняхъ и рыдала пожилая г-жа Т—ская.

Черезъ нѣсколько мгновеній за дверью, закрытой на ключъ, раздались глухія рыданія. Мы всѣ, обезумѣвшіе отъ ужаса, столпились вокругъ бившагося въ истерикѣ доктора Б. Прошла еще минута, и мы толпою взломали запертую дверь. Но, увы, за дверью стояло 6 вооруженныхъ шупмановъ.

Они встрѣтили насъ саблями и загнали обратно въ камеру, гдѣ били насъ до потери сознанія.

Подъ утро, когда мы всѣ лежали почти безъ сознанія, дверь въ мѣсто нашего заключенія открылась, и туда нѣмецкіе солдаты втолкнули 5 истерзанныхъ женщинъ.

Свѣтало... На уголъ, гдѣ въ глухихъ рыданіяхъ бились на полу обезчещенныя женщины, никто изъ насъ не осмѣлился смотрѣть. Сердце въ груди ныло страшно и, казалось, хотѣло пре-

кратить биться. Сознаніе непоправимаго горя, налетѣвшаго на нашихъ несчастныхъ спутницъ, охватило всѣхъ.

Дальше и разсказывать нечего. Когда мы позже уѣхали изъ Острово, все дальнѣйшее путешествіе по пути къ Даніи, было сплошнымъ повтореніемъ предыдущаго. Насъ оскорбляли и били на каждомъ шагу. Не давали ни пить, ни ѣсть, а спутницъ нашихъ, зная о постигшемъ ихъ несчастіи, цинично оглядывали, дѣлая вслѣдъ самыя оскорбительныя замѣчанія.

— Докторъ Б.,—закончилъ мой собесѣдникъ,—какъ вы видите сами, почти помѣшался. Его жена, это—тѣнь. Она способна каждую минуту покончить съ собою самоубійствомъ. Четверо остальныхъ нашихъ спутницъ остались въ больницахъ Торнео, при чемъ одна изъ нихъ со страшной болѣзнью. А мы, мы передъ вами.

* * *

Черезъ Петербургъ проѣхала вдова убитаго германскими офицерами въ Калишѣ богатаго мѣстнаго промышленника, г-жа Френкель.

Убитая горемъ женщина разсказываетъ сотруднику „Веч. Вр.“, что ея мужъ былъ схваченъ германскимъ разъѣздомъ, офицеры котораго потребовали отъ него денегъ.

Когда онъ отказалъ, заявивъ, что всѣ деньги его вывезены, его взяли вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками военно-плѣнныхъ изъ состава мирнаго населенія.

Когда эту группу плѣнныхъ вели солдаты подъ командой двухъ офицеровъ, у одного изъ солдатъ отъ неосторожнаго обращенія выстрѣлила винтовка. Тогда офицеры приказали всѣмъ плѣннымъ лечь, и, выкативъ на главную улицу полевое орудіе, начали стрѣлять.

Этой безцѣльной бомбардировкой, кромѣ многихъ мирныхъ жителей, убито 8 прусскихъ солдатъ и 43 человѣка изъ германскаго отряда ранены. Разрушено и подожжено нѣсколько домовъ.

Отъ летѣвшихъ надъ головами легшихъ на землю плѣнниковъ снарядовъ Френкель впалъ въ глубокій обморокъ.

Когда всѣ плѣнники поднялись, остался лежать лишь Френкель.

Одинъ изъ офицеровъ выхватилъ у солдата ружье и ткнулъ лежащаго штыкомъ въ бокъ. Ударъ дошелъ до сердца.

Когда г-жа Френкель нашла среди убитыхъ труповъ своего мужа, она замѣтила, что мизинецъ лѣвой руки, на которомъ убитый носилъ кольцо съ крупнымъ брилліантомъ, былъ отрубленъ.

* * *

Намъ удалось побесѣдовать съ полковникомъ В. И. Андреевымъ о его тринадцатидневномъ мучительномъ переѣздѣ изъ Берлина въ Петербургъ.

...„Насъ въ Торнѣ собралось до 4000 русскихъ; на открытой площади, подъ дождемъ, окруженные часовыми съ примкнутыми штыками, провели мы полночи... въ получасѣ пути отъ Александрова. Наконецъ, насъ, подгоняя тесаками, загнали въ поѣздъ

душъ по десять въ купэ; поставили часового въ купэ, двери заперли и еще одного часового поставили за дверью. Повезли насъ, не предупредивши, вмѣсто Александрова въ Штетинъ, гдѣ высадили прямо на площадь въ порту. Въ пути мы *провели двое сутокъ безъ пищи и воды.*

Въ Штетинѣ послѣ долгихъ просьбъ намъ дали по ведру на вагонъ! Еще одну ночь мы провели подъ открытымъ небомъ. Здѣсь надъ нами издѣвались, размахивали предъ нами обнаженными тесаками. Одного изъ насъ, толкнувшаго жандарма, избили до полусмерти.

Когда всѣ бросились утромъ на пароходъ, предназначенный для перевоза насъ на островъ Рюгенъ, одна женщина съ ребенкомъ нечаянно толкнула солдата; онъ вырвалъ у нея ребенка изъ рукъ и бросилъ подъ ноги бѣгущей толпы!

Насъ привезли на крайній сѣверъ острова Рюгена—въ гор. Сасницъ и, проморивши голодомъ еще нѣсколько часовъ, послѣ тщательнаго обыска, сопровождаемаго грубыми издѣвательствами, отпустили на пароходъ, перевезшій насъ въ Швецію. Здѣсь только мы облегченно вздохнули".

(„Ран. Утро", 7 августа).

Саксонцы, Пруссаки и Шведы.

Возвратившійся только что изъ Германіи племянникъ бывшаго голландскаго посланника въ Вѣнѣ ванъ-деръ-Ховенъ разсказываетъ слѣдующее о пережитомъ имъ на пути черезъ Германію и Швецію въ Россію.

„Громадная разница чувствуется въ обращеніи съ Русскими между Саксонцами и Пруссаками. Въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ къ уѣзжавшимъ Русскимъ въ гостинницахъ и ресторанахъ относились любезно, хотя сдержанно. Въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ не стѣсняли русскихъ и не устраивали на нихъ облавъ. Въ Дрезденѣ приходилось слышать даже недовольство Саксонцевъ прусскими распоряженіями. Всюду въ саксонскихъ городахъ на улицахъ расклеены воззванія, подписанныя просто: „Der kommandierende General" (командующій генералъ). Въ военное время королевская власть сведена почти на-нѣтъ, и Саксонцы жалуются: „У насъ теперь нѣтъ короля, всѣмъ распоряжаются Пруссаки".

Переѣхавъ границу Саксоніи, на станціи Биттерфельдъ, Русскіе сразу почувствовали прусскій кулакъ. Всѣ Русскіе были поставлены подъ надзоръ. Мнѣ удалось спастись въ уборную, гдѣ я простоялъ до самого Берлина. Въ Берлинѣ я незамѣтно сошелъ съ поѣзда и, чтобы не попасться въ руки прусской полиціи, заѣхалъ къ знакомому берлинскому пріятелю барону Фельдгейму, который не разъ пользовался моимъ гостепріимствомъ въ Россіи. Хозяинъ еще спалъ, и мнѣ подали кофе. Но когда онъ проснулся, то страшно разсердился. Онъ былъ уже въ мундирѣ поручика запаса и долженъ былъ отправиться на русскую границу.

— Въ какое положеніе вы меня ставите?—возмущался онъ.— Вѣдь меня могутъ принять за русскаго шпіона. Вонъ изъ моей квартиры, чтобы духу русскаго здѣсь не было.

И, забывъ, что онъ еще годъ назадъ цѣлыми недѣлями проживалъ у меня въ гостяхъ, этотъ Пруссакъ приказалъ своему камердинеру вышвырнуть всѣ мои вещи на улицу. Покуда камердинеръ исполнялъ его приказаніе, онъ все время ругался и разсказывалъ, что говорятъ въ кругахъ, близкихъ къ императору Вильгельму. Князь Фюрстенбергъ, съ которымъ онъ вчера ужиналъ, говорилъ ему, что императоръ Вильгельмъ рѣшилъ сокрушить Россію навсегда.—„Не 5 милліардовъ, а 50 милліардовъ контрибуціи заплатятъ Россія и Франція послѣ этой войны!“—кричалъ императоръ, отправляя войска на границу.—„Изъ Польши мы, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлаемъ буферное государство, но не позволимъ Россіи главенствовать въ славянствѣ“.—Конецъ восточнымъ варварамъ!—кричалъ мнѣ въ догонку баронъ Фельдгеймъ, захлопнувъ со всего размаху двери за мной.

Что пришлось вынести въ пути до Швеціи, описывать не нужно—другіе русскіе путешественники разсказали. Въ Швеціи же мы испытали удивительное, прямо трогательное отношеніе населенія къ намъ... Въ вагонахъ намъ уступали скамейки, чтобы мы послѣ прусскихъ передрягъ могли свободно отдохнуть, подкладывали свои вещи подъ голову для людей, потерявшихъ багажъ. Въ вагонѣ, въ которомъ я ѣхалъ, сидѣла шведка съ пятью малютками, и все время успокаивала ихъ, чтобы не разбудить уснувшаго русскаго.

Просвѣщенные Шведы въ вагонахъ говорили о русско-шведскихъ отношеніяхъ.

— Вильгельмъ хочетъ, чтобы мы съ вами дрались,—говорилъ одинъ шведскій публицистъ,—онъ соблазняетъ насъ Финляндіей. Но мы знаемъ, что Финляндцы такъ же ненавидятъ насъ, какъ и васъ, и драться изъ-за нихъ мы съ вами вовсе не намѣрены...

Въ Германіи приходилось наблюдать полный застой торговли и промышленности. Такія изданія, какъ „Лейпцигская Иллюстрированная Газета“, имѣвшая громадное распространеніе, прекратилась. Она была принуждена распустить своихъ служащихъ. Другія газеты выходятъ только сокращенными листами и безъ всякихъ объявленій.

Въ послѣдніе дни моего пребыванія германскія газеты очень хвалили Японію и все ожидали, что Японія объявитъ войну Россіи и что съ нею вмѣстѣ двинется и Китай противъ Россіи.

Но судьба судила иначе. Японцы, съ которыми кронпринцъ Вильгельмъ разъѣзжалъ въ день объявленія войны по улицамъ Берлина, призывая толпу кричать: „Hoch die Japs!“, были, вѣроятно, не настоящіе Японцы, а какіе-нибудь переодѣтые Китайцы изъ Шандуна, обучающіеся въ Берлинѣ. Расчетъ на Дальній Востокъ оказался такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какъ и расчетъ на „англійскихъ кузеновъ“.

(Нов. Вр. 9 августа).

Впечатлѣнія берлинскаго корреспондента.

— Неужели это возможно?

Какъ могли нѣмцы, культурные нѣмцы, дойти до такого варварства? Что стало съ нѣмцами?

Такъ спрашиваютъ себя многіе, читая и слыша о звѣрствахъ нѣмцевъ.

Въ дѣйствительности же, въ этихъ звѣрствахъ и жестокостяхъ нѣмцевъ по отношенію къ намъ, русскимъ, нѣтъ ничего неожиданнаго.

Нужно было жить годами въ Германіи, нужно было соприкасаться со всѣми слоями нѣмецкаго общества, чтобы знать, что ненависть нѣмцевъ къ Россіи и къ русскимъ культивировалась у нихъ десятками лѣтъ, вкоренилась въ плоть и кровь нѣмецкой психики.

Нѣмецкіе ученые, художники, писатели, журналисты, военные, купцы—всѣ всегда и по всякому поводу выражали по отношенію къ Россіи безграничное презрѣніе.

Признаніе нѣмцами нашей литературы, нашей музыки, нашего балета не опровергаетъ этого положенія.

Нѣмецкая критика въ своихъ отзывахъ о русскомъ искусствѣ всегда довольно прозрачно выражала свое изумленіе по поводу того, что „такая варварская страна, какъ Россія, способна породить столь цѣнное въ художественномъ отношеніи искусство“.

Съ другой стороны, эта же критика откровенно поясняла, что именно отсталая во всѣхъ отношеніяхъ, лишенная самыхъ элементарныхъ началъ культуры, Россія въ состояніи достигать огромныхъ успѣховъ въ области искусства.

Болѣе или менѣе одобрительные отзывы о Россіи, какъ таковой, о русскомъ бытѣ, о русской повседневной жизни не допускались нѣмецкой печатью.

Доказательствомъ этого можетъ служить недавній конфликтъ побывавшаго въ Россіи профессора Вернера Зомбарта съ редакціей либеральной газеты „Berliner Tageblatt“, не пожелавшей печатать статей Зомбарта о Россіи, въ которыхъ онъ отмѣчалъ положительныя качества русской жизни.

Россія для Германіи всегда была и осталась до нынѣшнихъ дней варварской, дикой страной, и на русскихъ въ Германіи иначе, какъ на дикарей, никогда не смотрѣли.

Издѣвательства, гоненія—таково бывало всегда отношеніе нѣмцевъ къ тѣмъ русскимъ, которые дерзали обосновываться въ Германіи на болѣе продолжительное время. Нѣмецкая полиція, подъ угрозой самыхъ строгихъ каръ запрещала германскимъ торговымъ фирмамъ брать къ себѣ на службу русскихъ.

Не проходило буквально дня, чтобы изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ Германіи не высылали десятковъ русскихъ *).

---

*) А что продѣлывали въ Германіи и особенно въ Пруссіи съ нашею учащеюся молодежью, за которую уже буквально некому было заступиться при полномъ безсиліи въ данномъ случаѣ русскаго общества и крайней сла-

Особенную жестокость по отношенію къ русскимъ издавна проявляли прусаки.

Въ Кенигсбергѣ, напримѣръ, русскимъ не сдавали квартиръ, чинили имъ на каждомъ шагу самыя дикія препятствія. Прусскіе помѣщики, пользовавшіеся ежегодно лѣтомъ услугами сотенъ русскихъ рабочихъ, пріѣзжавшихъ на заработки, буквально истязали этихъ рабочихъ, морили ихъ голодомъ, заставляли ночевать вмѣстѣ со свиньями и очень часто били кнутами.

Во многихъ городахъ Германіи, въ особенности же въ Берлинѣ, живутъ десятки тысячъ богатыхъ русскихъ, переселившихся въ Германію ради пресловутыхъ германскихъ удобствъ.

Казалось бы, что къ нимъ германская полиція должна была относиться хорошо, такъ какъ ничего, кромѣ пользы, Германія отъ нихъ не имѣетъ. Въ дѣйствительности же, нѣмецкая полиція буквально отравляла существованіе этимъ русскимъ: во-первыхъ, она заставляла ихъ платить бѣшеные налоги; во-вторыхъ, она обставляла ихъ пребываніе въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи такой массой полицейскихъ формальностей, что русскіе задыхались отъ ига ихъ.

Въ довершеніе же всего, дѣти этихъ русскихъ на каждомъ шагу подвергались жестокимъ оскорбленіямъ со стороны ихъ нѣмецкихъ сверстниковъ, обзывавшихъ ихъ „русскими свиньями“. Очень часто это поощрялось нѣмецкими учителями въ школахъ.

Въ Россіи распространено мнѣніе о томъ, что на нѣмецкихъ курортахъ до сихъ поръ отношеніе къ русскимъ курсовымъ было самымъ безупречнымъ.

Но и это невѣрно,—подъ маской внѣшняго гостепріимства и корректности нѣмцевъ и тутъ скрывалось презрѣніе.

Съ русскихъ въ отеляхъ драли втридорога, въ магазинахъ спеціально для русскихъ заготовлялись партіи залежалыхъ товаровъ, большей частью гнилья, и продавали нѣмцы этотъ товаръ русскимъ по невѣроятной цѣнѣ.

Въ лексиконѣ нѣмецкихъ купцовъ существуетъ даже слово, характеризующее ихъ отношеніе къ русскимъ. Это слово—Russenpreise, т.-е. цѣны для русскихъ. Русскихъ нужно обманывать,—таково было всегда правило нѣмецкихъ купцовъ.

А о тѣхъ варварскихъ жестокостяхъ, какія проявлялись нѣмецкими врачами и профессорами къ русскимъ больнымъ, можно написать цѣлую книгу.

Оскаръ Норвежскій.

(„Раннее Утро“ 9 августа).

Для контраста.

Послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, отъ чтенія которыхъ даже у малочувствительныхъ читателей должна тяжко заболѣть душа, познакомимся для контраста съ нашимъ добродушнымъ и даже

бости вліянія нашего общественнаго мнѣнія и прессы не наши руководящіе круги, которые по многимъ причинамъ не считали возможнымъ и нужнымъ вмѣшиваться въ расправу нѣмецкой полиціи съ русскими юношами и дѣвушками. *В. Б.*

черезчуръ добродушнымъ, слишкомъ ужъ унизительнымъ для нашей національной гордости, отношеніемъ къ живущимъ у насъ, питающимся вокругъ насъ и по милому нѣмецкому обыкновенію плюющимъ намъ же въ лицо германскимъ и австрійскимъ подданнымъ. Вотъ какую корреспонденцію помѣстило „Утро Россіи“ въ нумерѣ отъ 5 августа 1914 г.

* * *

На привилегированномъ положеніи.

Въ то время, какъ ѣдущіе изъ Германіи русскіе разсказываютъ о пережитыхъ ими при возвращеніи на родину оскорбленіяхъ и издѣвательствахъ, — военно-плѣнные нѣмцы и австрійцы путешествуютъ по Россіи съ исключительнымъ комфортомъ.

Отправляясь на-дняхъ изъ Ярославля, я не могъ достать себѣ каюты ни I, ни II класса на пароходѣ „Князь Ѳедоръ Ярославскій“ и получилъ, какъ и другіе пассажиры, билетъ съ помѣткой: „стулъ въ столовой“. Придя въ залъ II класса, я былъ пораженъ: всѣ столики были заняты нѣмцами. За однимъ столомъ при громкомъ смѣхѣ читали на нѣмецкомъ языкѣ что-то веселое, а за остальными велась оживленная бесѣда на нѣмецкомъ же языкѣ. Столы были заставлены массой пивныхъ бутылокъ и разныхъ кушаній.

Я поспѣшилъ выйти на палубу, гдѣ подъ дождемъ сидѣли русскіе за неимѣніемъ мѣстъ внутри. Возмущенный этимъ зрѣлищемъ, я спросилъ соотечественниковъ:

— Что же вы сидите подъ дождемъ, когда тамъ, въ теплѣ и уютѣ пируютъ военноплѣнные?

Мнѣ отвѣтили, что уже нѣсколько часовъ столовая занята нѣмцами и имъ негдѣ поужинать.

Оказалось, что сидѣвшіе въ столовой 25—30 человѣкъ военноплѣнныхъ имѣли каюты I и II классовъ, часть же имѣла билеты въ столовой.

Узнавъ все это, я направился въ столовую и сильно взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ компаніи сидѣвшей за однимъ изъ столиковъ, сказалъ:

— Я и мои соотечественники просимъ васъ уступить намъ столъ и пересѣсть за другіе.

Далѣе произошелъ споръ, закончившійся чуть ли не скандаломъ.

Вскорѣ явился капитанъ парохода, который безапелляціонно заявилъ:

— Да, они будутъ сидѣть, ѣсть и пить, а васъ за скандалъ я сейчасъ высажу вонъ.

Но тутъ вступилась публика, ставшая на мою сторону. Кромѣ того, меня поддержалъ сѣвшій на пароходъ членъ Гос. Думы Н.

Быстро стали исчезать изъ столовой нѣмцы. Скрылся куда-то и капитанъ.

Когда мы, усѣвшись за столиками, спросили себѣ поужинать, то намъ заявили:

— Уже поздно: 11 часовъ.

Сидѣвшій со мной призванный изъ запаса офицеръ жаловался:

— Цѣлый день работалъ. Думалъ закусить на пароходѣ. Ѣду проститься съ родными.

Потомъ офицеръ свернулся калачикомъ и заснулъ на стульяхъ.

Неужели и послѣ войны, когда несомнѣнная побѣда высоко подниметъ нашу родину во всемъ мірѣ, мы у себя дома по прежнему будемъ передъ иностранцами „свертываться калачикомъ“ и скромненько „засыпать на стульяхъ“, пока они будутъ высокомѣрно занимать лучшія мѣста и обильно пировать на нашихъ хлѣбахъ?!

Въ заключеніе мы считаемъ не безполезнымъ ознакомить читателей съ нѣкоторыми матеріалами, могущими установить отношеніе къ нѣмецкимъ злодѣйствамъ.

Нѣмцы въ Россіи.

Послѣдній статическій ежегодникъ Россіи опредѣляетъ количество Германцевъ въ отношеніи къ общему числу жителей Имперіи въ 1,6%. По отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ число ихъ весьма различно: наибольшее число представителей германскаго племени падаетъ на губерніи прибалтійскія, привислинскія, нѣкоторыя изъ поволожскихъ—по преимуществу, Саратовскую и Самарскую и нѣкоторыя губерніи Юго-Запада Россіи. Въ Бессарабской губерніи Германцы составляютъ 3,1% населенія, въ Волынской—5,7%, въ губерніяхъ Прибалтійскаго края—въ центрѣ германизма въ Россіи—около 7,7%, въ губерніяхъ Самарской и Саратовской отъ 7 до 8% и въ губерніяхъ Царства Польскаго—отъ 4 до 10,6 процентовъ. Изъ всѣхъ губерній наибольшее количество Германцевъ падаетъ на губернію Петроковскую, съ ея крупнымъ промышленнымъ пунктомъ—Лодзью. Какъ на юго-западѣ Россіи въ губерніяхъ Бессарабской, Волынской и частью Таврической, такъ и въ губерніяхъ Поволжскихъ, нѣмецкое населеніе занято, по преимуществу, земледѣльческимъ трудомъ.

Утративъ историческія и политическія связи съ фатерландомъ, Нѣмцы-колонисты Поволжья и части Юго-Западнаго края мыслятъ и думаютъ по-русски и въ унисонъ съ русскимъ духомъ. Члены Государственной Думы и земскіе дѣятели, на дняхъ бывшіе въ Петербургѣ, передавали, что Нѣмцы-колонисты Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи, въ проявленіи своихъ чувствъ въ отношеніи Россіи и грядущихъ событій не отстаютъ отъ коренного населенія. Нѣмецкія газеты, издающіяся въ Одессѣ, призываютъ Нѣмцевъ, населяющихъ Новороссію, къ полному единенію съ русскимъ населеніемъ въ защитѣ ихъ родины—Россіи. Развитіе производительныхъ силъ страны въ области промышленности привлекло крупные нѣмецкіе капиталы именно въ металургической промышленности играли главенствующую роль: изъ девяти металлургическихъ предпріятій восемь цѣликомъ находилось въ рукахъ Нѣмцевъ. Даже въ области машиностроительной промышленности многія предпріятія, причисляемыя къ русскимъ, бельгійскимъ и французскимъ, какъ оказалось, находились подъ верховнымъ управленіемъ Нѣмцевъ. Всѣ директивы и указанія

сосредоточивались въ „Дейтше банкъ“. Внутри Россіи, за немногими исключеніями, всѣ предпріятія по электрическому освѣщенію и электрической энергіи, электротехнической промышленности были, по преимуществу, нѣмецкаго происхожденія. Много нѣмецкихъ предпріятій, въ особенности въ Царствѣ Польскомъ, было и въ области мануфактурной промышленности. Если Нѣмцы-земледѣльцы для Германіи и ея цѣлей и стремленій несомнѣнно потерянный элементъ, то Нѣмцы, занятые въ области нѣмецкой торговли и промышленности въ Россіи, въ большинствѣ случаевъ являлись дѣятелями проводниками пангерманизма въ Россіи.

Касаясь этой части нѣмецкаго населенія въ Россіи, извѣстный нѣмецкій экономистъ Шульце-Геверницъ писалъ: „Эти эмигранты не вполнѣ утеряны для Германіи... И въ Россіи они удерживаютъ нѣмецкіе трудовые и жизненные навыки“...

Но теперь имъ наступилъ конецъ.

(Нов. Вр. 29 іюля 1914 г.)

Раскаяніе.

(Письмо въ редакцію).

М. г., г. редакторъ!

Не откажите помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующее:

„Неслыханное преступленіе совершаетъ германское правительство отъ имени своего народа противъ человѣчества. Преступленіе настолько чудовищно, что нашъ разумъ отказывается охватить всѣ послѣдствія онаго. Какъ нѣмецъ по рожденію, воспитанный нѣмецкой культурой, въ нѣмецкихъ же принципахъ, я всенародно заявляю, что считаю себя виновнымъ въ этомъ преступленіи. Душа моя скорбитъ смертельно, что эти принципы, эта культура въ конечномъ итогѣ своего развитія сдѣлали меня соучастникомъ такого преступленія, сдѣлали меня убійцей! Я каюсь въ этомъ искренно, и денно и нощно мучусь въ страшныхъ терзаніяхъ своей души. Какъ убійца на крестѣ, молю я Бога, да утѣшитъ онъ мою истерзанную душу! Я каюсь и глубоко сознаю, что мое нѣмецкое имя отнынѣ мнѣ служитъ вѣчнымъ клеймомъ. Смиренно и колѣнопреклонно прошу у великодушнаго русскаго народа прощенія. У того народа прошу я снисхожденія, чьимъ гостепріимствомъ я пользовался со дня моего рожденія. Этотъ народъ, великій русскій народъ, отъ доброты своего сердца меня ласкалъ и кормилъ всѣ 50 лѣтъ моего жительства здѣсь, въ Россіи“.

Въ чемъ прошу принять искреннее увѣреніе. Съ почтеніемъ.

Генрихъ Карловичъ Бремеръ.

(„Утро Россіи“ 27 іюля 1914 г.).

Народоубійцы.

Что такое славянство? „Славянство—это не народы, это навозъ,—сказалъ однажды императоръ Вильгельмъ, повторяя слова какого-то нѣмецкаго ученаго,—навозъ, который долженъ служить удобреніемъ для нѣмецкихъ сѣмянъ. Славянство—это жижа, питательный бульонъ, желатинъ, который приготовленъ исторіей, чтобы въ немъ развился стойкій и сильный микробъ германизма".

Такъ говорилъ кайзеръ. Почему онъ говорилъ такъ? Потому что передъ гордымъ взоромъ его было прошлое его страны; потому что въ прошломъ оно дѣйствительно такъ и было: несчастные славяне среднихъ вѣковъ были дѣйствительно „удобреніемъ" для германизма.

Что такое Германія? Мы слишкомъ привыкли къ современному значенію этого слова и уже не можемъ видѣть его убійственнаго истиннаго смысла. Не чувствуемъ той міровой, исторической трагедіи, о которой повѣствуютъ эти звуки, не слышимъ, что они разсказываютъ намъ о томъ, какъ изъ огромной, свободной, славянской „страны братьевъ", *Германіи* Тацита подъ натискомъ маленькихъ тевтонскихъ племенъ выросла чуждая Германія Гогенцоллерновъ!

Германія—это насильственная прививка нѣмецкой „лозы" къ славянскому „дичку", это результатъ *вѣкового порабощенія и ассимиляціи* славянъ, населяющихъ сѣверо-западную Европу, воинственными ордами германцевъ.

Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, изданныхъ въ книгѣ подъ названіемъ „Дочери Славы", чешскій поэтъ Коларъ спрашиваетъ:

Отчего въ поляхъ между Лабой и Вислой,
Между Дунаемъ и моремъ Балтійскимъ
Онѣмѣла славянская рѣчь?

„Кто,—спрашиваетъ пѣвецъ,—совершилъ это уничтоженіе, подымаясь въ гору? Кто похоронилъ цѣлый міръ народовъ въ одномъ народѣ?" „Это тотъ ненавистникъ,—отвѣчаетъ онъ самому себѣ,—кто присвоилъ себѣ нивы, вспаханныя руками славянъ!" „Гдѣ славные народы славянскіе, пившіе воды Поморья и воды Савы? Гдѣ Бодричи? Гдѣ внуки Вулковъ, внуки Лютичей? Вотъ гляжу я направо, брошу взоръ свой налѣво—не вижу я славянъ въ славянской землѣ... Сына славы, пришедшаго къ братьямъ въ томъ краѣ, не узнаетъ братъ, живущій тамъ, и не протянетъ ему братски руку. Онѣмѣла въ его устахъ славянская рѣчь. Не славянская рѣчь. Не славяне они ужъ больше и не нѣмцы: половина этого, половина того, подобные нетопырямъ"...

Мы ужасаемся, когда читаемъ объ истребленіи американцами ирокезовъ и другихъ индѣйцевъ. Между тѣмъ, съ нами, славянами, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ происходило то же самое: на пространствѣ всей сѣверо-западной Европы вырѣзывались, искоренялись, иногда съ неслыханными звѣрствами, цѣлые славянскіе народы, не ничтожные и малокультурные, а обладавшіе высокой культурой, народы, въ сравненіи съ которыми нѣмцы

были варварами; и эти-то народы по уничтоженіи ихъ передали Германіи свои навыки, свое земледѣліе и ремесла и положили основаніе прославленной нѣмецкой культурѣ.

Германцы въ этомъ процессѣ играли роль „народоубійцъ“, какъ называетъ ихъ Н. П. Аксаковъ, авторъ интереснѣйшаго труда „Всеславянство“, изданнаго покойнымъ С. Ѳ. Шараповымъ.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе ужасное, чѣмъ эти нашествія нѣмцевъ, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, обрушивавшіяся на мирные и трудолюбивые народы, жившіе по Вислѣ, Нѣману, Одеру и Эльбѣ, и сметавшіе все живое, что не хотѣло покориться нѣмецкой волѣ. Мицкевичъ въ „Конрадѣ Валленродѣ“ говоритъ, что самая чума — ничто въ сравненіи съ этими набѣгами. Она губила села, города, но тамъ, гдѣ проходили нѣмцы, „цѣлыя страны превращались въ могилы“.

Наше ухо привыкло слышать: „прусскіе, пруссаки“, и для насъ это—нѣмцы. Не пробуждается въ насъ мысль о древней Поруссіи, лежавшей у границы „Руси“, сосѣдившей съ Регегами и Варгами, къ которымъ новгородцы посылали когда-то за князьями. Многочисленное и сильное племя Летовъ, населявшее эту страну и обладавшее цвѣтущими городами, давно исчезло, истребленное нѣмцами. И послѣдніе звуки летской рѣчи, древнѣйшей отрасли индо-европейскихъ нарѣчій, замолкли двѣсти лѣтъ назадъ, когда умерли послѣдніе сторожилы, хранившіе родной языкъ. Остался только переводъ катехизиса Лютера, сдѣланный въ XVI в. для Альбрехта Бранденбургскаго, гроссмейстера нѣмецкаго ордена.

Другая отрасль литовскаго племени еще живетъ въ Пруссіи у границъ Польши; языкъ ея еще не умеръ, но сами нѣмцы говорятъ, что онъ очень близокъ къ угасанію.

Все побережье Балтики до сѣвера, до Финскаго залива, склонилось передъ нѣмцами, и только побѣдное шествіе Россіи, уничтожившей Ливонскій орденъ, остановило этотъ нѣмецкій „Drang“.

Филологи разсматриваютъ теперь памятники нарѣчія Залабскихъ—древлянъ и глинянъ. Памятники! А гдѣ же они сами? Отчего самыхъ именъ ихъ не слышимъ мы болѣе и нельзя ихъ найти ни на одной этнографической картѣ? Кто уничтожилъ ихъ? Кто смелъ съ лица земли?

Куда исчезли Полабы, о которыхъ разсказываютъ намъ нѣмецкіе лѣтописцы? Гдѣ Ободриты, жившіе по Одеру? Гдѣ Гаволяне? Гдѣ, наконецъ, знаменитые въ древности Поморяне, Венеды, славившіеся своими судами, мореходствомъ, главный городъ которыхъ Волинъ сами нѣмцы сравнивали съ Константинополемъ, такъ онъ былъ великъ и богатъ уже въ далекіе древніе дни, прежде нежели Гамбургъ и Любекъ въ 1241 году заключили свой союзъ? Все исчезло, все погибло! Восемнадцать большихъ провинцій, которыя нѣмецкій лѣтописецъ Адамъ Бременскій называетъ „уголкомъ Балтійской Славіи“, погибли и сдѣлались „матеріаломъ для образованія нѣмецкой силы“.

И такъ было вездѣ, почти на всемъ пространствѣ нѣмецкой „имперіи“. Вездѣ эта сила создавалась на костяхъ истребленныхъ славянъ.

Ганноверъ! Боже мой,—это ли не нѣмецкая земля. Но лишь совсѣмъ недавно, въ первой четверти XIV вѣка, въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства въ *Люховскомъ* округѣ жили послѣдніе славяне и звучала славянская рѣчь. Теперь она замолкла, осталось только нѣсколько старинныхъ памятниковъ. Но самая земля еще и до сихъ поръ называется землей Венедовъ—Вендландомъ, т.-е. славянской землей.

Возьмите даже Бранденбургъ—самое ядро, самую цитадель прусскаго государства. Подумать только, что тамъ *вплоть до* XII *вѣка* существовало сильное славянское государство! Нѣмецкій старинный писатель Гебгардъ разсказываетъ: „Здѣсь нѣмцы обратили множество свободныхъ венедовъ въ крѣпостныхъ рабовъ и подчинили ихъ власти землевладѣльцевъ, а земли присвоили. Языкъ венедовъ былъ искорененъ чрезвычайно скоро: онъ угасалъ уже въ XV столѣтіи. Жители обращены были въ нѣмцевъ и сохранили только два признака національной своей особенности и племенного отличія отъ нѣмцевъ: „крѣпостное состояніе и суевѣріе“. И такъ было вездѣ и всегда. Ростъ Германіи въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ заключался въ томъ, что боевыя нѣмецкія дружины, двигаясь на сѣверъ и на востокъ изъ лѣсовъ ихъ древней родины, захватывали одну за другой славянскія области, при чемъ сначала они продавали захваченныхъ славянъ въ рабство на югѣ Европы (между прочимъ, такимъ путемъ въ лексиконъ европейскихъ языковъ вошли слова esclave и англійскее slave, какъ понятія о „рабѣ“), а впослѣдствіи обращали ихъ въ крѣпостное состояніе. Это была система, это было историческое занятіе германцевъ. Даже самый языкъ ихъ отразилъ это, создавъ глаголъ „народовать“—bevölkern, что значило не „населять“, какъ оно значитъ теперь, а значило онѣмечивать, вводить свой Volk, свой нѣмецкій Volk въ чужую землю. Даже самое понятіе „народъ“ выражалось у этихъ воиновъ-насильниковъ словомъ, происходящимъ отъ одного корня съ нашимъ „полкъ“ и означающимъ собраніе воиновъ, точно также какъ самое почетное званіе Германіи Graf происходило отъ глагола greifen,—брать, хватать, имѣющаго въ основѣ тотъ же корень, какъ и наше слово—„загребать“.

И этотъ народъ, предводимый своими „графами“, вѣчно бралъ, грабилъ, загребалъ славянскія народности и уничтожалъ ихъ. Я говорю не про добродушнаго „Михеля“, не про культурнаго нѣмецкаго крестьянина или бюргера, который самъ есть результатъ долговременной ассимиляціи и такъ сказать замѣшанъ на славянской крови, я говорю объ историческомъ нѣмцѣ, о нѣмцѣ—строителѣ „нѣмецкаго царства“. Исторія этого Volk'а поразительна. Начиная съ XII вѣка народъ этотъ, прикрывшись знаменемъ Христа, организуетъ постоянные „крестовые походы“ противъ славянства для обращенія язычниковъ ко Христу. Облеченные въ бѣлые плащи съ черными крестами, подъ которыми блестѣли черныя латы, рыцари „нѣмецкаго ордена“, когда-то созданнаго для ухода за больными и ранеными, возвращавшимися изъ Палестины, наводняли своими ополченіями Поморье, славянскій Браниборъ (превратившійся въ Бранденбургъ, „Сгорѣвшій городъ“, когда они, послѣ страшныхъ избіеній, зажгли столицу),

наводняли страну лютичей и лужичанъ, и вездѣ, вездѣ свирѣпствовали невыразимо. До сихъ поръ нельзя безъ ужаса читать разсказываемую Саксономъ, Грамматикомъ и Гельмольтомъ исторію уничтоженія замѣчательнаго славянскаго государства на островѣ Руянѣ, гдѣ въ Арконѣ былъ храмъ свѣтлаго бога Свѣтовита, замѣненнаго въ католицизмѣ святымъ Витомъ; дрожь охватываетъ, когда пробѣгаешь эти картины рѣзни и насилій.

Безпристрастные ученые, среди самихъ нѣмцевъ, какъ Кледенъ, Гандтманъ, Эдуардъ Дуллеръ, сами своими работами установили *славянскую основу* современныхъ нѣмцевъ, и разбираясь въ исторіи Германіи, доказываютъ, что тѣ славянскіе народы, которые были завоеваны нѣмцами, были во много разъ образованнѣе и культурнѣе своихъ завоевателей. И одинъ изъ нихъ (Дуллеръ) обращался даже къ своимъ соплеменникамъ съ такими словами: „Воистину, германцы, вы можете быть велики не потому только, что велико будетъ число говорящихъ по-нѣмецки... Оставьте народы говорить на своихъ языкахъ. Уважайте всякое противодѣйствіе, оказываемое вамъ ради поддержанія неприкосновенности національныхъ правъ. И прежде всего уважайте благородную славянскую народность, составляющую блестящую, роскошную кайму вокругъ всей прусской королевской мантіи на сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ ея поляхъ“.

Но мы, современники выросшей Германіи, видимъ теперь, *какъ* уважаетъ она славянство. Германія сдѣлала уже свое дѣло,—дѣло ассимиляціи, но она не хочетъ „уйти“, не хочетъ остановиться. Она и на остальные славянскіе народы смотритъ какъ на „навозъ“. Она поднимаетъ руку даже на ту силу, которая, выйдя изъ нѣдръ самого славянства, сумѣла организовать его и дать ему свою національную государственность,—на Россію!

И вмѣстѣ съ нею сестра ея, Австрія, ведетъ противъ насъ полки, состоящіе изъ нашихъ же братьевъ-славянъ, которыхъ она не успѣла ассимилировать, но успѣла поработить.

Въ Берлинѣ на одномъ изъ мостовъ стоитъ памятникъ Великому Курфюрсту, изображающій мрачнаго рыцаря на тяжеловѣсномъ страшномъ конѣ; лицо его выражаетъ надменность и дерзость, а у ногъ его пьедестала прикованы цѣпями четыре сгорбленныя, униженныя, жалкія человѣческія фигуры,—это тѣ народы, которые поработила Германія. Германія хочетъ теперь, чтобы потомки нынѣшнихъ нѣмцевъ имѣли право изобразить такимъ же колѣнопреклоннымъ и жалкимъ и русскій народъ гдѣнибудь на мосту, въ Берлинѣ.

Отпоръ, который получитъ отъ славянства это безуміе германизма, будетъ страшенъ и покажетъ міру, что завоевательное шествіе Германіи кончилось, роль ея сыграна и ей не суждено уже „bevölkern“, не суждено уничтожать народы.

Но нужно, чтобы каждый русскій зналъ, что это за земли, противъ которыхъ стоятъ сейчасъ наши арміи, и что это за война, которую мы ведемъ.

Почему каждый русскій мужикъ инстиктивно ненавидитъ самое имя „нѣмецъ“, хотя нѣмецъ не сдѣлалъ ему ничего дурного, и онъ можетъ его даже любить, какъ добраго сосѣда, какъ мир-

наго земледѣльца. Да потому, что въ каждомъ русскомъ впитались въ плоть и кровь воспоминанія о страшныхъ битвахъ и опустошеніяхъ, объ истребленіяхъ, передъ которыми татарскія нашествія ничто, о дикой и свирѣпой бойнѣ, которую *въ теченіе вѣковъ* германцы устраивали въ славянскихъ земляхъ, истребляя русовъ, поморянъ и всѣхъ славянъ. Это чувство мести просыпается въ немъ, то самое, что одушевляло и славянскихъ князей и жрецовъ въ храмахъ Свѣтовита, осмѣливавшихся на борьбу съ нѣмцами, и одушевляетъ сейчасъ сербовъ и чеховъ.

Эта война—война мести, война исторической мести. Не бронированный кулакъ „нѣмецкаго рыцаря“ поднялся надъ міромъ, а заскорузлая рабочая длань земледѣльца—венеда, которому надоѣло сносить господство надменнаго поработителя. Это „черный народъ“, это чернь, надъ которой привыкли царить „германскіе вассалы“, поднялась и идетъ сокрушить ненавистную мощь.

Я раскрываю карту земель, возлѣ которыхъ стоятъ наши войска, и все, что я тамъ вижу,—все наше, все славянское, все взято нѣмцами. Вотъ здѣсь, въ Ганноверѣ, течетъ рѣка. Знаете, какое имя ея? Оно родное: Ильмень, какъ тотъ Ильмень, на которомъ стоитъ Новгородъ. А вотъ и самый Новгородъ, онъ только иначе называется: Нейгардтъ. А вотъ и Старгородъ—Штаргардъ. И Бѣлгородъ — Бельгардъ. И много, много древнихъ русскихъ городовъ. Мы точно въ родной странѣ: вотъ Ключъ, вотъ Носовъ, Борзовъ, Варинъ, Лѣсковъ, вотъ Тетеревъ, близъ рѣки Варли, вотъ Грабовъ, Шустровъ—эти даже не измѣнили своихъ названій какъ случилось съ Рыбницей, которая стала теперь Рыбсницомъ, вотъ рѣка Руссъ, близъ Мемеля. А перенесемся въ Берлинъ, въ эту берлогу германизма. И тутъ, вѣдь, все славянскія мѣста, славянскія деревни: Панковъ, Трептовъ, Люцовъ, Глинико, Буковъ, Рудовъ, Кипеникъ, Мальковъ, Каровъ. Вотъ какія это земли, какія мѣста! Все славянское — славянская могила, славянское кладбище.

Съ какимъ же чувствомъ станетъ русскій воинъ биться съ „культурными“ народоубійцами? Только съ местью въ душѣ и однимъ желаньемъ положить конецъ убійству народовъ. Часъ расплаты пришелъ для германизма; пусть живетъ культурный нѣмецкій народъ, возникшій на славянской крови, но пусть исчезнетъ навсегда зловѣщій призракъ воинствующаго германскаго имперіализма; назадъ, Германія, Россія выросла и защититъ славянство!

Т. Ардовъ.

(„Утро Россіи“ 27 іюля 1914 г.).

Эпосъ.

Какое мы переживаемъ время! Какіе надо имѣть нервы, чтобы устоять подъ натискомъ новостей, сыплющихся на насъ!...

Говорятъ, что великія войны рождаютъ великихъ геніевъ, что Пушкинъ и Толстой не подарили бы міръ своими произведеніями, если бы они не прошли черезъ горнило 1812 и 1852 годовъ и не получили бы отъ событій этихъ эпическихъ періодовъ того

нервнаго тока, котораго тщетно ожидали бы мы отъ сѣрыхъ, нудныхъ, однообразныхъ „обыкновенныхъ“ годовъ. Прежде я этого никакъ не могъ понять, а теперь начинаю вѣрить, что это похоже на правду, что кто-то въ Европѣ, дѣйствительно, можетъ сдѣлаться геніемъ только потому, что онъ имѣлъ счастіе быть сознательнымъ въ іюлѣ 1914 года. Ибо въ нашу затхлую европейскую атмосферу ворвались какіе-то горячіе вихри, которые мучатъ и терзаютъ, но въ которыхъ есть что-то божественное.

Какія событія! Какія картины!

Бѣдный Гарро: я встрѣчался съ нимъ. У него много было враговъ и личнаго горя. Я вѣрю, что онъ могъ сознательно пойти на то безсмертное самоубійство, которое сегодня описываютъ газеты: что онъ могъ выслѣдить грузный, неповоротливый, противный, колбасообразный цеппелинъ и въ экстазѣ боевой ненависти, равной которой не бывало со временъ викинговъ,—направить хрупкій, но безпомощный въ своей наступательной мѣткости моранъ противъ того навѣшаннаго на стальныя сплетенія алюминіеваго мѣшка, который Нѣмцы называютъ своей гордостью. Такой смертью, право, всякому хотѣлось бы умереть—въ лучахъ восходящаго солнца, купаясь въ опаловой дымкѣ надъ еще спящей землей...

Передо мной встаетъ еще одна картина. Вотъ уже три дня, какъ она гложетъ мое воображеніе: минутами мнѣ кажется, что я сойду съ ума. Не знаю, совершенно не могу понять, откуда взялась у меня эта мысль: она преслѣдуетъ меня... Можетъ быть, это будетъ смѣшно, но я ее скажу. Мнѣ все хочется представить себѣ: *что сейчасъ переживаетъ Вильгельмъ*? Вотъ такъ: сѣсть за столъ и перевоплотиться.

Я имѣлъ „счастіе“ быть ему представленнымъ. Это было давно, во время одной изъ международныхъ конференцій, на которой я былъ техническимъ делегатомъ отъ Россіи. Во время парадная спектакля насъ выстроили и повели гусемъ мимо Вильгельма. Каждаго называли по имени; онъ подавалъ руку и нѣкоторымъ что-то говорилъ. Лѣвая рука у него сухая, а въ правой рукѣ была каска. Когда я протянулъ руку и хотѣлъ пожать, то я захватилъ краешекъ какого-то пальца и остроконечную шишку (знаете?..), которую мы всѣ видали у шуцмановъ; я былъ настолько неловокъ, что каска чуть не упала на землю. Никакихъ другихъ впечатлѣній у меня не осталось отъ того момента; было еще гнетущее чувство—не знаю отчего. Больше я съ нимъ не встрѣчался. Но мнѣ кажется, что я все-таки могу себѣ представить душу и настроеніе этого человѣка: слава Богу, пятнадцать лѣтъ занимаясь внѣшней политикой, я только и дѣлалъ, что слѣдилъ за поступками этого сфинкса. Его гордынѣ нѣтъ предѣловъ. Когда онъ ѣдетъ на автомобилѣ, то гудокъ шофера все время играетъ изъ Вагнера мотивъ *бога* Вотана. Его гордыня въ значительной степени опредѣлила собою всю психику современной Германіи и, въ особенности, современной германской гвардіи. Когда Нѣмецъ говоритъ о славянскихъ собакахъ,—это не фраза,—онъ именно думаетъ о собакахъ и относится къ намъ, какъ къ собакамъ. Когда Нѣмецъ говоритъ о Herrenvolk, о народѣ-госпо-

динѣ, то онъ именно думаетъ, что онъ, Нѣмецъ, существо особаго сорта. Ницше былъ сумасшедшій, но этимъ сумашествіемъ недѣлю тому назадъ была больна вся Германія. Когда Нѣмцы говорили, что у нихъ мало земли и что имъ нужно завоевать „свое мѣсто подъ солнцемъ“, они именно хладнокровно, методично и тупо передумывали то, что думаетъ душегубъ на большой дорогѣ. Ни одинъ Славянинъ этого *никогда* не поймете; онъ слишкомъ мягокъ. Они именно жили мыслью, что они раздавятъ, отнимутъ, и ни передъ чѣмъ не остановятся... Такъ вѣдь?..

И вотъ, онъ сидитъ въ своемъ дворцѣ, на той площади, гдѣ онъ только что закончилъ грандіозный по своему безвкусію Dom. Онъ сидитъ за столомъ краснаго дерева со столѣтней бронзой, и ему все приносятъ донесенія. Россія даже не удостоила отвѣтомъ на ультиматумъ. Франція мобилизовалась. Италія измѣнила. Бельгія объявила войну. Англія объявила войну. Швеція отказалась поддержать. Es ist erreicht...

И все входитъ дежурный адъютантъ, и каждые полчаса приноситъ эти свѣдѣнія: всѣ они въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на Вильгельмштрассе написаны на установленнаго образца бумагѣ съ водяными знаками, написаны на спеціальной машинкѣ съ острыми готическими буквами. На каждой изъ этихъ четвертушекъ тѣми же готическими буквами могло бы быть написано... совсѣмъ наоборотъ. Могъ бы быть хоть какой-нибудь просвѣтъ, хоть какая-нибудь радость... Ужасъ.

Еще приходитъ адъютантъ. „Гебенъ“ погибъ въ Средиземномъ морѣ, захваченъ врагами... Лучшій, самый любимый крейсеръ! Сколько разъ замирала на шканцахъ команда, впиваясь глазами въ проходящаго по „Гебену“ императора. „Гебенъ“ остался въ Средиземномъ морѣ, потому что Германія разсчитывала на активную помощь Италіи; а Италія объявила нейтралитетъ. „Гебену“ некуда было дѣваться изъ той колоссальной ловушки, на одномъ концѣ которой Англичанинъ сидитъ въ Гибралтарѣ, а на другомъ—въ Египтѣ. „Гебенъ“ не могъ даже надлежащимъ образомъ бомбардировать Алжиръ, потому что у него въ трюмѣ было установленное по инструкціи главнаго штаба количество снарядовъ, ни однимъ больше, ни однимъ меньше. А другихъ снарядовъ на „Гебенъ“ всесильный германскій императоръ послать не могъ: можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни онъ понялъ, что значитъ слово „невозможно“. „Гебенъ“ взятъ врагами, потому что германскій императоръ ошибся въ разсчетахъ на Италію.

Какіе надо имѣть нервы?

Эпическія картины роятся въ головѣ. Обратили ли вы вниманіе на одну особенность теперешняго настроенія въ Россіи и, насколько можно судить по телеграммамъ, въ остальной Европѣ? *Ни одинъ человѣкъ не говоритъ о побѣдѣ.* Помните: „шапками закидаемъ?“ Помните: „япошекъ?“ Россія выросла, созрѣла, сдѣлалась культурной въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Мы не говоримъ о побѣдѣ не потому, что мы ея не желаемъ, а только потому, что мы имѣемъ громадное превосходство надъ Нѣмцами, мы знаемъ, что такое война, а Нѣмцы забыли, что

такое война. Мы русской кровью заплатили за это знаніе, мы идемъ на эту войну, какъ въ церковь: въ такомъ настроеніи не бахвалятся. Эту войну надо было принять, какъ тяжелый крестъ; но легкомыслію въ ней нѣтъ мѣста. Мы сдерживаемся. Но я чую, какъ съ каждой новой нѣмецкой наглостью, у каждаго изъ насъ растетъ убѣжденіе, титаническое по своему единодушію: *съ этимъ надо покончить*..

Ал. Пиленко.

(Новое Время, 25 іюля 1914 г.).

Нѣмцы въ Россіи.

Какъ сообщаютъ либавскія газеты, еще за нѣсколько дней до объявленія намъ Германіей войны, проживающіе въ Либавѣ германскіе запасные были призваны къ своимъ войскамъ. Свѣдѣнія объ этомъ газеты, по ихъ утвержденію, почерпнули изъ мѣстнаго германскаго консульства, которое, какъ и можно было ожидать, поспѣшило заявить, что означенное сообщеніе газетъ „не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“, чему однако никто не повѣрилъ. Можно не сомнѣваться, что Либава тутъ не составила исключенія изъ другихъ городовъ не только Лифляндіи, но и Россіи вообще. Но не всѣ иностранные Нѣмцы, благополучно пребывающіе на русской землѣ, суть только запасные чины германской или австрійской арміи, и ихъ намъ самимъ надлежитъ „призвать“ къ возвращенію туда, откуда они пожаловали. Напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, въ лютеранскихъ приходахъ читаетъ проповѣди и ведетъ миссіонерскія бесѣды директоръ лейпцигскаго миссіонерскаго общества Карлъ Пауль. По Сибири („Сиб. Ж.“) разъѣзжаетъ Австріецъ Виттернъ, „знакомящійся по порученію австрійскаго правительства, съ промышленностью и вообще съ экономической жизнью Сибири“. Многое множество нѣмецкихъ ученыхъ (по какой части?) особенно усиленно въ это лѣто экскурсируютъ по той же Сибири, Туркестану, Уралу, Кавказу. Всѣмъ этимъ милымъ гостямъ, въ лучшемъ случаѣ, при полномъ отсутствіи компрометирующихъ данныхъ слѣдуетъ немедленно заявить, что ихъ не задерживаютъ.

(Новое Время, 23 іюля 1914 г.).

Шпіоны.

Коротенькая, но многозначительная телеграмма изъ Брюсселя сообщаетъ: власти конфисковали безпроволочный телеграфъ въ помѣщеніи здѣшней германской школы.

Уже одинъ разъ Европа была свидѣтельницей, какъ нѣмцы подготовляютъ свои кампаніи. Во время франко-прусской войны оказалось, что всѣ германскіе подданные, проживавшіе во Франціи въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ и прислуги, были за рѣдкими исключеніями шпіонами. Незадолго до войны они внезапно покинули страну. Но когда прусская армія вторглась въ предѣлы Франціи, то оказалось, что эти же нѣмцы, проживавшіе во Франціи до войны, оказавшіеся офицерами и унтеръ-офицерами прус-

ской арміи, знали всѣ подробности о непріятельской странѣ. Имъ была знакома мѣстность, каждый кустикъ, каждый домъ, условія жизни и средства обывателей. Входя въ городъ и село, нѣмцы требовали что-то въ родѣ древней дани и безошибочно угадывали средства обывателей.

Телеграмма изъ Брюсселя доказываетъ, что нѣмцы не измѣнили своей тактики, а только примѣнили ее къ обстоятельствамъ, къ новымъ научнымъ изобрѣтеніямъ и новымъ условіямъ жизни. Безпроволочный телеграфъ въ германской школѣ долженъ былъ сослужить великую службу и пріятно знать, что планы нѣмцевъ разрушены, но кто поручится, что такой же телеграфъ не находится въ Брюсселѣ и въ зданіи германской больницы, консульствѣ и миссіи, гостинницахъ и у частныхъ лицъ.

За послѣднее время нѣмцы построили во многихъ городахъ Европы огромныя гостинницы, причемъ были выписаны „спеціальные мастера изъ Германіи". Неужели нѣтъ въ каждой странѣ своихъ маляровъ, каменьщиковъ и штукатуровъ? Конечно, знанія этихъ мастеровъ были „спеціальныя".

(Новое Время, 24 іюля 1914 г.).

Око за око.

Какъ естественная реакція на нѣмецкія звѣрства, въ Россіи растетъ чувство злобы къ нѣмцамъ и жажды мести. Вотъ, напримѣръ, какую телеграмму помѣстило Новое Время.

„Сообщаемъ вамъ депешу, посланную нами Самарину (московскому губернскому предводителю дворянства). Разбойное нападеніе Германіи требуетъ отъ насъ, русскихъ людей, крайнихъ средствъ отпора врагу. Предлагаю поэтому вамъ, вліятельнѣйшему лицу, провести мысль о необходимости бойкотировать все нѣмецкое: немедленно выслать всѣхъ колонистовъ, германскихъ подданныхъ, уволить ихъ изъ всѣхъ предпріятій, какъ возможныхъ шпіоновъ. Воздѣйствуйте на городскую думу, соберите дворянство. Просимъ огласить возможно широко нашу мысль".

Пасхаловъ, профессоръ *Снегиревъ*.

(Новое Время 22 іюля 1914 г.).

Увѣковѣченіе варваровъ XX вѣка

Доходящія до насъ съ разныхъ сторонъ извѣстія о невѣроятныхъ въ нашъ вѣкъ насиліяхъ и преступленіяхъ, совершаемыхъ озвѣрѣвшими нѣмцами надъ безоружными гражданами воюющихъ съ ними державъ лишній разъ показываютъ, что можетъ таиться даже въ наши дни подъ личиной культуры и прогресса у народовъ, основную черту которыхъ составляютъ тупость и грубость души. При душевной неразвитости отъ человѣка до звѣря одинъ только шагъ, и намъ теперь приходится выносить свирѣпые броски и укусы этого звѣря...

Десять лѣтъ назадъ мы лили потоки крови, воюя съ другимъ врагомъ. Мы въ правѣ были ожидать встрѣтить въ немъ типич-

наго азіата, жестокосердаго и мстительнаго. Что оказалось въ дѣйствительности? Оказалось, что японцы уже къ 1903 г. успѣли усвоить не внѣшнюю только, но и внутреннюю душевную культуру. Они оказались способными на высшіе патріотическіе жертвы и подвиги и неспособными на звѣрство. Вспомнимъ, какъ относились они къ нашимъ плѣнникамъ, къ нашему мирному населенію, къ нашимъ раненымъ, какія трогательныя почести воздавали они *нашимъ* павшимъ героямъ. Вспомнимъ все это и сравнимъ съ тѣмъ, что чинятъ теперь нѣмцы и на нашей, и на своей территоріи.

Варварство современныхъ тевтоновъ должно быть достойнымъ образомъ увѣковѣчено передъ глазами всего міра. А для этого нашему правительству стоитъ только издать сборникъ документированныхъ свидѣтельствами показаніями свѣдѣній о тѣхъ оскорбленіяхъ, терзаніяхъ и казняхъ, которымъ были подвергнуты русскіе подданные и чины правительства въ нашемъ Калишѣ, Андреевѣ и въ разныхъ мѣстахъ Германіи. По нашему примѣру поступитъ, вѣроятно, и Франція.

А. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

(„Нов. Вр.“).

Комиссія разслѣдованія насилій надъ русскими въ Германіи.

По иниціативѣ членовъ международнаго бюро мира, въ Петербургѣ организуется спеціальная комиссія, которая займется детальнымъ разслѣдованіемъ всѣхъ фактовъ издѣвательствъ и насилій, совершонныхъ надъ русскими подданными въ Германіи.

Съ этой цѣлью состоится совѣщаніе представителей международнаго бюро, русской междупарламентской группы, обществъ мира и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей.

На этомъ совѣщаніи будетъ выработанъ планъ организаціи возможно болѣе широкаго опроса лицъ, вернувшихся изъ Германіи послѣ объявленія войны. Данныя, собранныя этой анкетой, послужатъ матеріаломъ для доклада о правонарушеніяхъ, совершенныхъ въ послѣднее время Германіей. Докладъ предполагается представить постоянному международному бюро мира въ Бернѣ.

Кошмарный путь.

(Бесѣда съ И. Н. Холчевымъ).

Въ Москву возвратился изъ Германіи И. Н. Холчевъ, редакторъ-издатель весьма извѣстной въ свое время московской газеты „Вечерняя Почта".

Составитель этой брошюры рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы въ личной бесѣдѣ съ И. Н. Холчевымъ провѣрить тѣ кошмарные разсказы о нѣмецкихъ звѣрствахъ, небольшая лишь часть которыхъ собрана въ настоящемъ изданіи.

Я засталъ И. Н. и его супругу еще подъ живымъ впечатлѣніемъ всего по истинѣ кошмарнаго ужаса, пережитого ими по пути изъ австрійскаго Франценсбада въ Россію. Даже радостныя впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ поѣздки по истинно культурной, гуманной Швеціи, гдѣ русскіе бѣглецы встрѣтили теплое, сердечное участіе, не могли сгладить тяжкихъ воспоминаній о германскомъ вандализмѣ.

Если бы не серьезная цѣль нашей бесѣды, то признаюсь, я даже не рѣшился бы бередить эти еще свѣжія раны, возобновлять всю боль пережитого въ душѣ моихъ любезныхъ собесѣдниковъ, явно приносившихъ въ данномъ случаѣ въ жертву общему дѣлу твердаго установленія факта нѣмецкихъ звѣрствъ свои нервы.

„Прежде всего долженъ васъ предупредить, сказалъ мнѣ И. Н., что я буду вамъ разсказывать лишь о томъ, очевидцами чего мы были непосредственно, воздержусь говорить даже о всемъ томъ ужасѣ, о которомъ намъ говорили наши многочисленные спутники на этомъ долгомъ и по истинѣ кошмарномъ пути, изъ коихъ многіе во всякомъ случаѣ заслуживали полнаго довѣрія".

„Но добавлю одно — все, что мы впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Россію, читаемъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ, кажется намъ блѣдною копіею лично нами пережитого. Не знаю, можетъ быть, тутъ говорятъ измученные въ конецъ нервы (кстати, замѣчу, что мы оба поѣхали въ Австрію и Германію лѣчиться!) и преслѣдующіе насъ до сихъ поръ ночные кошмары, полные видѣній нѣмецкаго „Дантова ада", но, право же, когда читаешь даже самыя краснорѣчивыя и яркія описанія мукъ, испытанныхъ въ Германіи нашими мирными соотечественниками, женщинами и дѣтьми, то

все кажется, что это еще слабо, блѣдно, не достаточно полно разсказано. Тѣмъ болѣе поэтому и я воздержусь отъ красокъ и впечатлѣній: я разскажу только о фактахъ.

„Вѣсть объ австрійской нотѣ и послѣдующихъ событіяхъ застала насъ въ Богеміи, во Франценсбадѣ. Тамъ насъ врачи и курортная администрація успокаивали, убѣждали остаться до болѣе спокойнаго времени, гарантируя безопасность и заботу о русскихъ „курортныхъ гостяхъ“ чуть ли не именемъ австрійскаго правительства. Но мы, сознавая, къ чему идутъ событія, рѣшили во что бы то ни стало быть въ эту пору на родинѣ. Мы рѣшили ѣхать въ Берлинъ, разсудивъ, что тамъ въ центрѣ „культурнаго“, какъ мы, сознаюсь, имѣли наивность думать, государства, подъ защитою германскихъ властей и нашего посольства, (въ войну съ Германіей все еще какъ то не вѣрилось, да и мысли не было, что если даже объявлена будетъ и эта война, то первыми жертвами ея сдѣлаемся мы, мирные русскіе, гости нѣмецкихъ курортовъ и паціенты германскихъ и австрійскихъ врачей, привозящіе имъ ежегодно десятки милліоновъ русскихъ денегъ) мы скорѣе найдемъ и охрану и достанемъ билеты до Россіи. И замѣтьте, не мы одни: десятки тысячъ русскихъ спѣшили именно въ Берлинъ — такъ велика была еще тогда вѣра въ нѣмецкую порядочность. Пріѣхали мы туда 17-го іюля и первые часы мы были тамъ еще въ полнѣйшей безопасности. Въ отелѣ, гдѣ мы обычно останавливаемся, съ нами были еще вѣжливы и внимательны. Но вскорѣ уже начали появляться летучки съ грубыми и вызывающими замѣтками по адресу Россіи, на улицахъ русскихъ уже встрѣчали и провожали грубостями. Размѣнъ денегъ былъ уже неимовѣрно труденъ; я лично кое-какъ, благодаря лишь особымъ знакомствамъ въ Нѣмецкомъ банкѣ, досталъ аккредитивъ на 300 марокъ. Мы поспѣшили съ большимъ трудомъ достать билеты до Варшавы на 19-е іюля.

Въ вечеръ нашего отъѣзда атмосфера грубости и уже явнаго издѣвательства надъ русскими была сильно подогрѣта неимовѣрно злобною, скажу прямо неистовою рѣчью Вильгельма, позволившаго себѣ положительно немыслимыя въ устахъ монарха, сосѣда, бывшаго „друга“ и даже родственника дерзости, оскорбленія и клеветы личнаго характера по русскому чрезвычайно высокому адресу. Я убѣжденъ, что въ числѣ другихъ факторовъ и эта, отнынѣ во всѣхъ отношеніяхъ историческая, рѣчь сыграла свою роль въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя въ послѣдующіе за нею дни проявили по отношенію къ русскимъ нѣмцы всѣхъ ранговъ и возрастовъ, въ томъ числѣ и женщины и дѣти, въ присутствіи которыхъ матери—я самъ былъ этому свидѣтелемъ—издѣвались надъ русскими женщинами, тщетно вымаливавшими у нихъ для своихъ изнемогавшихъ отъ жажды дѣтей стаканъ воды.

„Характерно, что когда мы, кое-какъ доставъ за огромныя деньги автомобиль, чтобы ѣхать на вокзалъ не обычнымъ путемъ, а черезъ Шарлоттенбургъ, отъѣзжали отъ подъѣзда нашего „корректнаго“ отеля, то прислуга, обычно столь выдержанная, притомъ щедро получившая на чай, тѣмъ не менѣе уже нахально кричала намъ: „до свиданья въ Петербургѣ!“.

„Подъ дикое улюлюканье уличной толпы, не только не сдерживаемой, но, видимо, поощряемой столь „любящими порядокъ“ прославленными берлинскими полицейскими всѣхъ ранговъ, кое-какъ добрались мы до вокзала. Что дѣлалось тамъ, какъ пробивались къ вагонамъ, тѣснили женщинъ и дѣтей, бросали багажъ и т. п., не стану вамъ разсказывать: объ этомъ уже писали десятки очевидцевъ. На меня лично произвело все это такое впечатлѣніе, что сами нѣмцы какъ будто растерялись отъ этого безпорядка и не знали, что дѣлать. Я не прочь раздѣлить высказанную уже кѣмъ-то въ печати мысль, что нѣмцы, обычно привыкшіе работать въ условіяхъ крайней методичности и порядка, были, помимо злобы къ русскимъ, еще и ошеломлены создавшимся нарушеніемъ всякаго порядка, а когда этотъ безпорядокъ, хаосъ и смятеніе, созданные на ихъ желѣзнодорожныхъ путяхъ по ихъ же винѣ десятками тысячъ обезумѣвшихъ отъ ужаса и паники русскихъ, поневолѣ задержали хотя бы до нѣкоторой степени нѣмецкую мобилизацію, то они, особенно военные, уже окончательно озлобились, разсвирѣпѣли и стали проявлять какую-то не только обычно-тевтонскую, но и по истинѣ звѣриную злобу къ намъ. Остроумно замѣтилъ уже по этому поводу кто-то въ печати, что намъ, потерпѣвшимъ отъ этой злобы, остается утѣшеніе, что мы хотя бы въ самой крошечной степени, а все же послужили ослабленію врага нашей родины, помѣшавъ быстротѣ и аккуратности нѣмецкаго желѣзнодорожнаго движенія.

„Около часа ночи мы добрались до Торна. Здѣсь раздалась вдругъ, грубая солдатская команда: „*Alles* aussteigen“ — и именно *alles*—„все выходи!“: не „всѣ выходите“, не „пассажиры выходите“, а именно словно скотамъ нахально кричали: „все вонъ!“ — На вокзалѣ полная тьма, ни одного носильщика; всѣ кинулись въ паникѣ сразу, давя другъ друга, кидая вещи; плакали женщины, дѣти... Словомъ, начался адъ.

„Въ чемъ дѣло?“ пробовали мы узнать. Сначала никто изъ желѣзнодорожниковъ даже не разговаривалъ съ нами, бросая лишь грубые отрывистые слова и окрики. Въ концѣ концовъ нѣмцы начали объяснять, что наши же, русскіе, стрѣляютъ будто бы въ Александровѣ въ нѣмецкіе поѣзда, везущіе русскихъ, почему, молъ, „мы и не можемъ рисковать вами и нашими вагонами“. Выходило чуть-ли не такъ, что они изъ состраданія вышвырнули насъ въ кромѣшную тьму изъ вагоновъ и держатъ цѣлыми часами въ полнѣйшей неизвѣстности, при чемъ ни ѣды, ни питья на вокзалѣ нельзя было достать ни за какія деньги. Мы просили послать за нашъ счетъ телеграммы нашему послу въ Берлинъ и русскимъ властямъ въ Александрово; нѣмцы брали съ насъ за телеграммы деньги (многіе оплачивали по срочному тарифу), квитанціи по обыкновенію не выдавали и, какъ впослѣдствіи оказалось, телеграммъ не посылали. Такъ тянулось дѣло до 9 часовъ утра. Хорошо еще, что нѣкоторые носильщики ослабили свой дикій „патріотизмъ“ уступившій мѣсто жадности, и начали продавать стаканъ воды за марку—двѣ.

„Наконецъ, появился комендантъ. Толпа кинулась къ нему; среди насъ были калишскій губернаторъ и нѣкоторые другіе вид-

ные наши чиновники и общественные дѣятели; они начали упрашивать или вѣрнѣе буквально умолять коменданта отправить насъ въ Александрово: „Не могу, былъ отвѣтъ, ваши же разстрѣляютъ васъ, а кромѣ того они не вернутъ мнѣ нашихъ вагоновъ, я не могу рисковать изъ-за васъ теперь нашими вагонами". Впослѣдствіи мы узнали, что на самомъ дѣлѣ нѣмцы ни одного поѣзда до Александрова не доводили, а останавливались у Отлочина, объясняя нашимъ пассажирамъ, что, де, „ваше же правительство отказывается принять васъ, казаки обстрѣливаютъ поѣзда". Словомъ, самое наглое вранье было пущено въ ходъ, лишь бы не давать поѣздовъ, нужныхъ имъ въ эти дни для мобилизаціи. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что если изъ Торна прибудетъ нашъ консулъ и поѣдетъ съ нами, то комендантъ дастъ поѣздъ. „Мы съ вечера ищемъ вашего консула, объяснилъ онъ намъ, и нигдѣ его найти не можемъ", иронизировалъ комендантъ, и въ эту минуту нашедшій, съ истинно-нѣмецкою грубостью, время для шутокъ. „Ein schlechter konsul", замѣтилъ тутъ же стоявшій носильщикъ.

„Упросили коменданта послать нашу депутацію въ Торнъ искать консула. Калишскій губернаторъ и какой-то присяжный повѣренный отправились въ качествѣ депутатовъ подъ конвоемъ, при чемъ имъ было постановлено строжайшее условіе: смотрѣть только передъ собою, но не по сторонамъ, иначе разстрѣлъ. Около 11 ч. у. явился, наконецъ, нѣмецъ, какой-то сѣденькій, странный старичокъ, котораго намъ выдали за нашего консула. Онъ объявилъ, что поѣдетъ съ нами съ бѣлымъ флагомъ. И вотъ подали небольшой поѣздъ, куда должны были помѣститься *пять тысячъ* русскихъ. Можете себѣ представить, что тутъ началось. Багажъ, конечно, бросали, изъ него образовались горы; по нимъ и черезъ нихъ лѣзли къ вагонамъ тысячи людей, женщинъ и дѣтей давили, кое-гдѣ шло настоящее побоище, устроенное въ полномъ смыслѣ слова обезумѣвшей толпой, которой объявили, что это послѣдній поѣздъ, съ которымъ русскіе могутъ попасть на родину.

А въ это время нѣмцы,—желѣзнодорожники, офицеры, солдаты, публика, и въ числѣ ея женщины, громко издѣвались надъ несчастными, обезумѣвшими людьми, хохотали надъ рыдающими женщинами, потерявшими своихъ дѣтей, надъ дѣтьми, метавшимися по перрону съ отчаянными криками: „мама, мама".

Вотъ прошло уже больше двухъ недѣль, а въ моихъ ушахъ стоятъ эти стоны, и плачъ и крики и тутъ же я вижу какъ сейчасъ передъ собою эти гадкія, толстыя, красныя, отвратительныя рожи хохочущихъ нѣмцевъ... Никогда не забыть мнѣ этой картины. Пусть теперь кто-нибудь увѣряетъ меня, что нѣмцы—культурный народъ.

Лично я съ женою рѣшили: пусть будетъ что будетъ, а кидаться въ эту толпу мы не станемъ. Мы въ числѣ полутора—двухъ тысячъ, физически не могшихъ войти въ поѣздъ, остались, потерявъ однако весь свой багажъ. Кстати, могу благодарить Бога, что мнѣ не пришлось, пока багажъ былъ съ нами, подвергнуться обыску: среди вещей у меня былъ фотографическій аппаратъ и купленный въ Берлинѣ блокъ-нотъ съ надписью. „Для

военныхъ замѣтокъ». Найди нѣмцы у меня эти *для нихъ* совершенно достаточныя доказательства моего шпіонства, разстрѣлъ былъ бы неминуемъ. Впослѣдствіи мы узнали, что и „консулъ“, и бѣлый флагъ, и вся эта мерзость были сплошнымъ обманомъ: поѣздъ повезли не къ нашей границѣ, а обратно къ Берлину, и на этомъ пути его повернули къ Штеттину.

Мы дождались второго поѣзда, который комендантъ вынужденъ былъ въ концѣ концовъ дать намъ и сознательно отправились въ Штеттинъ, надѣясь оттуда попасть на родину моремъ, какъ обѣщалъ намъ пресловутый „консулъ“. Везли насъ въ этомъ поѣздѣ буквально подъ штыками, солдаты и офицеры кричали на пасажировъ самымъ наглымъ образомъ. Строжайше было запрещено выглядывать въ окна. У Шнейдемюле офицеръ свистнулъ солдатамъ, тѣ зарядили ружья и выстроились противъ нашего вагона, былъ данъ приказъ закрыть окна и спустить шторы. Такъ длилось минутъ десять. Мы все же успѣли замѣтить на перронѣ носилки и сестеръ милосердія. Повидимому, везли раненыхъ, что нѣмцы хотѣли скрыть отъ насъ. Въ нашемъ же вагонѣ здѣсь разыгралась дикая сцена. Въ уборной занавѣски не было, а стекло не подымалось до верху. Солдаты съ перрона увидѣли это не закрытое окно и съ дикими проклятіями, со штыками впередъ ворвались въ уборную. Къ счастью, тамъ въ эту минуту никого не было. Разсвирѣпѣвшіе солдаты ограничились тѣмъ, что со злости разбили въ уборной графинъ, стаканы и все, что вообще тамъ можно было разбить. Когда мы просили офицеровъ позволить намъ купить что-нибудь поѣсть (нѣкоторые ничего не ѣли болѣе сутокъ), въ отвѣтъ раздалась площадная брань. Наконецъ, здѣсь же въ Шнейдемюле намъ объявили, что всѣ мы—военноплѣнные. Можете себѣ вообразить самочувствіе всѣхъ насъ, а особенно женщинъ. Поѣздъ, въ которомъ буквально яблоку негдѣ было упасть, огласился громкими рыданіями, подавшими поводъ нѣмецкимъ солдатамъ и офицерамъ къ новымъ издѣвательствамъ и окрикамъ.

Съ Крейца повернули на Штеттинъ, причемъ везли насъ какъ то нелѣпо: то ползли, то вдругъ поѣздъ мчался съ такою невѣроятною быстротою, что вагоны кренились; наиболѣе трусливые увѣрены были, что нѣмцы нарочно хотятъ устроить крушеніе, что бы дешево и скоро избавиться отъ насъ.

Наконецъ, ночью насъ привезли въ Штеттинъ. Здѣсь насъ по безконечнымъ путямъ возили взадъ и впередъ; очевидно, не знали, куда насъ приткнуть. Наконецъ, привезли къ городскимъ *свинымъ бойнямъ*, гдѣ и заставили выйти подъ пинки солдатъ и полицейскихъ, не стѣснявшихся толкать въ спину стариковъ и женщинъ. У боенъ мы встрѣтили и злополучныхъ пассажировъ перваго поѣзда, ушедшаго ранѣе насъ изъ Торна. Часть пассажировъ размѣстилась подъ открытымъ небомъ, часть въ бойняхъ на соломѣ, которую удавалось достать за большія деньги, лишь бы что-нибудь постелить на мокромъ и грязномъ полу. Никогда не забуду этой ужасной картины размѣщенія несчастныхъ бѣглецовъ въ свиныхъ хлѣвахъ подъ дикій, безпрестанный визгъ взбудораженныхъ свиней, а нѣмцы, душа которыхъ и тутъ принимала злобную шутку, острили, что изъ насъ „надѣлаютъ хорошихъ кол-

басъ для нѣмецкихъ солдатъ". До чего дошли бы эти издѣвательства, трудно сказать, но вмѣшался американскій консулъ, и нѣмцы стали нѣсколько сдержаннѣе. Однако ни ѣды ни питья нельзя было долгое время достать ни за какія деньги. Здѣсь же начались какіе-то непонятные аресты. Выхватывали изъ нашей среды мужчинъ и женщинъ, раздѣвали ихъ до нага, причемъ цинично издѣвались надъ женщинами. Никогда не забуду вида убитаго безысходнымъ горемъ какого-то портного изъ Харькова, который разсказывалъ намъ, какъ при немъ солдаты и полицейскіе, въ присутствіи офицеровъ раздѣли до нага его жену, которую потомъ увели на гауптвахту. Насколько несчастный мужъ могъ понять, нѣмцы заподозрили въ его женѣ переодѣтаго казака, такъ какъ у нея былъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ мужественный видъ.—Тутъ же разсказывали о разстрѣлахъ нѣсколькихъ изъ русскихъ пассажировъ, вызвавшихъ подозрѣніе своимъ видомъ или злобу нѣкоторыми замѣчаніями по поводу поведенія нѣмцевъ съ беззащитными людьми. Кстати, у многихъ изъ насъ отобрали паспорта, которыхъ потомъ, несмотря на всѣ просьбы, не возвратили ни мущинамъ, ни женщинамъ. Когда мы впослѣдствіи читали о колоссальномъ развитіи нѣмецкаго шпіонажа, то невольно приходило въ голову: *а что если съ этими отобранными у насъ паспортами теперь преблагополучно шныряютъ въ предѣлахъ Россіи германскіе шпіоны?* Вѣдь пишутъ же въ газетахъ о подобныхъ продѣлкахъ нѣмцевъ въ Бельгіи и Франціи. Положительно, слѣдовало бы обратить вниманіе нашего правительства на этотъ фактъ.

Въ концѣ концовъ мы попали снова въ вагонъ, гдѣ насъ заперли. Въ купэ насъ было человѣкъ 15—18; въ корридорахъ сидѣли на полу люди самаго разнообразнаго положенія и возраста, стараясь хотя сколько нибудь облегчить участь женщинъ и дѣтей. Тутъ же стояли солдаты съ заряженными ружьями и штыками. Среди сидѣвшихъ съ нами въ купэ очутился и какой-то подозрительный „русскій подданный изъ Одессы", который на ломаномъ русскомъ языкѣ старался заводить разговоръ на тему о нашемъ положеніи, объ обращеніи съ нами, о войнѣ и т. п. Онъ сообщилъ намъ, что насъ везутъ на о. Рюгенъ, гдѣ мы, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, будемъ помѣщены въ „великолѣпныхъ отеляхъ". Маневры этого господина были скоро поняты и всѣ мы поопасались разговаривать съ нимъ при этихъ условіяхъ, когда нѣмцы на нашихъ глазахъ уводили людей для разстрѣла за одну ироническую улыбку по ихъ адресу. На станціяхъ намъ попадались большія партіи солдатъ, размѣщенныхъ въ товарныхъ вагонахъ. Они громко бранились по нашему адресу, требовали, чтобы „эту русскую дрянь" перемѣстили въ ихъ вагоны, а нашъ поѣздъ отдали имъ. Ужаснѣе всего было наше положеніе, когда настала ночь: вагоны не освѣщались, солдаты при смѣнахъ, безцеремонно шагали по сидѣвшимъ на полу, наступая на дѣтей, поднявшихъ плачъ; они особенно тщательно осматривали женщинъ, замиравшихъ отъ ужаса при приближеніи къ ихъ лицамъ этихъ бурбоновъ со штыками. Повидимому, идея, что среди насъ ѣдутъ казаки, переодѣтые женщинами, не давала покою нѣмецкимъ во-

еннымъ властямъ и солдатамъ, и они всячески стремились поймать такого „казака“. Я вообще вынесъ впечатлѣніе, что наши казаки—истинное пугало всей Германіи, наводящее заранѣе панику на нѣмцевъ и особенно нѣмокъ.

Мучались мы всѣ нестерпимою жаждою: буквально стакана воды нельзя было достать на пробѣгѣ нѣсколькихъ станцій, и я помню радость, съ которою приняли утромъ 21 іюля, въ 4 часа, извѣщеніе, что на слѣдующей станціи „пассажирамъ“ разрѣшается выйти изъ вагоновъ, брать воду и пойти въ буфетъ. Но въ Штральзундѣ насъ опять заперли. Наконецъ, пріѣхали въ Засницъ. Тутъ нѣмецкіе лейтенанты издѣвались надъ нами, что, вотъ, молъ, тутъ васъ уже ждетъ русскій крейсеръ, высланный за вами вашимъ правительствомъ. Явился какой то уже пожилой офицеръ, который убѣждалъ насъ лучше остаться въ плѣну, рисуя намъ заманчивыя перспективы: „спокойно, дескать, переждете у насъ всѣ бѣдствія войны, пища будетъ хотя не роскошная, но хорошая“.

„Однако, добавилъ онъ, кто не желаетъ оставаться, можетъ ѣхать съ послѣднимъ параходомъ, который сейчасъ уйдетъ“. Всѣ единодушно закричали, что хотятъ ѣхать на родину. Этотъ единодушный отказъ отъ прелестей нѣмецкаго плѣна, видимо, озлобилъ нѣмцевъ, и посадка на пароходъ превращена была въ новыя муки. Нужно было на пароходѣ,—замѣтьте, по словамъ нѣмцевъ, оказавшимися новою ложью, *послѣднемъ*—помѣстить пять тысячъ человѣкъ. Солдаты и шуцманы подъ командою офицеровъ, образовали шпалеры, со штыками внутрь прохода. Проходили партіями, причемъ задніе, конечно, напирали на переднихъ, шуцманы грубо толкали въ грудь и спину. Я самъ видѣлъ, какъ ударили въ грудь моего знакомаго, кіевскаго прис. пов. Олтаржевскаго, страдающаго грудною жабою; онъ потомъ долго не могъ оправиться отъ этого удара. Проходившіе между шпалерами рисковали при малѣйшей неосторожности наткнуться на солдатскіе штыки, а въ то же время всѣ безумно спѣшили подъ вліяніемъ страшной мысли, что, вѣдь, это—*послѣдній* пароходъ: не попадешь на него, не избѣжишь всѣхъ ужасовъ нѣмецкаго плѣна, адскія муки котораго легко можно было себѣ представить по впечатлѣніямъ послѣднихъ дней, когда мы проѣзжали Германію еще въ качествѣ мирныхъ путешественниковъ! Немудрено, что воздухъ огласился истерическими воплями не только женщинъ и дѣтей, но и мужчинъ. Я видѣлъ самъ, какъ люди въ безуміи и отчаяніи кидались въ воду, какъ сильные мужчины лежали въ обморокѣ. Картина полнаго безумства, паники, отчаянія...

А въ это время спокойно работалъ нѣмецкій синематографъ!!

И нѣмецкая толпа, состоявшая не только изъ военныхъ и полицейскихъ, но и жителей этого проклятаго Богомъ уголка нѣмецкой земли, не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ, въ эти минуты ужаса громко смѣялась и издѣвалась надъ несчастными жертвами этой дикой расправы. Удивительно ли послѣ этого, что на многихъ станціяхъ, которыя мы проѣзжали, нѣмецкія женщины, эти фуріи, грозили намъ кулаками, плевали въ окна вагоновъ, издѣвались надъ нашими женщинами и дѣтьми!!!

Наконецъ, этотъ злополучный пароходъ „Neutrall“, на который удалось попасть и намъ, отошелъ отъ пристани. Что дѣлалось на немъ, трудно себѣ даже представить: дѣти не находили родителей, мужья женъ, жены мужей... Всюду плачъ, истерики, обмороки... Ужасъ, ужасъ, сплошной кошмаръ, отъ одного воспоминанья о которомъ мнѣ и въ эту минуту дѣлается не по себѣ.

Наконецъ, черезъ шесть часовъ мы пристали въ Траллеборгъ... Не стану разсказывать о дальнѣйшемъ. Кошмаръ такъ или иначе кончился... Въ Мальме мы розыскали нашего консула, кстати сказать ни слова не говорящаго по русски. Отъ него мы съ облегченіемъ узнали, что всѣ тѣ ужасы о взятіи Варшавы, приближеніи къ Петербургу, высадкѣ въ Финляндіи, революціи внутри Россіи и т. д. и т. д., о которыхъ намъ настойчиво лгали по всему пути озлобленные нѣмцы,—наглая выдумка, которой нѣкоторые разсказчики, впрочемъ, можетъ быть, и искренне вѣрили подъ вліяніемъ лживыхъ оффиціальныхъ сообщеній изъ Берлина. Какъ насъ ласково и гостепріимно встрѣчали дѣйствительно культурные шведы, какъ мы добрались, наконецъ, до Финляндіи, а оттуда спокойно проѣхали домой, обо всемъ этомъ уже много писалось въ нашей прессѣ.

„Многое тяжкое я забуду въ жизни, закончилъ свой разсказъ И. Н. Холчевъ, но этихъ кошмарныхъ дней и ночей нашего неизвѣстнаго никакому „международному праву“ плѣна у „культурныхъ“ нѣмцевъ я, конечно, не забуду. Если бы мы попали въ дѣйствительный плѣнъ къ какимъ-нибудь африканскимъ дикарямъ, то, вѣроятно, не испытали бы и тамъ болѣе тяжкаго униженія, болѣе циничныхъ издѣвательствъ, болѣе жестокаго обращенія.

„Неужели же мы и это забудемъ Германіи? Неужели наше безпардоное мягкотѣліе и эти униженія простить этимъ наглымъ дикарямъ, внѣдрившимся въ самое сердце Европы? Неужели наши врачи и въ будущемъ будутъ посылать своихъ паціентовъ въ Австрію и Германію, какъ послали они насъ туда въ этомъ роковомъ году? Неужели не образуется въ Европѣ и въ частности у насъ въ Россіи лига, особый союзъ борьбы съ нѣмецкою грубостью, наглостью и дикою некультурностью людей, у которыхъ есть только своя, особая *нѣмецкая* мораль и та существуетъ только для *своихъ*, для нѣмцевъ же, а съ остальными людьми они—звѣри, безъ чести и совѣсти?!“

В. В. Быховскій.

193 г.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Вольфа, Карцева, Тихомирова и др., а также на вокзалахъ продается брошюра.

В. Б.

НѢМЕЦКІЙ СТРАХЪ ПЕРЕДЪ „РУССКОЮ ОПАСНОСТЬЮ“

Какъ сами нѣмцы объясняютъ причины войны? Съ приложеніемъ перевода извѣстной брошюры „Russland und wir“ („Россія и мы“), вышедшей въ Берлинѣ въ іюлѣ 1914 года.

Изданіе С. Ф. ГРИШИНА.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: Москва, Б. Серпуховская, д. № 16, С. Ф. Гришинъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. (Можно наложеннымъ платежомъ).

Другія книги В. В. БЫХОВСКАГО.

1. **Обвиненіе и защита при законѣ 18 Марта 1896 г.** Москва. 1897 г. Ц. 60 к.

2. **A. Hamon. Опредѣленіе преступленія.** Перев. съ франц. *В. В. Быховскаго.* Москва. 1894 г. Ц. 35 к.

3. **R. Allou et Ch. Chenu. Великіе адвокаты XIX вѣка.** Перев. съ франц. *В. В. Быховскаго.* Изданіе редакціи журнала „Судебныя драмы". Москва. 1898 г, Ц. 75 к.

4. **Hermann de Baets. Искусство говорить на судѣ.** Перев. съ франц. *В. В. Быховскаго* — книга въ 3-мъ изданіи вышла въ 1912 г. въ изданіи В. М. Саблина подъ заглавіемъ **Искусство судебной рѣчи.** Ц. 50 к.

5. **Наше законодательство о жестокомъ обращеніе съ животными и желательныя въ немъ измѣненія** Изданіе Московскаго Отдѣла Россійскаго Общества Покровительства животнымъ. Москва. 1897 г. Ц. 30 к.

6. **Нѣсколько словъ о театрѣ и его задачахъ.** — Рѣчь, произнесенная въ кружкѣ сценическихъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ. (Чистый доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества) С.-Петербургъ. 1903 г. Ц. 25 к.

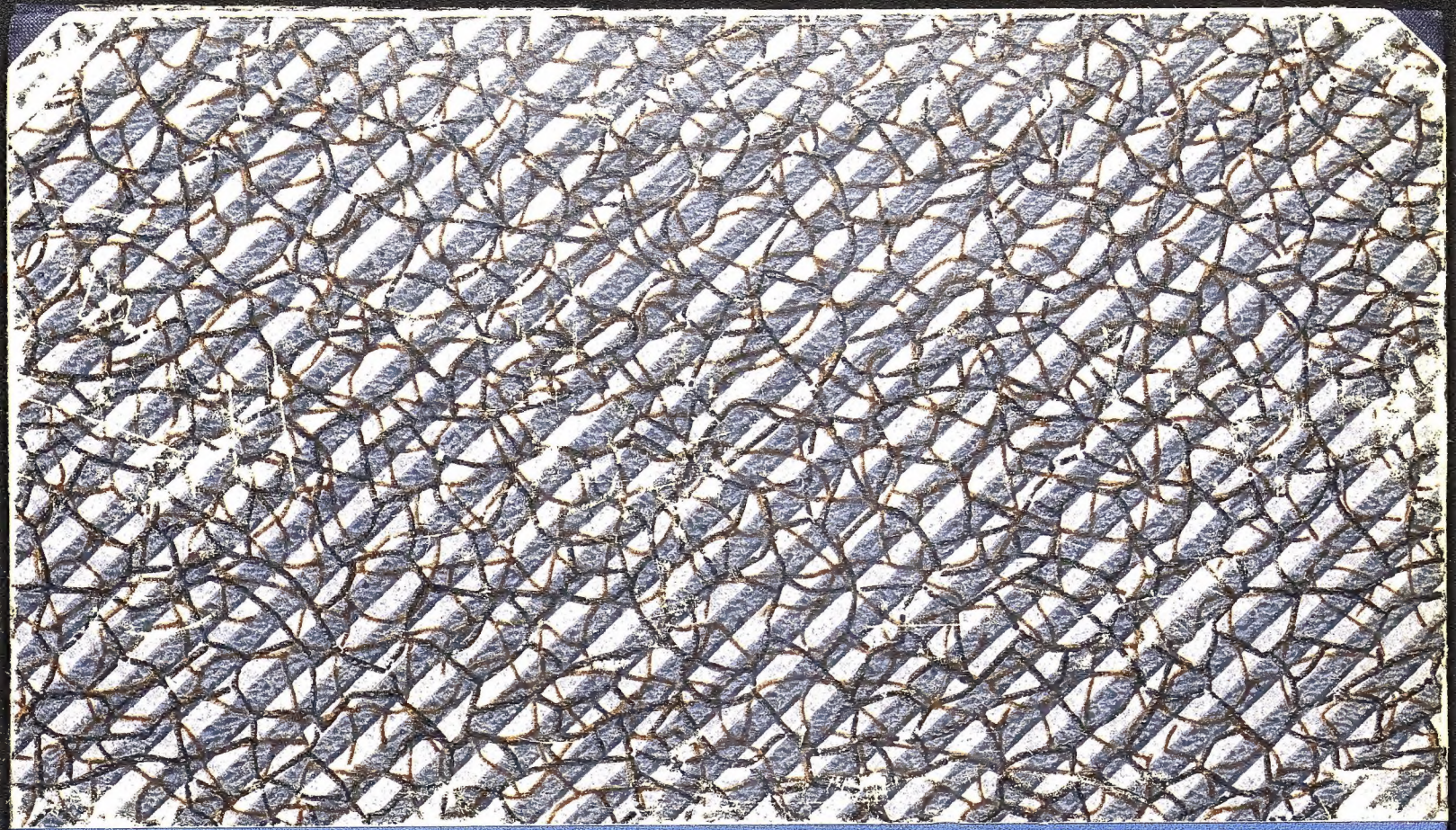
7. **В. В. Быховскій. (Сторонній Наблюдатель). Въ эпоху „довѣрія".** (Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей 1904—1905 гг.) СПБ. 1906 г. Ц. 1 р.

8. **Бракъ и Разводъ.** Практическое руководство при заключеніи и расторженіи брака съ образцами дѣловыхъ бумагъ. Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

9. **Духовныя завѣщанія по дѣйствующему русскому законодательству.** Практическое пособіе при составленіи и утвержденіи духовныхъ завѣщаній. Москва. 1913 г. Ц 1 руб.

10. **Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жительствѣ по закону 12 марта 1914 г.** Практическое руководство. Москва. 1914 г. Изданіе книжнаго магазина „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева. Ц. 75 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, Б. Серпуховская, д. № 16. С. Ф. Гришинъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.
(Можно наложеннымъ платежомъ).